Эврика
В. Кузьмищев
ЦАРСТВО СЫНОВ СОЛНЦА

В. Кузьмищев

ЦАРСТВО СЫНОВ СОЛНЦА

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1985

63.3(0)4
К89

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

К $\frac{0506000000-088}{078(02)-85}$ Без объявл.

Рассказ первый:

ЗОЛОТО НА ДРОВА

— Золотой?

— Ну не совсем. Там много и серебра.

— И деревья, и птицы, и трава, и эти их овцы с длинной шеей?

— И деревья, и птицы, и трава, и овцы, и даже букашки... Как та, что ползет сейчас по твоему рваному кафтану. А у стены лежали сложенные горкой дрова, золотые...

— Зачем дрова? Тут такая жара, что и без дров сваришься...

— Не себя же — пищу варить. На солнце ее не приготовишь.

— И то правда.

Окружавшие Алонсо де Молину товарищи как-то сразу притихли.

— Такое полено и вдвоем не подымешь, — деловито заметил королевский казначей, в обязанности которого входило изымать из добычи конкистадоров королевскую пятину. Он-то знал, сколько весит золото, и уже успел прикинуть вес полена.

— Капитан, а может, Алонсо там опоили чем-то? Может, ему все привиделось и он морочит нам голову?..

Вздох облегчения прокатился по толпе.

Алонсо смолчал. Он только качнул головой. Он видел золотой сад, он шел между золотыми деревьями и кустами рядом с золо-

тыми ламами, с сидящими на ветвях птицами из золота и серебра. Ему даже казалось, что при его приближении они обязательно вспорхнут. Больше всего его поразили змеи, ящерицы и жабы — этакая мразь, а тоже золотая! Чтобы не раздражать товарищей, он не стал говорить о них.

— Послушай, Франсиско, пошли кого-нибудь еще. Мы не верим Молине, не можем поверить...

Франсиско Писарро верил Молине. Он не мог ему не верить после страшного сентября 1527 года, проведенного на острове Гальо. Они вместе терпели тогда одну неудачу за другой. Они вместе умирали на проклятом богом острове, умирали от голода, болезней, непосильного труда и страшной жары, от которой негде было укрыться. Вглядываясь воспаленными глазами в бездушную морскую равнину, много дней ждали они спасительную подмогу.

И дождались. Но не подмогу, а... губернаторского инспектора Тафура. Удар был жестоким: губернатор Педро де лос Риос приказал вернуть экспедицию Писарро в Панаму.

Дело в том, что в Панаме уже давно никто не верил в конкисту лежавших на юге земель, которую предпринял триумвират во главе с Франсиско Писарро. Конечно, земли там, на юге, были, но вот уже целых три года Писарро и его люди безуспешно бороздили воды Моря-Юга в поисках индейского царства, более богатого, нежели Мексика. Слухи о нем, ходившие среди испанцев, ничем не подтверждались.

Писарро был участником экспедиции Васко Нуньеса де Бальбоа, когда испанцы впервые пересекли Панамский перешеек и вышли на побережье Тихого океана, который назвали Морем-Юга. Это случилось в 1513 году. Предпринятые ими рекогносцировочные походы вначале ничего не дали. Только несколько лет спустя, когда Кортес захватил Теночтитлан и разгромил ацтеков, в Панаме поползли слухи о южном царстве индейцев, превосходившем своими богатствами Мексику.

Первым из испанцев, действительно что-то прослышавшим о нем, был солдат Андогойя. Но он потерял здоровье в походах и по совету своего командира Педрариаса Давилы уступил право первооткрывателя Франсиско Писарро. Неизвестно, что именно знал или что рассказал Андогойя, но только с того самого дня Писарро ни разу не усомнился в существовании на юге индейского царства. Верили в него и два других члена триумвирата: профессор теологии Фернандо де Люке, принявший обязанности «коммерческого директора» конкисты, и мало кому известный Диего де Альмагро, обеспечивавший экспедиционеров всем необходимым. Точнее, тем, что ему удавалось раздобыть на собранные Люке деньги.

Снарядив очередной корабль, Альмагро вместе с завербованными

им новыми экспедиционерами отправлялся на поиски плававшего где-то на юге Писарро. В одном из таких поисков в стычке с индейцами Альмагро потерял глаз.

Дела у членов триумвирата шли откровенно плохо. Люке, задолжавшего чуть ли не всей Панаме, уже давно прозвали Локо, то есть Безумцем. Хуже было с Писарро и Альмагро — им также дали новые имена, но не по созвучию с их собственными. Их открыто называли Мясником и Заготовителем, ибо экспедиции пожирали не только деньги, но и человеческие жизни, а в Новом Свете испанские солдаты были слишком дорогим «товаром».

Испанцы гибли, а добычи не было. Так длилось целых три года. Вот почему на остров Гальо вместо очередной партии солдат, «заготовленных» Альмагро, и провианта прибыл Тафур со строжайшим приказом вернуть экспедицию в Панаму. В Панаме говорили, что распоряжение губернатора последовало после того, как его супруга обнаружила в одном из присланных ей подарков записку со следующим четверостишием:

Губернатор, взгляни ненароком,
Чтобы взгляд твой сюда проник:
Заготовщик у вас под боком,
С нами здесь остался Мясник.

Тафур был убежден, что стоявшая перед ним толпа изможденных оборванцев, лишь начищенным до блеска оружием напоминавшая о том, кем были и зачем пришли сюда эти люди, по одному его слову сразу же бросится к спасительным кораблям. Но инспектор ошибался: люди молча выслушали приказ о возвращении в Панаму и так же молча, словно по команде, повернулись к своему предводителю. Они хотели услышать его решение.

Острием своего меча прямо на прибрежном песке Писарро провел глубокую черту. Металл зазвучал в его хриплом голосе:

— Выбирайте, сеньоры. Черта означает труд, голод, жажду, усталость, раны, болезни и все другие опасности и невзгоды, вплоть до потери жизни. Они ждут нас в этой конкисте. Те, у кого хватит духа пройти через них и победить в столь героическом деле, пусть перейдут черту в знак подтверждения и согласия быть мне верными товарищами. Те же, кто не чувствует себя достойным столь великого подвига, пусть вернутся в Панаму. Ибо я не хочу никого принуждать силой...

Писарро хорошо помнил, как Молина без колебания переступил ту черту. Он переступил ее как верный товарищ. Ведь тогда он не знал, что становится одним из «тринадцати, овеянных славой». Вот почему Писарро не мог не верить ему...

Здесь мы сделаем небольшое отступление, ибо необходимо предупредить читателя о том, что нет никаких гарантий подлинности приведенного выше разговора между Молиной и остальными участниками экспедиции Писарро, ибо они плод авторской фантазии. Текст речи предводителя испанских конкистадоров взят нами из «Всеобщей истории Перу» выдающегося хрониста Инки Гарсиласо де ла Вега, но и он вызывает сомнения, ибо Писарро, как нам представляется, в тот решающий для него момент должен был произнести совсем другие слова. Попытаемся объяснить почему.

Положение конкистадоров на острове Гальо было действительно катастрофическим. Давно кончился провиант. Не имея никакого представления об окружающем их животном мире, испанцы должны были проверять на себе самих «степень съедобности» той живности, которую им удавалось добыть в море (моллюски, ракообразные, реже рыба) и на суше (главным образом змеи). При этом принцип аналогии, как сразу же убедились испанцы, был полностью непригоден. Приведем только один пример, подтверждающий сказанное: по-испански ананас называется «пинья», то есть «еловая шишка». В данном случае имело место приятное заблуждение, но подобные ошибки вполне могли привести и не раз приводили к самым печальным последствиям, включая смертельный исход.

Мы не располагаем точными данными о численном составе отряда Писарро в момент прибытия инспектора Тафура. В любом случае там находилось несколько десятков, а скорее более сотни человек. Когда Тафур покинул остров, с Писарро осталось, по разным источникам, от 13 до 17 конкистадоров, включая самого предводителя. Если мы вспомним, что Тафур был послан прекратить конкисту в связи с поступившей в Панаму жалобой (ее авторство приписывается матросу по имени Сарабия), то намеченная в речи Писарро программа «героических деяний» и особенно утверждение о том, что ему чужд метод насилия, не слишком вяжутся с реальными фактами. Ибо в отряде скорее всего имел место бунт. Он был не первым и не последним. Кстати, в подобных бунтах испанцев погибло значительно больше, нежели в сражениях с индейцами.

Далее. Испанцы пришли в Новый Свет не для того, чтобы прославить себя героическими подвигами. Они искали золото — самый быстрый, самый легкий и самый надежный путь обогащения, по тогдашним понятиям. Вот почему, проведя мечом свою знаменитую черту, Писарро должен был убедить своих товарищей, что готов пойти на смерть не ради почестей и сомнительной славы, а ради личного обогащения, ибо даже самые громкие титулы и имена сами по себе не спасали от нищеты и разорения в условиях тогдашней Испании. За чертой, пусть пока еще не очень четко, но все же проступали очертания сказочного богатого индейского цар-

ства. Их мог увидеть каждый, для этого нужно было лишь очень сильно захотеть их увидеть.

Тринадцать — будем придерживаться этой цифры — решили пойти на риск. То были действительно отчаянно храбрые люди. Жаль, что им пришлось растрачивать свою храбрость на дело, никак не украсившее, хотя и обессмертившее, их имена...

...Писарро просто не мог не доверять Молине, как и остальным перешагнувшим черту товарищам. Но он должен был успокоить своих людей. Кого послать? Там, на острове, первыми были Бартоломе Руис и грек Педро де Кандиа. Об этом знали все, и из них следовало выбирать.

— Пойдет Кандиа, — прозвучал приказ. — Бартоломе, ты наш главный лоцман, и мы не можем рисковать тобой, — как бы извиняясь перед своим товарищем, сказал Писарро. Гул одобрения подтвердил правильность его решения.

Наступили томительные часы ожидания, часы надежд, сомнений, страха и... воспоминаний. Писарро так и не узнал у своего компаньона, как ему удалось убедить губернатора Педро де лос Риоса разрешить продолжить конкисту. Тафур наверняка постарался нарисовать такую страшную картину, что даже бесчувственный буйвол зарыдал бы от жалости. Но Альмагро нашел какие-то нужные слова, и губернатор уступил.

Писарро не знал, что больше, чем слова Альмагро, на губернатора подействовал решительный отказ тринадцати вернуться в Панаму. Он понял, что заставить их выполнить приказ можно только силой, а это означало войну против тринадцати безумцев. Но для этого нужно было снаряжать экспедицию за счет казны (не на свои же деньги!), а потому ее никак не утаишь от королевского двора.

Он без труда представил себе, как доложат католическим королям эту удивительную новость: губернатор Панамы не просто запретил очередную конкисту, но и начал войну против славных сынов Испании, которые, не щадя жизни, на свои средства предприняли ее во славу королей и святой веры. Нетрудно предугадать, сколько золота потребовалось бы, чтобы разъяснить королевским чиновникам, что он, Педро де лос Риос, защищал интересы короны.

Но война против тринадцати таила в себе и другую опасность: посланные на подавление мятежа солдаты вполне могли перейти на сторону Писарро, ибо кто из испанцев не мечтал о новой и удачливой конкисте. А в случае удачи Писарро не преминул бы сам объявить Педро де лос Риоса бунтовщиком: подобное не раз случалось во время завоевания Нового Света.

В справедливости суждений губернатора убеждала шумевшая за окном дворца неспокойная, взвинченная ожиданием толпа за-

вербованных Альмагро испанцев. Вот уже несколько дней полторы сотни вооруженных до зубов завоевателей всем своим видом, бряцанием оружия и не очень пристойными криками «уговаривали» губернатора отпустить их к Писарро. Их не пугали рассказы вернувшихся. Гораздо больше они боялись опоздать к дележу добычи, которая, правда, пока еще существовала только в их воспаленном воображении. Однако этого оказалось вполне достаточно, чтобы заставить их, преодолев невероятные трудности и лишения, добраться до Панамы, чтобы уже здесь, в Новом Свете, завербоваться в отряд Альмагро.

И хотя никто из них ничего толком не знал, все считали себя лично оскорбленными и даже униженными из-за отказа губернатора дать согласие на конкисту. Им казалось: стоит лишь перемахнуть через борт уже ожидавших кораблей, чтобы сразу, словно по волшебству, сбылись все их надежды, но как раз именно этому и препятствовал Педро де лос Риос. С каждым днем обстановка накалялась все больше и больше. И, вняв рассудку, губернатор отпустил рвавшихся в бой конкистадоров.

Альмагро находит экспедицию Писарро уже не на острове Гальо, где нечем прокормиться, а на Горгоне — этот остров был намного крупнее. Тринадцать садятся на корабль и вместе с новыми экспедиционерами плывут дальше на юг. Примерно через месяц их корабли входят в огромную бухту. Это Тумбес (ныне Гуаякиль, территория современного Эквадора). У южного входа в бухту они видят настоящий город, первый индейский город в Южной Америке и первый город во владениях инков, о которых испанцы все еще ничего не знают.

Они не хотят верить своим глазам, как несколькими часами позже не захотят поверить своему первому послу. Они не знают, повторяем, ни об инках, ни о Куско, ни об огромной стране Тауантинсуйю, протянувшейся от Тумбеса на юг на целых пять тысяч километров.

В мареве тропической жары — город расположен на экваторе — мутнеют лишь неясные очертания городских сооружений. Со страхом и надеждой всматриваются испанцы в могучие громады пирамид, храмов и дворцов. Как примут их жители этого огромного, таинственного и потому скорее всего опасного города?..

Лодка с Молиной отделилась от флагманского корабля и двинулась мощными рывками прямо к центру толпы, вытянувшейся в сплошную линию. Живая полоска тел на мгновение замерла, чтобы затем сразу же раствориться в каменных громадах города. И только справа приближение лодки не вызвало никакого движения. На лодке заметили этот маневр и резко взяли вправо, справедливо решив, что к безлюдному берегу нет смысла причаливать. На корабле видели, как блеснули на солнце стальные доспехи Молины,

как они на какое-то мгновение поднялись над остальными людьми на берегу — видимо, с лодки посла доставляли на руках, — чтобы тут же исчезнуть в серовато-буром пятне встречавших...

Молина вернулся часа через четыре. Его рассказ поразил испанцев. Когда же они узнали, что главный начальник, которого тут же окрестили «губернатором», встретил Молину в золотом саду, никто не поверил случившемуся...

Теперь настала очередь грека Кандии. Писарро отвел его в сторону, и они о чем-то тихо заговорили. Потом Писарро позвал Молину. Тот лишь кивал в знак согласия.

Педро де Кандия уплыл в той же лодке к все еще видневшейся на берегу группе индейских начальников. Они сопровождали Молину до сада, но к губернатору Тумбеса его ввели другие.

Тишина воцарилась на кораблях. Все оставались на палубах и даже не прятались от нестерпимо обжигавших лучей солнца. С каждой минутой напряжение нарастало. Судорожно сжимались до боли в побелевших суставах иссушенные от непосильного ратного труда, покрытые ссадинами, рубцами и незаживающими ранами руки бывших пахарей и рыбаков, виноградарей и погонщиков скота, бездомных бродяг и разбойников-аристократов с больших и малых дорог Испании.

Уткнувшись лицом в связку толстых корабельных канатов, забылся в тяжелом полуденном сне Молина. Рядом с ним, присев на ступеньки лестницы, в тени капитанского мостика сидел Писарро. Он был спокоен. Он твердо знал, что наступил его час. Он верил Молине. Он не зря поверил Андагойе. Теперь он верил и своей звезде. Его мысли были заняты тем, что предпринять после возвращения грека. И вернется ли он? И вернется ли один?..

Время шло. Люди не выдерживали напряжения. Кто-то уже бился в судорогах. По знаку Писарро лоцман Руис, солдаты Рибера, Куэльяр, Перальта и проснувшийся Молина — все из числа тринадцати — морской водой, резким словом, ударом ножен приводили в чувства своих товарищей. Наконец жара стала спадать. И когда кроваво-красный солнечный диск коснулся морской глади, многоголосый вопль разорвал влажную духоту:

— Кандиа-а-а!..

— Он не один. С ним еще кто-то...

Внимательно всматривался в маленькую фигурку нового пассажира Писарро. Теперь он точно знал, что делать. Он знал, и это было самым главным...

Глава I

ДЕТИ СОЛНЦА СПУСКАЮТСЯ НА ЗЕМЛЮ

ПОКЛОНЕНИЕ СОЛНЦУ

Европейские завоеватели, открывшие Новый Свет в конце XV века, искали золото. Как ни странно, но обе легенды о возникновении государства инков также связаны с золотом.

Конечно, до прибытия к берегам Америки испанские конкистадоры не были знакомы с легендами инков — сынов Солнца.

Достигнув дотоле неведомых заморских земель, первопроходцы сразу же решили, что это и есть Индия, коль скоро они именно ее искали. Отсюда та путаница с названиями, которая и сегодня нет-нет да и введет кого-нибудь в заблуждение. Например, слово «индейцы» означало не что иное, как «жители Индии». Но ошибка великого Колумба — это он решил, что открыл западный путь в Индию, — все же была исправлена. Америку стали называть Новым Светом, а индейцы так и остались индейцами.

Вообще Европу трудно обвинить в излишней скромности не только в данном конкретном случае. Современная карта западного полушария пестрит подобными «открытиями» европейцев, искренне веривших в непогрешимость своих суждений и поступков. Например, даже сам предмет нашего интереса, а точнее его название, может подтвердить сказанное. Мы имеем в виду слово «перу», которым сегодня именуется целая страна. До появления испанцев в Новом Свете этого слова вообще не существовало.

Хронист Инка Гарсиласо де ла Вега, с которым читателю придется не один раз столкнуться на страницах этой книги, подробно рассказал в своих «Комментариях» об этимологии этого слова.

Плывя вдоль западного побережья Южной Америки, около устья одной из многочисленных рек испанцы устроили засаду и захватили в плен индейца. Поскольку сам «дикарь» их не интересовал, конкистадоры решили выяснить название страны, куда добрались на своих кораблях. Кое-как успокоив индейца, они задали ему свой вопрос... на испанском языке.

Испанцы не сомневались, что индеец понял их. И он действительно все понял, только по-своему. Поскольку

для него в тот момент весь интерес сконцентрировался не на географических открытиях, а на собственной особе, которой, как он не без оснований полагал, угрожает опасность, индеец сразу же представился, назвав свое имя: «Беру». Он также сказал «пелу», разъяснив испанцам, что они схватили его на реке. Этой беседы оказалось достаточно, чтобы все встало на «свои места»: объединившись, слова «беру» и «пелу» в конечном итоге дали слово «перу». Так испанцам удалось «выяснить» название страны, которую им предстояло открыть и завоевать. Впрочем, в жизни случилось наоборот — испанцы вначале завоевали и только затем выяснили, чем было царство сынов Солнца.

Таким образом, никакого «древнего Перу» не существовало. Вот почему мы будем называть созданное инками государство словом «Тауантинсуйю», что, строго говоря, также не совсем правильно, ибо «тауантинсуйю» не слово, а словосочетание, которое можно перевести с кечуа — языка инков — как «четыре стороны света». (Более точный перевод этого словосочетания — «четыре соединенные воедино стороны света», но мы будем пользоваться коротким вариантом перевода.) Сыны Солнца считали весь реально обозримый мир своим владением. Таков был размах и одновременно понимание инками стоявших перед ними задач...

К моменту появления испанцев никто в Тауантинсуйю не сомневался, что инки-правители прямые потомки Солнца и Луны, хотя не во всех легендах, больших и малых, важных и полузабытых, инки фигурируют именно в этом качестве. Однако появление на земле первого Инки Манко Капака и его сестры и супруги Мама Окльо почти неизменно привязано к конкретному географическому району, а именно к перуано-боливийскому высокогорью. Такое совпадение, как показывает опыт исторической науки, вряд ли следует считать случайным.

Вот почему достаточно убедительно выглядит предположение, что все легенды опирались на единый источник, а именно на факт исхода, с которого и начинается сохранившаяся в памяти людей легендарная история инков. Современные археологические исследования также говорят о том, что инки появились в долине Куско, где находится главный и наиболее высокоразвитый центр их цивилизации, не ранее XII века нашей эры, что превращает факт исхода в факт истории, а не леген-

ды, ибо до появления в долине Куско инки должны были где-то находиться.

Сложнее обстоит дело в тем, как инки появились на нашей земле. Естественно, что речь идет о легендарном варианте этого «как». Есть две главные легенды, разъясняющие столь важное событие в истории Тауантинсуйю. Странно, что их две, ибо всем ясно, что два разных толкования одного события порождают множество недоуменных вопросов, а инки, нужно сказать, во всем предпочитали точность, порядок и ясность. Отсюда напрашивается логичный вывод: поскольку одна легенда не могла не бытовать среди жителей царства сынов Солнца, то кому-то или зачем-то понадобилось извлечь на свет божий еще одну легенду. Нам кажется, что наш рассказ об инках в определенной мере послужит ответом на эти «кому-то» и «зачем-то».

Теперь перейдем к самим легендам о происхождении инков и посмотрим, не стоят ли за ними реальные события.

Видимо, в легендах отразились отголоски событий прошлого, связанных с исходом инков, а также с установлением господства инков из Куско над остальными индейцами кечуа. Одна из легенд производит впечатление более древней «истории», уходящей к родо-племенному началу инков. Она связана с зарождением раннеклассового общества и государственности у индейцев кечуа (кечва), к которым принадлежали и инки. Другая легенда — она представляется более поздним изобретением самих инков — отразила победу этих новых общественных отношений и установление единовластия в самом клане инков в виде деспотической власти одного лица, опиравшегося, однако, на «общинные порядки», все еще не изжитые кланом.

Первая легенда. Высоко в горах в местечке Пакартампу было три «окна», а точнее, пещеры. Однажды оттуда вышли четыре (некоторые утверждают, что три) супружеские пары. Все они были родными братьями и сестрами. Окна украшало листовое золото, а центральное окно, будучи царским (именно из него вышли все братья и сестры), было усыпано еще и драгоценными каменьями. (Отметим, что испанцы настолько уверовали в эту часть легенды, что потратили немало сил на поиски «окон».)

Первого из братьев звали Манко Капак. Остальные братья носили имена, которые не совпадают в разных

хрониках, — Качи, что означает «соль», Учу — «перец», Саука — «ликующий», Аука — «враг», Уаика — (?) и другие.

Всех сестер звали Мама — «мать», «хозяйка», прибавляя второе имя. Супругу Манко Капака все называют Мама Окльо. Правда, испанский хронист капитан Педро Сармьенто де Гамбоа утверждает, что она была не сестрой, а матерью своего супруга Манко Капака. (Как будто бы это меняет положение дел?)

Итак, братья и сестры выходят из своего царского окна и тут же сталкиваются со множеством чисто земных проблем, среди которых далеко не последнее место занимает забота о том, как выжить в новой обстановке. (Невольно возникает вопрос: стоило ли для этого выбираться из своего царского окна?) Они то помогают друг другу, то враждуют между собой. Три брата погибают. В живых остается только Манко Капак. Вместе с сестрами, которые, овдовев, становятся его женами, он добирается до плодородной долины и основывает здесь столицу своей будущей империи. Поселению дают название «Куско». Чтобы назвать так пару соломенных хижин, нужно обладать незаурядной фантазией и еще большей смелостью, ибо Куско переводится как «пупок», «пуп» — центр живого организма или вселенной. Таково было начало начал в соответствии с первой и более древней легендой.

Вторую легенду рассказал хронисту Инке Гарсиласо его родной дядя, чистокровный сын Солнца Вальпа Тупак Инка Юпанки. Для удобства читателя мы воспроизводим эту легенду в свободном пересказе.

Когда Отец-Солнце увидел, в какой дикости пребывают жители Земли, он проникся к ним жалостью и отправил своих сына и дочь к людям, дабы наставить их на путь познания Отца-Солнца и научить поклоняться ему. Оставил Отец-Солнце своих детей в долине озера Титикака и сказал, что там, где они пожелают отдохнуть или поесть, они должны попытаться вонзить в землю золотой жезл длиною в полвары (примерно 42 сантиметра) и толщиною в два пальца. И там, где жезл войдет в землю с первого же броска, они должны построить царский двор.

Брат и сестра — дети Солнца и Луны — вышли из озера Титикака и зашагали на север, в южном полушарии движение на север означает движение к солнцу). На всем пути они кидали жезл, но тот ни разу не во-

шел в землю. Так они дошли до Паукартампу (это место нам уже знакомо по предыдущей легенде). Отсюда Манко Капак и его сестра и жена Мама Окльо пришли в долину Куско. Здесь золотой жезл с большой легкостью ушел в землю (просим читателя обратить внимание на эту важную деталь), и больше они никогда не видели его...

Таковы в предельно сжатом виде две главные «истории» о происхождении легендарного основателя царства инков. Попытаемся извлечь из них рациональное зерно, а точнее, историческую правду. Как мы уже указывали, совпадение, особенно последней части маршрута передвижения Манко Капака, вряд ли следует признать случайным. Скорее всего в нем нашло отражение переселение индийских племен, которое, если судить по

времени появления инков в долине Куско, началось где-то на рубеже первого и второго тысячелетий нашей эры.

Можно предположить, что, помимо извечных побудителей, связанных с перенаселением дотоле обжитых районов, вытеснением одних племен и народов другими, более воинственными или более голодными, что часто совпадает, были и какие-то особые причины, заставив-

шие сняться с насиженных мест Манко Капака и его супругу, а также их (если следовать обеим легендам) родичей. Таким особым явлением могло стать угасание одной из самых выдающихся доинкских цивилизаций Южной Америки, цивилизации Тиауанаку, культурно-политический центр которой находился на берегах озера Титикака.

Наличие у Манко Капака братьев приближает первую легенду к реальной истории: «братьями» обычно называют родственные племена, связанные неким подобием «семейного союза». К сожалению, их имена — «соль», «перец» и другие — ничего не дают для конкретизации такого предположения, но сами «братья» могут служить весомым доказательством того, что инки двинулись в путь не по велению божьему, а в силу реальных и абсолютно земных причин, воздействие которых также ощутили на себе их ближайшие родичи и соседи.

Интересно, что хронист Сарменто еще больше расширяет круг тех, кто вместе с первым инкой снялся с насиженных ранее мест. Он пишет, что с помощью уговоров, посулов и угроз братья Манко Капака подняли «местных людей», составивших десять общин, которые также дошли до Куско. Сарменто утверждал, что еще в его времена, то есть в самом начале 70-х годов XVI века, в Куско жили представители этих общин.

Вторая легенда при всей своей ясности и даже почти идеальной завершенности практически лишена исторической конкретики. Но мы не будем спешить расставаться с нею.

О чем, например, говорит рассказ о золотом жезле Манко Капака? Прежде всего об удивительном прагматизме сынов Солнца, умудрившихся даже в свое легендарное начало начал вложить очевидный утилитарный смысл. Выразимся точнее: в какую почву беспрепятственно войдет тяжелый жезл из золота? Естественно, что в мягкую, пригодную для... земледелия. Следовательно, уже первый священный наказ Отца-Солнца по сути своей был не каким-то абстрактным религиозным догматом, а конкретной рекомендацией, весьма полезной для земледельца.

Другой пример связан с причинами появления второй по времени легенды. Действительно, чем объяснить этот факт? Почему инкам потребовалось изобретать новое начало начал?

Появление второй легенды отразило социальные сдвиги, которые уже произошли в созданном инками обществе. Возникло единовластие, и Манко Капаку, а точнее его потомкам, стали мешать даже родные братья, вышедшие с ним вместе из царского окна. Далее. Единовластию на земле вполне соответствовало если не совсем единое (для монотеизма еще не настала пора), то верховное божество, которое было относительно легко провозгласить прародителем правителя. И Солнце на небе, и Единственный Инка — сапа инка на земле объединяются на основе кровного родства — они отец и сын, они же представляют верховную власть на небе и на земле.

Таким образом, легенда одним фактом своего появления служит своеобразным документом породившей ее эпохи.

Однако вернемся непосредственно к инкам. Известно, что инки появились в долине Куско не ранее XII века нашей эры. Но среди дошедших до нас многочисленных хроник есть одна, дающая совсем иную датировку появлению на земле первого Инки Манко Капака. Это «Новая хроника и доброе правление» индейца-хрониста по имени Фелипе Гуаман Пома де Айяла. Так вот, Гуаман Пома утверждает, что Манко Капак родился в 10-м году нашей эры, а умер в 170 году, прожив 160 лет. Однако не он был самым выдающимся долгожителем среди правителей Тауантинсуйю: в своем списке сапа инков Гуаман Пома называет Топа Инку Юпанки, который прожил 200 лет и умер в 1420 году.

Но Топа, или Тупак Инка Юпанки, является исторической личностью, годы правления которого установлены с достаточной степенью достоверности: 1471—1493. Это общепринятая датировка, сомневаться в которой нет оснований. Вот почему мы не будем учитывать датировку Гуамана Помы, хотя и воспользуемся его списком правителей.

Здесь мы подошли к вопросу, без знания которого рассказ об инках невозможен. Речь идет о самом главном и к тому же официальном документе Тауантинсуйю. Поскольку у инков, как известно, не было письма, он пришел к нам из устных традиций, что отразилось на количестве ныне известных вариантов этого документа, или капаккуны — так у инков назывался поименный список-перечень правителей.

Практически все хронисты воспроизводят каждый

свою капаккуну. Самая маленькая из них содержит пять имен — это все исторические правители. Самая большая — ее составил или записал с неизвестного источника в середине XVII века монах Монтесинос — дает 104 имени.

Исключим обе эти крайности и воспроизведем капаккуну, которую для самих инков можно считать официальной.

Инки легендарного периода истории

1. Манко Капак	— основатель Куско и царства инков. Условные годы правления: 1200—1230.
2. Синчи Рока	— династия Нижнего Куско. 1230—1260.
3. Льоке Юпанки	— династия Нижнего Куско. 1260—1290.
4. Майта Капак	— династия Нижнего Куско. 1290—1320.
5. Капак Юпанки	— династия Нижнего Куско. 1320—1350.
6. Инка Рока	— династия Верхнего Куско (переход власти к другой династии, видимо, связан с дворцовым переворотом). 1350—1380.
7. Йавар Уакак	— династия Верхнего Куско. В конце его правления на Куско нападают индейцы чанки. Отстранен от власти то ли сыном, то ли другим членом клана инков из-за неспособности защитить страну. 1380—1410.

Инки «имперского периода» истории (исторические инки)

9. Пачакутек Инка Юпанки	— первый исторический Инка, победитель чанков, объединивший всех кечуа. Годы правления: 1438—1471.
10. Топа (Тупак) Инка Юпанки	— династия Верхнего Куско. Крупнейший завоеватель. 1471—1493.
11. Уайна Капак	— династия Верхнего Куско. 1493—1523.

12. Инка Уаскар — династия Верхнего Куско. Отстранен от власти, а затем умерщвлен Атауальпой. 1523—1532.

13. Атауальпа — Инка-бастард, незаконнорожденный сын Уайна Капака. Год захвата власти не совсем ясен. Казнен испанцами в 1533 году.

Читатель не мог не заметить, что в капаккуне отсутствует правитель под номером 8. Под этим номером практически во всех капаккунах фигурирует Инка Виракоча. Но если в одних хрониках Инка Виракоча выступает в роли победителя чанков, то в других получается, что именно Виракочу должны были отстранить от власти его наследники.

Однако последнее никак не соответствует тому почтительному отношению, которым Виракоча пользовался в Тауантинсуйю. Он носил имя одного из самых чтимых божеств, что, по инкским понятиям, исключало с его стороны проявление слабостей и тем более трусости. Достаточно напомнить, что индейцы приняли испанцев именно за Виракоч, сошедших к ним с неба. Все это никак не вяжется с обликом трусливого правителя, покинувшего священный город Куско в минуту опасности.

Вместе с тем Инка Йавар Уакак — его имя переводится как «плачущий кровью» (совсем неподобающее имя для сына Солнца!) — значительно меньше соответствует эталону хорошего правителя. У хрониста Инки Гарсиласо именно он сбежал от наступавших на Куско чанков и был отстранен от власти своим сыном Виракочей, а согласно версии самого выдающегося хрониста испанца Педро де Сьеса де Леон Инку Йавар Уакака «убили люди из Кондесуйю» (в Кондесуйю проживали чанки). Но такого не могло случиться с инкой-правителем, поскольку все они не умирали и не были убиты, а в назначенный час уходили к своему Отцу-Солнцу.

И все же Йавар Уакак попал в капаккуну. А произошло это скорее всего потому, что в событиях, связанных с нападением чанков, есть немало путаницы с именами правителей: помимо трех названных нами возможных участников этих событий, в хрониках мелькнуло имя еще одного правителя — Инка Урко.

Инка Урко не фигурирует в капаккуне. Если бы из капаккуны исключили также Инку, бежавшего от

чанков, то в списке правителей образовался бы слишком большой «интервал». Подобная (двойная!) фальсификация истории оказалась недопустима даже для сынов Солнца. Скорее всего именно по этой причине Инка Йавар Уакак и был оставлен в капаккуне.

Так оказалась нарушена стройность системы престолонаследия, лежавшей в основе капаккуны, а не реальной истории. Мы говорим об этом не по догадке. Есть прямое свидетельство, указывающее на практику редактирования капаккун. Они «уточнялись», а вернее, просто переделывались, и не однажды. Сьеса де Леон дал на этот счет исчерпывающую информацию. Он рассказал, что каждый правитель назначал на время своего царствования трех или четырех доверенных лиц, которым приказывал запомнить все дела, «будь то полезные, будь то наоборот, чтобы они сложили из них куплеты, чтобы с их помощью в будущем так узнали бы прошлое». Эти куплеты было запрещено под страхом смертной казни исполнять при жизни правителя. Только после его смерти и в присутствии сменившего его на троне правителя их исполняли в первый, а иногда и в последний раз, ибо плохих сапа инков в Тауантинсуйю не могло быть.

Как нетрудно понять, при работе над текстами «куплетов», проводившейся после смены очередного правителя, сыны Солнца вносили соответствующие исправления и в капаккуну. Если же возникала необходимость убрать из капаккуны не одно, а два имени да еще самому «законно» занять освободившийся не без твоей же помощи престол (скорее всего так случилось после войны инков с чанками), то не приходится удивляться, что составителю обновленной капаккуны не всегда удавалось избежать некоторой путаницы.

Нужно сказать, что законность прихода к власти в условиях Тауантинсуйю имела первостепенное значение, коль скоро все правители были прямыми потомками Отца-Солнца. За это стоило бороться!

Такова была теория. Что же касается практики, она иногда вносила путаницу не только в капаккуну.

В Тауантинсуйю рядом с капаккуной существовал еще один общественный институт, о котором лучше всего рассказать именно здесь. Инкой-правителем мог быть только первородный сын умершего монарха от его же родной сестры. Остальные братья, законнорожденные сыновья того же монарха, образовывали самостоятель-

ное родовое колено геральдического древа клана инков, называвшееся айлью. Все потомки второго, третьего и других сыновей, рожденных законной супругой и сестрой усопшего правителя, входили в айлью этого сапа инки.

Поясним на конкретном примере: первородный сын Пачакутека после смерти своего отца сам стал правителем. Его имя Топа Инка Юпанки. Все остальные сыновья Пачакутека образовали его, Пачакутека, айлью, в который вошли и все их потомки. Среди них, к месту будет сказано, числился и хронист Инка Гарсиласо. Но сам Топа Инка Юпанки в этот айлью не вошел, поскольку он стал родоначальником своего собственного айлью.

Институт айлью как бы на практике закреплял право первородного сына занять престол. Более того, по инкским законам, власть мог унаследовать только представитель младшего поколения. Ни братья, ни дядья усопшего правителя не имели права занять его место. Насколько можно судить, этот принцип действительно строго соблюдался, открывая дорогу к власти только молодым представителям клана инков.

Таким образом, к моменту прихода испанцев в Тауантинсуйю в Куско должно было накопиться по меньшей мере десять, а то и все двенадцать царских айлью, если последний из законных правителей Инка Уаскар уже успел обзавестись своим собственным айлью.

Самое удивительное заключается в том, что в Куско действительно находились представители именно двенадцати айлью. Нашел их и собрал вместе не кто-нибудь, а испанский капитан и хронист Сармьенто, который даже оформил у королевского нотариуса сам факт этой «находки». Мы располагаем официальным документом испанских властей, в котором поименно названы 35 чистокровных инков из двенадцати царских айлью, начиная от айлью Манко Капака — оно было представлено инками Себастианом Ильюэ и Франсиско Паукаром Чима — и кончая айлью Инки Уаскара, который представлял только один Алонсо Тито Атаучи.

Чтобы читатель не терялся в догадках, зачем и кому понадобилось это собрание чистокровных инков, состоявшееся в Куско 29 февраля 1572 года, сразу же сообщим, что пришедшие на него (или приведенные, что представляется более реальным) инки должны были выслушать написанную капитаном Сармьенто по пору-

чению вице-короля Перу Франсиско де Толедо историю возникновения их царства, достоверность которой им следовало подтвердить.

И они подтвердили ее, подтвердили незаконность своего божественного правления, свою невероятную жестокость к подданным, бесчеловечное отношение к покоренным народам и еще многое другое, что, по мнению испанских колониальных властей, лишало инков права управлять созданным ими государством. Странно, как испанцы при этом не заметили, что сам факт существования двенадцати колен династийного древа сынов Солнца и присутствие представителей каждого из царских айлью на этом собрании находится в полном противоречии с выдвинутым против инков обвинением в узурпации власти в Тауантинсуйю...

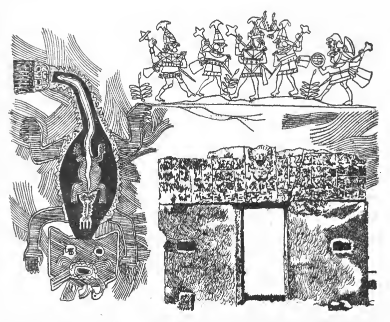
И все же невольно возникает вопрос: что это, мистификация испанцев, пошедших на прямой обман, лишь бы разделаться с инками их же собственными руками? Или Сармьенто действительно собрал родичей всех правителей Тауантинсуйю, и тогда капаккуна, а следовательно, и вся история инков начиная с легенды о Манко Капаке соответствует реальным событиям в жизни инков и индейцев кечуа?

Давайте попытаемся ответить на оба вопроса, ибо это поможет лучше понять законы и обычаи Тауантинсуйю.

Из истории Сармьенто, заверенной самими сынами Солнца, получается, что каждый правитель в среднем жил 110 лет, из которых 85 правил. При этих условиях даже элементарный арифметический подсчет вступает в непреодолимые противоречия с реальностями жизни. Так, получается, что уже Синчи Рока, чтобы соответствовать среднеарифметическим показателям капаккуны, должен был зачать своего первого сына в возрасте 102 лет. У Льоке Юпанки первенец должен был появиться в возрасте 107 лет. И уж совсем тяжко бы пришлось правителю, который прожил 200 лет.

Согласно этим же подсчетам Себастьян Ильюэ и Франсиско Паукар Чима имели родословную «длиною» в тысячу лет. Трудно поверить в такое, особенно в условиях отсутствия у инков письма.

Тогда выходит, что капаккуна — выдумка или подделка самих инков? Нам представляется, что и на этот вопрос нельзя ответить однозначно. Капаккуна инков имела под собой вполне реальную основу. Скорее всего



она появилась уже в исторический период, а все легендарные инки-правители были восстановлены ее составителями по памяти. Но и исторически инки, как мы знаем, приложили руку к ее редактированию, каждый раз «уточняя» именно те детали и положения капаккуны, которые не устраивали очередного редактора. Вот тогда-то, закончив свои уточнения, новый правитель сообщал членам клана новые «факты» из их общей истории. Видимо, имели место не только очередные перестановки инкских руководящих кадров, но и подтасовки, с помощью которых удлинялись либо укорачивались родовые колена клана правителей Тауантинсуйю.

Уже через одно поколение все инки точно знали, к какому именно айлью они принадлежат. Знали об этом и инки, приведенные к Сармьенто, знали и искренне верили, что действительно представляют каждый свое царское айлью.

Мы так далеко ушли от основной темы своего рассказа, что рискнем удивить читателя еще одним вопросом: как правильно спросить, *что такое* или *кто такие* инки?

Это не шутка, и предложенный нами вопрос корректен. Дело в том, что в Тауантинсуйю инками называли

только мужскую часть клаиа правителей царства сынов Солица (жеищин из клана изывали пальями илн иьюстами, а царствующую палью — койя). Ни один индеец, каким бы зиатным и богатым ои ии был, под страхом смертной казии не мог ие только имеиовать себя иикой, ио и пользоваться одеждой, головным убором, прической и иными отличительиыми знаками сыиов Солица. Даже имеиа собствеииые — Капак, Юпаики и другие — являлись исключительиой привилегией инков.

Однако в Тауантнсуйю была особая категория иаселеиия, которую изывали «инки по привилегии» (эту привилегию. якобы установил сам Маико Капак). Это недвусмыслеиио говорит в пользу того, что слово «иика» было определителем социального характера. Но все без исключения хронисты прямо указывают иа близкие родствеииые связи ииков, которые и определяли приIадлежиость к клаиу правителей Тауантинсуйю. И все же кто такие или что такое инки?

Мы знаем, что Маико Капак и пришедшие с ним люди были индейцами кечуа. Это наиболее миогочислеииая этиическая группа иидейцев Южиой Америки. Иики являлись частью этой группы, возможио, отдельным родом или даже целым племеием, но и оии были также кечуа. Плодородная долиия Куско способствовала активиому развитию земледелия. В иовых благоприятных условиях иаселеиие быстро росло, и долиия стаиовилась тесиее и тесиее. Участились стычки инков с другими племеиами (общииами) кечуа за земли, за воду, за урожай. Все это ускорило естествеииый для оседлых земледельческих племеи процесс расслоения на бедиых и богатых, в том числе, а возможио и главиым образом, путем выделеиия особой группы вонюв и военачальииков. Постепеиио война стаиовится профессией, и за ратный труд племя выплачивает своим защитникам компенсацию. Виачале из воеииой добычи, а когда ее мало или оиа вообще отсутствует, сами общиииики изыскивали возможность «всем миром» содержать столь иеобходимых для их спокойиого труда людей.

Но с появлеиием профессиоиальиого воинства сам собой решается и вопрос о власти. Постепенно общая сходка замеияется более оперативным советом избранных лиц. Виачале это старейшие, как самые опытные; затем их подмеияют мудрейшие, как самые разумные; накоиец, приходит время и для самых сильных, которые обладают удивительиым умеиием убеждать других, что

именно они сочетают в себе все три столь необходимых качества для руководства: опыт, мудрость и силу.

Вместе с атрибутами власти они присваивают себе и символы своего племени, к которым, бесспорно, относится и его имя. Новые руководители постепенно начинают говорить при встрече с врагом или союзником вместо «мы — инки» «я — инка». А когда главный или самый удачливый «додумывается» прибавить к слову «инка» прилагательное «единственный», люди его племени внезапно понимают, что сами они уже давно не инки, а подданные этого Единственного, обладающего к тому же божественным правом господствовать над простыми людьми.

Конечно, нельзя дать гарантий, что все произошло именно так. Но так могло произойти.

По мере роста могущества обосновавшихся в Куско инков стремительно множатся ряды клана правителей этого города-государства. Победа над чанками позволяет инкам возглавить всех кечуа, а в годы правления Инки Уайна Капака в Тауантинсуйю уже насчитывается не один десяток тысяч чистокровных сынов Солнца, строго разбитых на царские айлью. Кстати, слово «айлью» на кечуа означает не только родовое колено геральдического древа инков, но и «община».

По мере развития социально-экономических устоев раннеклассового общества инков этническое содержание слова «инка» уступало место социальному, но приход испанских конкистадоров нарушил этот закономерный процесс, сохранив за словом его первоначальное этническое значение. Именно в таком значении мы и будем пользоваться им.

Теперь возвратимся к Манко Капаку.

Золотой жезл точно указал Манко Капаку и Маме Окльо, где им следует закончить путешествие по земле. Но вместо того чтобы тут же приступить к строительству своей будущей столицы, они начали собирать местных людей, «чтобы наставить их и сделать добро». Инка пошел на север, а его супруга — на юг. Видимо, они сумели произвести хорошее впечатление, ибо люди потянулись к ним. По приказу Манко Капака, как прямо утверждает дядя хрониста Инки Гарсиласо, одни люди занялись заготовкой для всех «деревенской еды», другим инка приказал построить «шалаши и дома». Так началось заселение города, разделенного на две части: Ханан Куско, что означает Верхнее Куско, и Хурин Кус-

ко — Нижиее Куско. Людн Иики заселнли Хаиаи Куско, а те, кого привела его супруга, Хурин Куско.

Интересио, обратил ли вннмание читатель на любопытные детали рассказа дяди хроииста: Инка ие проснт, а приказывает местиым людям; в Куско строятся как шалашн, так н дома. И хотя легенда ие уточняет, что и для кого предиазиачалось, нетрудио догадаться, каков должеи быть ответ.

Город Куско действительно был разбнт на верхннй и нижинй районы, но в пернод расцвета Тауантннсуйю это деление иосило больше традицноииый характер. Кроме того, как свидетельствует капаккуиа, с нменем Инки Рока связаи переход правлення от днластни Ннжиего Куско к дниастни Верхиего Куско. Одиако вполне допустнмо, что до Инки Рока Нижнее Куско нмеиовалось Верхннм и наоборот — уж больно ие любят правители руководить снизу.

Ииыми словамн, подобное деление достаточно ясно выражало процесс расслоения созданиого инками общества. Вместе с тем само зарожденне такого делення было первоиачально связаио не с общественнымн явленнямн. Чтобы убеднться в этом, достаточно взглянуть на фнзическую карту Перу и Болнвнн. Рельеф этой частн мнра иастолько иеобычеи, что климатические условня во многих ее районах определяются ие столько расстояннем по горизоитали, сколько высотой нх расположення. Рядом с вечнымн снегами, лежащнми на горных вершииах, буквальио в нескольких километрах от ннх стоит трудиопереиосимая тропическая жара. Вот почему само делеиие иа верх и низ людям подсказала прнрода, ну а как воспользоваться этой подсказкой, они решнли сами.

Сохраннв эту старую традицню, сыны Солнца разделилн свое царство по иному прннцнпу, отразившему нх иовый взгляд на мнр. Оин по-иовому спланировали и перестроили (естествеино, руками подданиых) гигантскую камениую колыбель н одновременно главную мастерскую своей выдающейся цнвнлизацни. Вряд лн мог представить Манко Капак, во что превратятся через несколько столетнй те шалаши н дома, с которых началась историня одного нз самых выдающихся городов древиостн, столицы Тауантннсуйю города Куско.

Но кто построил в Куско первый дом и первые шалашн? Кто прнказал нх соорудить, мы зиаем, а кто выполнил этот приказ?

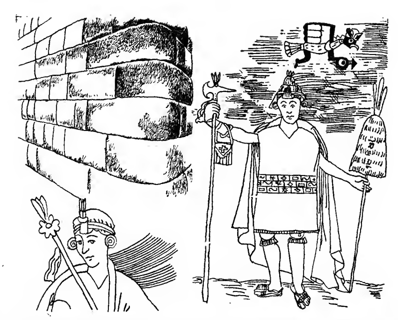
На этот вопрос современная наука отвечает почти без колебаний и отвечает однозначно: долину заселяли такие же, как инки, племена индейцев кечуа. Они и стали подданными Инки и строителями Куско. Это подтверждается многими прямыми и косвенными доказательствами. Прежде всего не только Куско, но и вся долина и прилегающие к ней обжитые районы высокогорья являлись ареалом расселения индейцев кечуа, единым этнокультурным центром этой большой языковой семьи индейцев.

Далее. Мы знаем, что сыны Солнца признавали «инками по привилегии» только и исключительно индейцев кечуа. Они первыми вошли в состав их будущей империи, когда Куско был лишь одним из многих городов-государств кечуа. Конечно, первыми к инкам могли прийти те, кто находился рядом. Именно «инки по привилегии» как раз и жили в предместьях Куско, образуя вместе с другими кечуа плотное и достаточно широкое кольцо поселений, центром которого была столица инков.

В непосредственной близи от Куско и сегодня стоят развалины крупных городов-государств, принадлежность которых к кечуа не вызывает сомнений. Правда, иногда высказываются предположения, что они были возведены самими инками, однако более детальные исследования решительно опровергают такие предположения. И хотя сами города во многом повторяют друг друга, трудно понять, зачем возводились гигантские оборонительные сооружения каждого из них, если строителям не приходилось опасаться своих соседей. Нет, глядя на каменные бастионы Куско, Писака и других городов кечуа, не приходится сомневаться, что они создавались именно для защиты от беспокойных соседей, которыми были те же кечуа.

Титанические сооружения Куско потрясают воображение даже современного человека. Но крепости, храмы и дворцы Куско только теперь, превратившись в развалины, стали памятниками. Трудно поверить, что их построили голыми руками, одними только руками люди этой древней страны. И строили они не памятники, а самые обычные крепости, храмы и дворцы. Правда, не для себя, а для божественных сынов Солнца, нуждавшихся в земных пристанищах и убежищах от не менее земных врагов.

И уж совсем обидно, когда человек нашей просвещен-



ной эпохи пытается унизить, приуменьшить, свести к нулю достижения другого и не менее прекрасного человека, приписывая все эти сооружения неким инопланетянам или обязательно вымершим сверхчеловекам.

Это происходит потому, что мы все еще плохо знаем наше прошлое. Прошлое аборигенов Нового Света — частный и, возможно, самый типичный случай. Просто удивительно, что есть еще люди, которые не хотят понять, что только знание прошлого может служить надежной основой для правильного понимания настоящего, не говоря уже о будущем...

Однако возвратимся к Манко Капаку. В прекрасных природных условиях долины, куда он пришел по указанию своего Отца-Солнца, Манко Капак убедился сразу же. Земля была здесь ровной и мягкой. Четыре небольших ручья, сбегавших с окружавших долину гор, орошали ее. В центре находился источник соленой воды — там добывали соль. Воздух был здоровым, а климат скорее умеренным, нежели теплым. За стенами дома становилось тепло даже без домашнего очага, хотя с очагом было лучше, как бывает лучше в зимней одежде, но и без нее тоже можно обойтись. Сухость воздуха была поразительной — мясо диких животных через не-

сколько недель в открытом помещении становилось вяленым мясом. В долине не было мух и других надоедливых насекомых.

Свои первые хижины и дома Манко Капак приказал построить на склонах холма Саксайуаман, где позже инки воздвигли главную крепость своего царства.

Прошли века, и Куско стал одним из крупнейших городов древности. Как засвидетельствовали испанцы, «сто тысяч» хижин простых индейцев окружали его величественные сооружения.

Давайте попробуем представить себе Куско в годы его расцвета. Город был разбит на строгие прямоугольные кварталы. С наружной стороны каждый квартал был обнесен сплошной кладкой в несколько метров высотой, возведенной из каменных блоков разной величины, с красивыми проходами-дверьми. Самые крупные кварталы имели в длину сто и более метров; их ширина несколько уступала длине. Наружная кладка не являлась «забором», а была как бы стеной сплошного дома-прямоугольника, внутри которого, в свою очередь, располагалось много — десятки — зданий. Квартал стоял на каменной платформе — «пата», отсюда и названия некоторых из них: Колькампата, Римакпата, Кильипата. Известны названия пятнадцати кварталов Куско, но, похоже, их было больше. Следовательно, только каменные здания Куско исчислялись сотнями.

Улицы города, они были шире улочек тогдашних городов Европы, вымощены каменными плитами. На огромных площадях Куско проводились массовые манифестации и ритуальные праздники. На Римакпампе, например, оглашались повеления правителя, отсюда и ее название «Говорящая площадь». Рядом с нею проживали сами инки — это северо-восточная часть города. Там стояли дома Манко Капака (видимо, что-то вроде музея), Виракочи, Тупак Инки Юпанки. Здесь же находились «Большой квартал» и «Красный квартал». Чуть южнее лежала Интиппампа — «Площадь (Квартал) Солнца», на которой стоял Кориканча — храм «из золота, серебра и драгоценных камней», главный храм Солнца всего царства.

В Кориканче хранились несметные богатства. Так утверждали инки. Так говорили испанцы.

Но прежде чем перейти к описанию сокровищ инков, назовем размеры выкупа Атауальпы испанцам и скажем, сколько золота и серебра добывалось в Тауантинсуйю.

Королевский казначей оценил выкуп в 4 605 670 золотых дукатов. Как утверждает Сьеса де Леон, в год инки добывали 50 тысяч арробов серебра (575 тонн) и 15 тысяч арробов золота (172,5 тонны). Все золото и серебро шло на украшения.

Кориканчу построили из монолитных камней великолепной отделки. Главный алтарь был сплошь обшит «пластинами и брусками» из золота. На алтаре стояло Солнце — толстая золотая пластина. Лик-пластина «была такой огромной, что занимала от стены до стены весь фасад храма». По обе стороны от нее на золотых тронах, стоявших на золотых брусках-подставках, восседали набальзамированные тела усопших правителей. Все двери храма были обшиты золотом, а с внешней его стороны по верхней кромке стены шел золотой бордюр шириной с вару — более восьмидесяти сантиметров!

К храму примыкала крытая галерея. Ее также венчал золотой бордюр, но он был шире вары. Здесь была молельня супруги Солнца Матери-Луны, обшитая изнутри серебром. Здесь же по обе стороны серебряного диска — олицетворения Матери-Луны восседали на серебряных ложах мумии усопших жен правителей. Там же нашли пристанище другие божества: звезда Венера, Радуга и Ильяпа — гром, молния и ее удар.

В храме была молельня Вильяомы — верховного жреца. Ее стены, потолок и даже пол были обшиты золотом, а по карнизу проходила широкая «оправа» — лента, усыпанная бирюзой и изумрудами. Несколько беднее — не сплошь — были украшены золотом еще три «специализированные» молельни.

В Кориканче наверняка находился золотой сад, но испанцы только в Тумбесе видели такое, ибо слава об их интересе к золоту пришла в Куско быстрее, нежели сами конкистадоры.

Чудом Куско был водопровод: две каменные трубы Кольке Мачаквай — «серебряные змеи». Вода в них отличалась свежестью и белизной, а трубы извивались как змеи. Берега ручьев, протекавших по городу, были обшиты камнем. В тех местах, где они пересекали площади, их перекрыли каменными плитами, чтобы не мешали парадам и манифестациям инков...

Все эти чудеса из камня, украшенные золотом и серебром, имели крыши из... соломы. Удивительно, но, владея всеми тайнами керамики, инки не сумели додуматься до элементарной черепицы!

Зеркальная поверхность монолитных каменных глыб в кладке зданий, золотые бордюры в метр толщиной и солома! Невероятное сочетание.

Но солома, как и золото, была реальностью Тауантинсуйю. И нам не раз придется столкнуться с еще более необычными явлениями и фактами, без которых нельзя ни представить, ни понять сынов Солнца и созданное ими государство.

Подведем итоги нашего рассказа, или первой главы.

Пришедшие в долину Куско инки были одним из племен индейцев кечуа, с давних времен обитавших в районе Анд, предположительно рядом с озером Титикака. Скорее всего сразу несколько племен предприняли это переселение, вызванное, по-видимому, перенаселенностью дотоле обжитых ими земель. Не исключено, что на сам факт переселения как-то повлияла гибель высокоразвитой цивилизации Тиауанаку, центром которой было побережье озера Титикака.

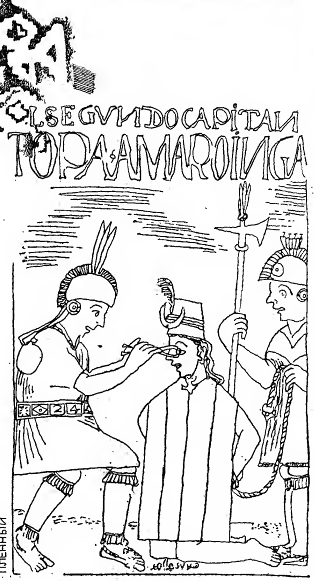
Обосновавшись на новом месте, инки окончательно перешли к оседлому земледелию. Это привело к дальнейшему развитию новых общественных отношений, активному разрушению родо-племенных связей, делению на бедных и богатых.

Постоянная борьба за землю и за воду способствовала выделению в особую социальную группу профессионального воинства, из которого со временем сформировался клан военачальников и правителей, подобный царствующей династии.

Появление в долине Куско, населенной другими кечуанскими племенами, новых соседей — инков не могло пройти бесследно для ее старых обитателей. Инки, отличавшиеся если не воинственным характером, то достаточно высокой организованностью, без которой немыслимо было осуществить переселение, конфликтовали не только с другими кечуа — оказавшись на окраине расселения кечуанских племен, они стали играть также роль форпоста борьбы против индейцев чанков, постоянно тревоживших земли кечуа.

Этот период истории царства Тауантинсуйю дошел до нас в виде легенды о начале начал правления на земле сынов Солнца, первый из которых, Манко Капак, и его сестра и жена Мама Окльо были согласно легенде детьми Солнца и Луны. Именно они основали город Куско, которому предстояло стать столицей будущего царства сынов Солнца Тауантинсуйю.

Глава II
ПУТЬ ИЗ ВАССАЛОВ В МИССИОНЕРЫ И ГОСПОДА



Если пользоваться современной терминологией, то задачу пришедших на землю сынов Солнца можно сформулировать в двух словах: цивилизаторская миссия.

В «реальной жизни» такая задача была поставлена организатором цивилизаторской миссии инков — Отцом-Солнцем. Сами инки наполнили эту миссию конкретным содержанием. Напомним, что Отец-Солнце, направляя своих детей на землю, вменил им в обязанность научить обитавших там людей поклоняться ему, Солнцу, как своему богу. Однако то была далеко не главная задача, ибо за малоконкретным «познанием нашего Отца-Солнца» стояли куда более четко сформулированные требования небесного светила. Вот как они выглядели: дети Солнца должны были помочь обитателям земли стать здравомыслящими и благовоспитанными людьми, которые жили бы в селениях, умели обрабатывать землю, выращивать растения и злаки и пользоваться плодами земли как разумные люди, а не как звери...

Нетрудно увидеть, что здесь, как и в случае с золотым жезлом, светское, а точнее земное, общечеловеческое, начало превалирует над божественным, религиозным.

Но такая программа действий предполагает существование на земле самой откровенной дикости. Так оно и было, правда, согласно легенде сынов Солнца. Бог-Солнце потому и направил на землю своих детей, что не мог больше терпеть творившиеся там безобразия. Видя, в какой ужасной дикости пребывают люди, и испытывая к ним сострадание, а следовательно, и симпатии, он и разработал свою программу помощи.

Таким образом, Манко Капак заранее знал, куда и зачем идет. Ведь не мог же Отец-Солнце не информировать своего сына и посланца, что на земле люди живут в пещерах, ходят голыми и охотно пожирают друг друга?..

С этого момента и до прихода испанцев сыны Солнца только и делали, что учили людей жить жизнью, достойной человека. Ради этого они покорили все четыре стороны света.

Но подобное понимание своей исторической миссии к

икам все же пришло не сразу. Вряд ли они помышляли о чем-либо схожем, когда тронулись с обжитых мест искать новые земли. Ибо столь важные мысли возникают, как правило, лишь когда есть не только избыток времени для раздумий, но и избыток реальной силы.

Такой момент в истории инков наступит гораздо позже, столетия спустя, а перед Манко Капаком стояла куда более скромная задача: выжить, отстоять право своего племени (народа) на только что освоенные земли в долине Куско.

Правда, можно допустить, что в тот момент вопрос о земле в долине Куско еще не стоял остро и инкам не сразу пришлось воевать за каждый клочок пашни. Но по мере роста численности самих инков и их соседей проблема земли и воды для орошения не могла не обостряться. Нужно было либо опять уходить в поисках новых земель, либо отбирать их у своих соседей — таков приговор суровой действительности. Инки предпочли остаться.

История не сохранила подробности этой борьбы, длившейся не меньше трех столетий, но именно так в тот исторический период выглядела в реальной жизни миссионерская деятельность сынов Солнца. Кровопролитная и братоубийственная война вряд ли приносила инкам одни только победы, как утверждают сами сыны Солнца. Успехи чередовались с поражениями. Об этом свидетельствуют прежде всего постоянно разраставшиеся ввысь и в толщину стены крепостей, городищ и городов, которые старательно сооружали не только соседи, но и сами инки. А раз так, то и сынам Солнца приходилось выдерживать осады, что мало увязывается с их рассказами о неизменно победоносном продвижении вперед воинов Инки и Солнца.

Об одном из таких соседей-городов стоит рассказать подробнее. Судя по сохранившимся развалинам, Писак был не просто крупным, а одним из крупнейших городов кечуа. По некоторым параметрам он соперничал с Куско и даже превосходил его. Кроме того, Писак находился всего в 15—18 километрах пешего пути от Куско. Наш интерес к Писаку вызван еще и тем, что ни один хронист не упоминает города с таким названием.

Конечно, можно предположить, что при инках Писак именовался как-то иначе. Так, например, священный город Мачу-Пикчу получил это свое имя уже в наше время. Но в отличие от Мачу-Пикчу слово «писак» фигури-

рует в хроинке Сармьенто «Индийская История». Правда, это названне долины, которая дважды (!) подвергалась ннкскому завоеванию. Кроме того, Сармьенто упомннает ннку по нменн Пнсак Топу — он был средн тех, кто удостовернл подлнnность сочнннення нспанца об ннках и представлял айлью Х сапа ннкн.

Оба похода в долнну Писак иоснлн в нзвестном смысле «воспнтательный» характер, хотя нх все же проще счнтать карательными экспеднцнямн (это к вопросу о мнссионерской деятельностн ннков). В первом случае Инка Йавар Уакак направнл в долину своих воинов, поскольку правитель тех земель убнл иаходнвшегося в гостях сына ннкн. Он рассчнтывал, что другой сын Йавара Уакака, доводнвшнйся ему роднчем по матерннской лнннн, станет наследнnком престола Куско. Инки буквально стерлн с лнца землн селення долнны Пнсак.

Второй поход в ту же долину состоялся при Инке Внракоче. По его прнказу два отряда захватнлн селенне Пакайкача в долнне Писак. А поскольку местные жнтели не пришлн покорнться Внракоче, он разорнл селенне, убнв его обнтателей.

О чем говорят этн событня?

Начнем с предположення: может быть, Пакайкача н есть подлнnное названне города кечуа, который сегодня называют Пнсаком? На это указывает, напрнмер, расстоянне от Пакайкачн до Куско, прнведенное у Сармьенто. Оно совпадает с расстояннем от Куско до Писака.

Далее. Укреплення Пнсака со всей очевидиостью подтверждают, что еще на рубеже XIV—XV веков рядом с Куско находнлнсь незавнснмые от ннков города кечуа, средн которых был н Пнсак (мы будем так называть этот город). Не менее очевндио и то, что Куско не только воевал с нимн, но н вступал в союзы, о чем говорнт днпастнйный брак правнтелей Куско н Пнсака, правда оказавшнйся не совсем удачным.

Помнмо Пнсака, нзвестны н столнцы другнх государственных образований кечуа: Ольянтайтамбо, Паукартампу, Калька, Юкай.

Все этн города-государства не моглн быть объектом цнвилнзаторской деятельностн сынов Солнца, нбо в столь крупных городах дикарн н варвары не живут.

Далее ннкам как мннимум дважды пришлось завоевывать долнну Пнсака, а ведь она находилась совсем рядом с Куско. Но покорных вассалов дважды не за-

воевывают. Значит, власть Куско над Писаком не была такой уж надежной.

На этом не заканчивается наш особый интерес, связанный именно с Писаком. Трудно понять, почему в хрониках не упомянут этот город. Между тем если бы этот город и ритм его жизни соответствовали хотя бы десятой доле того гигантского труда, который вложен в строительство его великолепных сооружений, не увидеть Писак мог бы разве слепой, хотя и он бы, несомненно, услышал биение пульса каменного гиганта.

Но испанцы, повторяем, не увидели Писак. Чем же объяснить «исчезновение» этого города? Только одно-единственное объяснение представляется убедительным: каменный Писак был уже мертв, когда испанцы пришли в Тауантинсуйю.

Отсюда следует вывод, что Писак еще при инках умер сам или был умерщвлен именно как крупный — столичный! — центр. И умер он политической смертью, ибо Писак не был разрушен вражеским нашествием, его бастионы и дворцы пострадали от времени, а не от рук человека.

Не было у Писака и такой труднопреодолимой проблемы, как обеспечение жителей продовольствием. Склоны гор здесь сплошь покрыты огромными насыпными платформами-террасами. На некоторых склонах по пятьдесят и даже шестьдесят ступеней-рядов. Они построены с таким совершенством, что многие и сегодня используются местными жителями, собирающими с террас свой урожай. Не испытывал Писак и недостатка в воде: у подножия Священной горы, на склонах и вершине которой расположились главные сооружения древнего города, течет многоводная река Вильканота и впадающий в нее горный ручей Чонго.

Трудно представить себе, как выглядел город в пору своего расцвета, если даже его руины потрясают наше воображение. Молча взирают на мир гигантские храмы и дворцы Писака. Непоколебимо стоят высокие каменные стены в два ряда — главное оборонительное сооружение города. Вырубленные прямо в скале лестницы и дороги лезут уступами вверх, соединяя городские центры с возвышающейся надо всем Интиватаной — религиозно-административным сердцем Писака. Отполированная до блеска каменная кладка словно по линейке расчерчена квадратами идеально подогнанных друг к другу камней. На фоне скачущих вниз змеевидных, строго по-

вторяющих неровности горных склонов рядов полей-террас, весело зеленеющих побегами благословенной кукурузы, замерли в своей могучей монументальности сторожевые башни Писака...

Как могло, как должно было выглядеть в пору своего расцвета это чудо человеческого упорства и труда? Чем был Писак, когда время, природа и человек объединялись в нем не для разрушения, а ради созидания?

На последний вопрос дает ответ перуанский исследователь Виктор Анхель Варгас, благодаря усилиям которого мир как бы заново увидел этот прекрасный город.

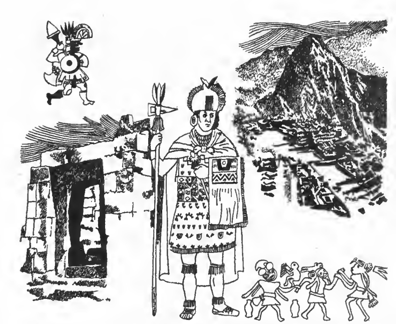
«Абсолютно достоверно то, — пишет Варгас, — что Писак был городским центром первейшей важности, о чем говорят, не оставляя место сомнениям, гигантские архитектурные останки, которые мы смогли увидеть... Речь идет о метрополии, поражающей размерами и качеством своих сооружений».

На какие же данные опирается исследователь, делая столь важный вывод?

Вот некоторые из них. Разбитый на городские кварталы Писак занимает территорию в несколько квадратных километров. Такими не бывают селения или случайные святилища. В двух районах Писака есть захоронения. Это самое большое и самое впечатляющее древнее кладбище в Перу. Подобный некрополь с мавзолеями и саркофагами мог принадлежать только огромному городу с четко различающимися общественными слоями.

Храмы и дворцы Интиватаны вполне сравнимы с Кориканчей. Великолепен архитектурный стиль этих типично столичных сооружений. На южном склоне Писака расположен ансамбль из круглых башен (характерная деталь архитектуры кечуа) для защиты насыпных террас, дорог и прилегающих к городу селений. Это также столичные укрепления, как и крепостная стена.

Судя по качеству прочных и красивых домов (только такие дома и сохранились), население города было весьма многочисленным. Подобным домам в пределах городской черты у кечуа обычно соответствовало огромное количество глиняных домов, которые, естественно, не могли сохраниться до наших дней. То же самое имело место в Куско. Это видели испанцы, например Педро Санчо, который был секретарем Писарро. «Там более ста тысяч домов», — написал он в своей хронике. «Более ста тысяч домов» насчитал в Куско и хронист Мигель де Эстете. Основываясь на этих данных, Варгас считает,



что и в Писаке дома простых людей исчислялись тысячами.

Писак стоит на стратегнчески важном месте, почти иа непрнступиой горе. Он господствует над долиной, уходящей в стороиу Паукартампу. То был слишком важный перекресток дорог, чтобы здесь стояло рядовое селение.

Варгас утверждает, что до Инкн Уайна Капака Писак имел такое же значение, как и Куско. Это была «столица первого порядка, как в свое время столицами были Ольяитайтамбо, Чинчеро, Мачу-Пикчу и другие городские центры», пишет ои.

И действительно, это было так. И пока рядом с Куско стоял Писак, инкам было ие до поручений своего Отца-Солнца. У них просто не было времени, чтобы вспомнить о них и тем более придумать такое. К тому же любая попытка вмешаться в дела такого соседа, как Писак, могла быть неверно понята им, поскольку сосед сам предпочитал решать свои проблемы за счет других, к числу которых относились и иики. Вот почему Куско стремительно обрастал каменными стенами и бастиоиамн.

Камия в отличие от пригодных к пахоте земель было повсюду так миого, что в ием не испытывали недостат-

ка. Кругом возвышалнсь горы. Они давали камеиь. И подымались к небу, словио соревиуясь с вершннами недоступных человеку гор, камеиные громады крепостей и круглых, расшнряющнхся у основаиия башен, моделью для которых служили все те же горы.

Однако людн научились не только возводить, ио и разрушать камеиные бастионы. И прочность камня оказалась бессильной перед твердостью человеческого духа.

Варгас считает, что Писак потерял свое значение в годы царствования Инки Уайна Капака. Эту мысль замечательный перуанскнй исследователь высказал предельно осторожио, что дает нам право попытаться взгляиуть на факт падеиня Писака как столицы не с коикретных позиций самого города, которые сегодня как бы иавязывают иам его развалнны, а несколько шире, то есть с позиций всего регнона кечуа.

Прежде всего исследоваиия Варгаса далн прямые доказательства высокого уровня, которого достигли города-государства кечуа до их включения в состав царства инков. Стал понятиее и характер реальных отношеиий между городами-государствами кечуа, и сам процесс складывання паикечуаиского государства: на добровольных началах ои не стронлся.

Развалииы Писака ясио говорят, что город погиб не в результате какой-то одной н скоротечной катастрофы. Следовательно, он умирал постепеиио, а хорошо сохранившиеся насыпные террасы, как нам представляется, свидетельствуют о достаточио продолжительной агоиин. Если бы город обезлюдел сразу, то кому н зачем понадобилось бы поддержнвать нх?

Нет, угасание города длилось долго н выглядело примерно так. Виачале его покииула главная знать, но город продолжал жить. Его граждаиам были необходнмы продукты пнтання, н писакцы продолжалн поддерживать свон террасы-поля. Ушла знать второй руки, но остались тысячи глнняных хижин. Их становилось все меиьше н меньше. Умеиьшалась и площадь террас, но самым инжиим из инх ие давалн разрушиться. Их будут поддержнвать до тех пор, пока здесь, в Писаке, будут жнть люди. И это не теория, а факт сегодияшнего дня, ибо и сегодия у подиожия Священной горы лежит иебольшое индейское селение, жители которого нспользуют террасы.

Далее. Ко времени правлеиия Инкн Уайна Капака

границы Тауантинсуйю уже были удалены от Куско на тысячи километров. Речь идет в основном о южном и северном направлениях.

Как нам представляется, первое, что должны были сделать инки, если они всерьез решили возглавить всех кечуа, это решить проблему своего слишком близкого и слишком грозного соседа. Более того, только устранив Писак, сыны Солнца могли создать свою империю. Само расположение Писака в системе всех городов-государств кечуа ставило именно этот город в особое положение.

Он стоял в центре, окруженный остальными наиболее крупными городскими поселениями кечуа: на западе находился Куско; на юго-востоке — Паукартампу; на севере — Урубамба, Ольянтайтамбо, Мачу-Пикчу. Это давало значительные преимущества стратегического порядка, ибо для нападения на Писак (если речь шла не о межкечуанской борьбе) следовало либо заручиться союзом с родственными с этим городом индейцами кечуа, либо пройти через их земли с войной. Но оба эти варианта решались не так-то просто. В войне против Писака они являлись дополнительными и труднопреодолимыми препятствиями.

Вместе с тем Писак был естественным союзником всех остальных кечуа, поскольку падение любого из их городов открывало путь на Писак. Именно Писак мог быстрее остальных прийти на помощь подвергнувшимся нападению городам кечуа. Вот почему с ним следовало поддерживать хорошие отношения.

Совсем иным было положение Писака в системе внутрикечуанских отношений. Во-первых, его центральное расположение создавало естественные условия для возможных претензий на руководство и объединение всех кечуа. Думается, это понимали не только в самом Писаке.

К тому же, как мы знаем от Варгаса, Писак в какой-то момент был самым грозным соперником Куско. Конечно, располагая отношениями с Писаком, скрепленными, например, династийными браками, можно потерпеть какое-то время столь грозного союзника у себя в тылу, но рано или поздно проблему Писака все же нужно было решать.

Помимо объективных неудобств, вопрос местоположения Писака содержал именно для инков чрезвычайно важный субъективный фактор: минуя его грозные ба-

стионы, нельзя было пройти из Куско к одной из главных святынь инков Паукартампу.

Вот почему, повторяем, одной из первых и неотложных задач на пути к утверждению господства инков и созданию под их руководством панкечуанского государства была задача устранения Писака из числа конкурентов и возможных соперников в борьбе за общекечуанский престол. Но при Уайна Капаке такой вопрос уже не стоял перед инками. Он был решен гораздо раньше. А вот как решен, можно лишь гадать.

Однако возникает еще один требующий ответа вопрос: может быть, инки сами были заинтересованы в сохранении военной мощи Писака в общегосударственных целях, например против общеимперского внешнего врага?

После создания панкечуанского государства у Тауантинсуйю такой необходимости не существовало.

Даже сегодня развалины крепостей Писака выглядят неприступными. В пору же его расцвета именно такой была конкретная реальность, не считаться с которой инки не могли. Вот почему решение проблемы Писака чисто военным путем в Куско наверняка считали если не невозможным, то как минимум самым трудным и потому последним из всех предполагаемых вариантов устранения соперничества этого города-государства кечуа. И пока инки решали или обдумывали эту сложную для себя проблему, к ним на помощь неожиданно пришли те, кого они никак не ожидали увидеть в качестве союзника.

Но здесь кончается легендарная часть истории инков, и мы переходим к событиям, которые, несомненно, должны быть причислены к реальным и чрезвычайно важным фактам, непосредственно связанным с процессом становления панкечуанского государства во главе с инками из Куско.

Мы помним, что при рассказе о капаккуне у нас возникли сложности с определением имени сапа инки, проявившего малодушие в момент нашествия чанков, и сапа инки, отстранившего малодушного и спасшего царство сынов Солнца. Поскольку у нас нет оснований отдать предпочтение одному из претендентов на роль спасителя инков, мы решили именовать эту историческую личность именами обоих инков. Это синтезированное имя будет выглядеть так: Виракоча-Пачакутек. Но, чтобы не приписывать тому или другому правителю поступков, ко-

торые он не совершал, предлагаем следующий выход: когда какие-то деяния приписываются только Виракоче (как победителю чанков), мы будем называть лишь его имя; когда что-то совершил только Пачакутек (тоже как победитель чанков), мы оставим лишь это имя. Синтезированное имя означает, что в источниках нет расхождений.

Итак, известно, что к началу XV века в районе расселения индейцев кечуа сформировалось несколько крупных городских центров. С некоторой долей допущения их можно назвать городами-государствами кечуа. Они то воевали друг с другом, то объединялись в союзы. Инки из Куско, направляемые, как и другие кечуа, новыми условиями общественного развития, стремились к созданию, естественно под своей эгидой, сильного государства всех кечуа, способного стабилизировать внутреннюю обстановку, а также отражать частые наскоки соседних народов. Однако ни Куско, ни другие города кечуа не обладали для этого достаточной силой.

В этот период наибольший интерес к богатствам кечуа проявляли индейцы чанки. Скорее всего перед ними стояли те же общественные проблемы, что и перед кечуа, поскольку уровень социально-экономического развития кечуа и чанков был одинаковым. Чанки жили западнее (юго-западнее) кечуа, и самым близким и естественным объектом их набегов был Куско, оказавшийся в роли форпоста всех кечуа. Защищая себя, инки одновременно как бы охраняли интересы всех кечуа. Это было чрезвычайно важное обстоятельство.

Война с чанками — следует предположить, что она длилась не одно поколение, — не только отвлекала силы инков от внутрикечуанских дел, но и держала их в состоянии постоянной боевой готовности. То был важный ускоритель развития инкского общества, способствовавший завершению процесса классового расслоения. Именно в этот период отношения между отдельными слоями инкского общества обрели классовый, антагонистический характер. Однако все еще были живы отголоски патриархальных родо-племенных отношений, бесспорно, смягчавшие антагонизм.

Иными словами, постоянная внешняя угроза потребовала мобилизации всех внутренних ресурсов, что и привело к резкому ускорению всех общественных процессов, которые начались еще задолго до появления инков в долине Куско.

Роль Куско в качестве форпоста всех кечуа также не могла ие отразиться иа их положеиин внутри всей системы кечуаискх городов-государств. Поскольку именно иики несли иа себе основную тяжесть борьбы против чаиков, остальные кечуа отнюдь ие ради благих порывов, а для защиты своих собстveииых земель должны былн как-то компеисировать усилия Куско, его потери, особеино в жнвой снле. Нанболее эффективиой помощью моглн стать н иавернякa стали отряды воииов других городов, иаправлявшиеся для защиты Куско. Немаловажио н то, что иики иакaплнвали опыт ведеиия войны.

Но вот в Куско иаступают «смутные времеиа». Причину нх возникиовеиня практически все хроиисты связывают с недостойиым поведением правившего в тот момент сапа иики. Предав забвеиию иаставлеиия своего Отца-Солица, ои вместо присоедииеиия иовых земель и царств пустился в разгул. Этнм иезамедлительно воспользовались чаики. Оии предприияли свое самое крупиое и хорошо оргаиизовaииое нашествие имеиио в этот тяжелый для сыиов Солнца момеит.

Правда, у хроннста Инкн Гарсиласо смутиые времеиа иаступнли в Куско как раз по причние иашествия чанков, остановнть которых ие смог правивший в тот момеит сапа инка. Что же касается дуриых поступков, то иики, как утверждает хроинст, вообще иикогда не совершали их.

Пусть чнтатель сам решит, какой из двух вариаитов иачала войиы чаиков с ннкамн из Куско больше его устраивает, ибо оба оии в равиой степеии представляются вполие реальиыми, если чаики действительно иапали первыми иа Куско. Мы говорим так потому, что известиый исследователь доиспанских цивилизаций Перу и Боливии Дик Эдгар Ибарро Грасса предложнл иесколько ииую версию иачала этого коифликта. И хотя большиннство исследователей ие разделяют его точку зреиия, мы ие считаем возможиым умолчать о ией. Смысл его вариаита таков.

В тот исторический момент Куско вместе с другимн кечуа иаходнлся в вассальиой зависимости от иидейцев аймара, или колья, столицей которых был город Колья. Инкн выступили против чаиков по приказу правителя Колья, поскольку боевые отряды чаиков иаиосили чувствительиые удары и по его владениям.

Такой вариант иачала войиы между чанками и иикaми только на первый взгляд противоречит сообще-

ниям большинства хронистов. И вот почему. Зависимость Куско от царства Колья в принципе не представляется чем-то невозможным, если мы вспомним, что инки пришли в Куско с юго-востока. Хронист Мартин де Моруа прямо указывает, что во времена короля Хавилья царству Колья принадлежали все земли на север от озера Титикака. Они доходили вплоть до реки Вильканоты, а в том месте, где в ее воды впадает ручей Чонго, стоит Писак, от которого до Куско, как мы помним, всего один день пешего пути. Король Хавилья посылал туда двух своих капитанов — Токай Капака и Пинау Капака, которые правили этими землями еще до появления там инков. Но ведь и сами инки, если следовать их же солнечной легенде, пришли в Куско из района озера Титикака. Может быть, и они двинулись в путь по приказу одного из королей Колья?

Такая, например, возможность могла возникнуть в результате каких-то конкретных событий, связанных с угасанием цивилизации Тиауанаку. В этом случае зависимость инков от царства Колья, в котором сынам Солнца вполне могла видеться их далекая прародина, была скорее естественной, чем необычной. К тому же она могла быть малообременительной и носить символический характер, поскольку «господина» и «подданного» разделяли многие километры трудного пути по горным перевалам Анд.

Вполне допустимо, что чанки досаждали своими набегами не только теоретическим подданным Колья, но и их собственным землям. И правители Колья решили вспомнить свои древние права, понимая при этом, что их собственные интересы совпадают с интересами Куско. Тогда-то и последовал из Колья «приказ», на который инки могли откликнуться вполне охотно. Приказ давал им легальную основу мобилизовать всех кечуа (если они не успели еще позабыть о своей зависимости от колья) на борьбу против чанков...

Начало войны с чанками для инков сложилось неудачно. Разгромив несколько боевых отрядов сынов Солнца, чанки почти вплотную подошли к их священной столице.

Далее события развивались стремительно. Инка-правитель бежал из Куско, оставив город беззащитным. Вот тогда-то и появляется Инка Виракоча, отправленный своим отцом-правителем в изгнание за неблаговидные поступки.

Виракоче-Пачакутеку удается наскоро собрать инкское воинство, деморализованное поведением сапа инки, а возможно, и решительными действиями противника. Он иаправляет также гонцов всем соседям Куско. Не дожидаясь ответа и согласия своего отца, к которому Виракоча также обратился с призывом о помощи (укажем, что эта помощь так и не пришла), Виракоча-Пачакутек бросается навстречу стремительно приближавшимся (естественио, пешком) к Куско воинам чанков.

Чанки ие были единым народом или однородным племенем. Под этим имеием объединялись многие группы индейцев. Вместе с чанками шли «ура-марка, вилька, уту-сулья, анковалью», так пишет Инка Гарсиласо. Из этого перечня трудно понять, идет ли здесь речь о союзниках чанков, или это имена чанкских родов или племен. Второе кажется предпочтительнее, ибо главного вождя чанков звали Анко-Валью.

Чанки подошли вплотную к долине Куско, где расположился, ожидая боя, Инка Виракоча. Подтянув арьергарды, войско чанков спустилось в долину.

Виракоча направил своих посланцев с предложением мира и дружбы, но чанки даже не стали их слушать. На следующий день они продолжили свое продвижение в сторону Куско. Виракоча продолжал посылать им предложения мира. Так прошел еще один день.

Накануне сражения оба лагеря провели всю ночь с огромными предосторожностями, выставив кругом часовых. Утром воины были уже построены в боевые отряды. С неистовыми криками и воплями, под звуки труб и барабанов, рожков и раковин противники зашагали навстречу друг другу. Инка Виракоча шел впереди и первым метнул во врага свой дротик. Завязался долгий и упорный бой, ни одна из сторон не могла добиться преимущества.

В полдень по чанкам ударили из засады пять тысяч воинов. Однако чанки выстояли. И опять они сражались несколько часов. Но чанки чувствовали, что на стороне инков выступают свежие силы. Это подходили откликнувшиеся на призыв Виракочи люди из Куско и соседних селений. Они собирались «по пятьдесят и по сто человек» и сразу вступали в сражение. Их громкие вопли создавали впечатление, что воинов больше, чем на самом деле. И чанки начали терять веру в победу. (Допустимо, что к этому времени на помощь инкам успели

подойти воины других городов кечуа, в частности Писака.)

Инки, как гласит легенда, стали кричать, что камни и растения превращаются в людей и идут сражаться на стороне Солнца и Виракочи. От этой уловки чанки окончательно пали духом. (Между прочим, как утверждают испанцы, легенда о камнях и растениях, превратившихся в воинов, пользовалась большой популярностью среди индейцев и в годы конкисты.)

После победы Инка Виракоча-Пачакутек подтвердил, что врага помогли одолеть бородатые люди, которых направил к нему бог Виракоча. Никто, кроме него самого, не мог их видеть. Поскольку они снова превратились в камни, он приказал собрать все камни, из которых сам отобрал своих союзников, чтобы инки поклонялись им.

Только немногим чанкам удалось спастись бегством, остальные были убиты или взяты в плен. Пленных по приказу Виракочи отпустили, чтобы они рассказали людям о милосердии сынов Солнца. Пленником стал и вождь чанков Анко-Валью.

Сражение длилось более восьми часов. В нем участвовало 40 тысяч воинов чанков, из которых погибло более 20 тысяч. Восемь тысяч потеряли инки. Сколько сынов Солнца и их союзников сражалось на стороне Инки Виракочи, неизвестно. Индейцы говорили, что кровь убитых и раненых текла даже по высохшему ручью, который проходит по долине Куско. Вот почему это место стали в дальнейшем называть Йавар Пампа, что означает «Кровавое поле».

Так закончилось это знаменитое сражение (его описание мы взяли у Инки Гарсиласо). Но самые удивительные события произошли после победы сынов Солнца над чанками: сыны Солнца сразу же начали новую войну. И первым объектом их экспансии стало царство Колья, а главными и самыми храбрыми союзниками — индейцы... чанки.

Победа инков над чанками, видимо, придала Куско ту дополнительную силу, которой не хватало каждому из городов кечуа, чтобы навязать господство своим соседям. Нам кажется, что именно в этот момент и была решена судьба Писака. Ибо нападение чанков на Куско, а тем более выступление всех кечуа на борьбу с чанками по приказу из Колья — мы не исключаем оба возможных варианта начала войны — должно было вынудить

жителей Писака раньше остальных кечуа принять участие в этом конфликте, поскольку в случае падения Куско Писак становился наиболее естественным объектом нападения чанков. Но инки вышли из войны победителями, и их положение среди кечуа сильно укрепилось.

Насколько можно судить сегодня, объединение всех кечуа не потребовало или, лучше сказать, не привело к избиению соседей Куско и даже к разрушению их городов и укреплений. Очевидно и то, что сыны Солнца не стали бы церемониться с упорствующими «сепаратистами», как они это продемонстрируют в дальнейшем. Но объединение кечуа в единое государство вне зависимости от того, кто бы его возглавил, означало появление на тогдашней политической арене Южной Америки такой этнически однородной и социально-экономически высокоразвитой силы, которой другим царствам и народам континента трудно было противостоять. Так оно и произошло.

Необходимо учесть, что к этому времени все предшествующие выдающиеся цивилизации Южной Америки либо давно сошли с исторической сцены (Чавин, Наска, Мочика и другие), либо стремительно приближались к своему закату. Что же касается других районов Нового Света, и прежде всего майя-ацтекского ареала, то он находился так далеко, что оставался недосягаем даже для великих завоевателей и путешественников инков.

В нападении сынов Солнца на царство Колья не было ничего необычного. Более того, оно представляется даже обязательным, если зависимость инков от колья действительно имела место. А вот участие в походе сынов Солнца их, казалось бы, злейших, наиболее опасных врагов — индейцев чанков выглядит не просто странным, но и непонятным.

Но случай с чанками — исторический факт. В пользу этого говорят, например, многие детали сражения чанков с инками. Столь достоверных — «портретных» — описаний нет не только в рассказах о предшествующих той битве событиях (за легендарное прошлое, как говорится, и спросить-то не с кого!), но и о событиях последующей истории Тауантинсуйю, включающей правление исторических сапа инков.

Битва с чанками не единственный исторически достоверный эпизод того периода истории Тауантинсуйю. Очевидными, достоверными чертами обладает и нападение

инков на царство Колья, в котором участвовали чанки. Но этот эпизод производит странное впечатление как своим содержанием, так и самим фактом его упоминания в официальной истории Тауантинсуйю. Попробуем разобраться в этих странностях.

Как мы уже знаем, при нападении на Куско чанками руководил Анко-Валью. Он же стоял во главе отрядов чанков при захвате инками города Гуаманга (возможно, что это и есть настоящее название столицы царства Колья). Чанки особенно отличились именно при взятии Гуаманги, и отличились так, что сыны Солнца оказались в положении, явно недостойном их божественного происхождения. Неизвестно, что конкретно случилось с инками при осаде Гуаманги, известно лишь, что, если бы не чанки, сыны Солнца потерпели бы поражение.

И вот Анко-Валью, ожидавший естественную для такого случая награду, узнает через свою сестру, ставшую к тому времени женой главного полководца сынов Солнца инки Капака Юпанки, что Инка Пачакутек-Виракоча приказал своему полководцу вырезать всех... чанков.

Не имея времени для праздного размышления о пре-

вратиостях судьбы, Аико-Валью собирает своих людей, в том числе жеищин и детей своего иарода, и, отразив иочиое иападеиие ииков, уходит далеко иа север. С большим трудом и ие без потерь его люди преодолевают снежные перевалы Аид и теряются в верховьях Амазоики. Преследующие чаиков сыиы Солица ие сумели иастичь беглецов. (Уже в годы коикисты испаицы вроде бы обиаружили в лесах Амазоики высокорослых и светлолицых иидейцев, виешиость которых резко отличалась от остальиых обитателей джуиглей, или сельвы, как приията говорить в Латииской Америке.)

Чем же примечательиа история побега Аико-Валью?

Прежде всего тем, что это едииствеииый случай, когда иики официальио призиали в своей официальиой же истории, что облагодетельствоваииый ими иарод предпочел благодеяниям ииков уход в малопригодиые для жизни человека чащобы сельвы. Тысячи иидейцев чаиков предпочли полиую опасиостей свободу сытому благополучию вассалов сынов Солица.

Но такое было возможиым лишь в первоиачальный период имперской истории ииков, когда еще только была иачата перестройка всей структуры бывшего города-государства Куско в царство сыиов Солица. Вот почему «страииости» того исторического периода были в прииципе допустимы, а их сохраиеиие в официальной истории Тауаитинсуйю оказалось ие просто возможиым, ио даже желательиым. Желательным для самих сынов Солица...

Но в тот момеит могло случиться и ие такое. Мы зиаем, например, что приход к власти победителя чанков иикак ие соответствовал законам сынов Солнца. Если иовый правитель предполагал задержаться иа троне сапа иики, ои должен был сразу же заняться перестройкой главных институтов старого Куско. Военияя сила была иа его сторойе, и это облегчало ему реформаторскую деятельиость. Реформе были подвергиуты все осиовные проявлеиия духовиой жизни, и в первую очередь религия. Ибо лишь она одиа (подкреплениая реальной силой) могла гараитировать, что все случившееся шло от бога, от Отца-Солица ииков.

Активиая воеииая экспаисия ииков подсказала и идею цивилизаторской миссии сынов Солнца. Стали вырисовываться реальиые условия и возможности ее осуществлеиия. Только в этот исторический момент она и могла зародиться.

Мы не можем сказать, как конкретно возникла эта идея, но что-то натолкнуло правителей Куско на такую мысль. Возможно, этим «что-то» было нечто субъективное, и тогда все наши размышления уподобятся гаданию на кофейной гуще. Но должны были существовать и объективные факторы. Они были, и их целесообразно выявить. Начнем с того, что само общество инков переживало очевидный подъем. Реально возникли условия для его совершенствования, естественно, в пределах той формации, к которой оно принадлежало. Ощутив новые силы и новые возможности, инки искали для них сферу применения. Между тем экспансия не могла быть самоцелью. Но остановить свое победоносное шествие сами инки также не могли. По мере удаления армии сынов Солнца от Куско между землями кечуа и границей царства вырастало свободное для их деятельности пространство, которое следовало чем-то занять и заполнить. Поиск решения столь важной для сынов Солнца проблемы должен был занимать их умы. Это и был первый из факторов миссионерства, возникший из реальной жизни.

С другим фактором инки столкнулись, когда спустились со своего высокогорья в долины Тихоокеанского побережья. Именно здесь они познакомились с царством Чиму. Сынам Солнца не стоило большого труда преодолеть его сопротивление, однако они не могли не понять, каким отсталым и примитивным был их собственный порядок на фоне достижений этой индейской цивилизации. Здесь они многому научились сами.

Конечно, инки были далеки от того, чтобы понять, сколь великую услугу оказало им царство Чиму. Инки не просто усвоили или приняли на вооружение чужие достижения и чужой опыт, но и поняли принципиальную возможность воздействия одних обычаев и порядков на другие, в том числе и чужеродные. Это была подсказка, проверенная собственным опытом. Она-то и приняла вид цивилизаторской миссии в дальнейшем.

Перед победителями чанков возник еще один сложный вопрос: нужно было решать и решать по-новому проблему своих родичей, обитавших не на небе, а рядом, на земле. И Пачакутек-Виракоча не просто перетасовал уже сформировавшийся к тому времени клан, но и «освежил» его чистокровную и божественную линию, поскольку сам был не из самых первородных сыновей своего предшественника на троне в Куско. Так, Сьеса де Леон утверждает, что новый правитель не унаследовал

престол, а был избран местной знатью, при этом на его кандидатуру обратили внимание по указанию некой женщины, неизвестно от кого получившей эту рекомендацию.

Вот почему Пачакутеку-Виракоче прежде всего пришлось выправлять чужие родословные, чтобы своя оказалась самой прямой. Допустимо, что в результате этих перестроек в чистокровные сыны Солнца зачислили (кооптировали) представителей правящих династий из соседних городов кечуа, например того же Писака. (Между прочим, это могло бы объяснить, почему один из свидетелей Сармьенто, будучи чистокровным инкой, именовался Писаком.) Это был наиболее простой, эффективный и потому полезный путь решения весьма деликатной проблемы: как поступить и на какую священную работу пристроить правителей соседних царств кечуа?

Конечно, было бы проще вырезать под корень всю эту знать, но, во-первых, пример с чанками показал, что такое не всегда удается даже сынам Солнца, а во-вторых, у инков могли возникнуть и непредвиденные сложности с подданными этих правителей. В любом случае у Пачакутека-Виракочи было достаточно много оснований заново отредактировать капаккуну, если таковая существовала до него. Перетасовке подверглись и все царские айлью.

В новых условиях не могла не возникнуть проблема базовой единицы инкского общества — индейской общины. Но община не была разрушена, а сохранена и даже в известном смысле укреплена, поскольку верховная власть даже не стала искать ей замены. И главную роль сыграли не экономические, а политические требования, возникшие в результате появления гигантского государства сынов Солнца.

Подведем краткий итог. Зарождение легенды о «цивилизаторской миссии» сынов Солнца не имело под собой реальных причин и объективных предпосылок, поскольку инки по своему уровню социально-экономического развития не отличались от других кечуа и остальных обитателей заселенного ими района. Но в процессе своей военной экспансии, ставшей возможной лишь благодаря объединению всех кечуа, инки столкнулись с цивилизацией Чиму, которая по многим аспектам превосходила созданное сынами Солнца общество.

Здесь необходимо сказать, что на территории, вошедшей в Тауантинсуйю, еще задолго до выхода на

историческую арену кечуа не просто отмечено обитание человека, но и существовали высокоразвитые индейские цивилизации. Некоторые из них отделены от инков во времени многими столетиями; другие почти смыкались с ними; были и такие, например царство Чиму, закат которых связан с инкским завоеванием.

Мы приведем упрощенную датировку основных периодов развития аборигенных обществ Южной Америки. Она дает представление о том, что происходило здесь с появлением первого человека, предки которого пришли из Азии в Америку, когда еще не было Берингова пролива. Хотим предупредить, что наша датировка не учитывает новые открытия и данные, которые не получили пока всеобщего признания. Кроме того, это схема, что также нужно учесть.

Каменный век. Наиболее древнее захоронение человека найдено в местечке Лаурикоча. Собирательство, охота, 8000—4000 лет до нашей эры.

Предкерамический (предгончарный) период. 4000—1500 лет до нашей эры.

Протогончарный период. Появляются зачатки земледелия. Человек создает первые поселения, покидая пещеры. 1500—1000 лет до нашей эры.

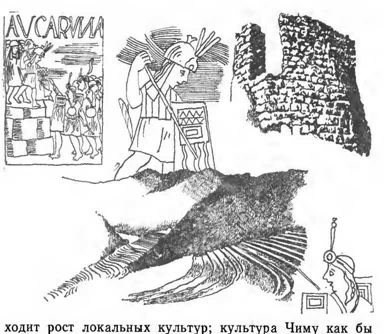
Период Чавин. Первая из известных цивилизаций. Ее влияние обнаруживается на побережье и в горах. Относительно развитое земледелие, гончарное производство, строительство культовых сооружений. 1000—500 лет до нашей эры.

Период регионального развития. Исчезает влияние Чавина. Появляются зачатки локальных культур. 500—200 лет до нашей эры.

Классический период. Возникает ряд выдающихся культур — Мочика, Прото-Лима, Наска, Рекуай, Пукара, Тиауанаку. Каждая имеет свои особые черты и свои выдающиеся достижения. Мочика — непревзойденную керамику. Наска — неповторимые ткани из Паракаса и т. п. 200 год до нашей эры — 800 год нашей эры.

Период распространения влияния культуры Тиауанаку. Происходит стремительное и почти повсеместное распространение культуры Тиауанаку на побережье и в горах. Важнейшие центры — Тиауанаку и Уари в горах, а на побережье — Пачакамак. 800—1200 годы.

С наступлением заката культуры Тиауанаку проис-



ходит рост локальных культур; культура Чиму как бы продолжает и возрождает культуру Мочика, правда не достигая ее вершин. В этот же период активно формируются индейские «царства и провинции», которые войдут в Тауантинсуйю. Инки начинают свой исход, чтобы окончательно осесть в долине Куско.

Теперь вернемся к инкам, покорившим царство Чиму. Инки сумели воспользоваться его опытом, что резко ускорило их общественное развитие. В этот же момент появляется и «лозунг» об их цивилизаторской миссии, отразивший реальные изменения в жизни кечуа — завершение становления в основных параметрах раннеклассового общества в среде индейцев кечуа.

Создание панкечуанского государства выразило объективные требования эпохи. Окраинное положение Куско, поставив инков в особое положение, привело к тому, что именно они стали авангардом борьбы всех кечуа против чанков — это был субъективный момент. Но они соединились вместе на одной странице истории индейцев кечуа: воспользовавшись победой над чанками, инки установили свое господство над остальными кечуа. Скорее всего именно так примерно за три столетия инки проделали путь из рядовых обитателей долины Куско в

«миссионеры» и подлинные господа Четырех сторон света.

Чтобы у читателя не осталось чувства некоторой неудовлетворенности в связи с тем, что он так и не узнал причины смерти могущественного города Писак, мы хотим предложить ему вместе с нами попытаться «увидеть» возможный и даже правдоподобный конец этой поучительной истории из жизни царства сынов Солнца. Мы расскажем о нем так, словно бы ни у автора, ни у современной исторической науки нет никаких сомнений по этому вопросу. Строго говоря, это соответствует действительности, ибо как можно сомневаться в том, что полностью неизвестно?

Рассказ второй:

СМЕРТЬ ПИСАКА

Итак, мы оставили славный и могучий город Писак в тот сложный для него момент, когда рядом, в двух десятках километров от его каменных стен, за такими же каменными и неприступными стенами Куско сыны Солнца размышляли над его, Писака, дальнейшей судьбой. Военный путь ликвидации могущества Писака не предвещал инкам ни быстрого, ни легкого успеха — слишком грозным были городские укрепления. Взять Писак измором также было маловероятно, поскольку город хорошо снабжался водой, а его боевые башни и крепостные стены надежно защищали террасы с посевами кукурузы.

Конечно, можно было бы прибегнуть к марьяжной дипломатии и женить одного из самых чистокровных сынов Солнца на дочери правителя Писака. Можно, но жив был в памяти брачный конфликт, закончившийся убийством наследника престола Куско, и связанный с ним поход сынов Солнца в долину Писака. Именно после того похода как раз и были сооружены неприступные бастионы Писака. Словом, вырисовывалась достаточно мрачная картина, сулившая Куско одни только неприятности...

Размышления сынов Солнца над судьбой Писака прервали события чрезвычайной важности: на земли кечуа со стороны Куско в очередной раз двинулись боевые отряды людей чанков. Их было много, очень много — 40 тысяч воинов.

В небольшом селении недалеко от Писака собрался совет всех правителей кечуа. Не было среди них только правителя Куско. Одни говорили, что он сражается в передовых отрядах инков, сдерживавших на горных перевалах наступление чанков, другие, правда не очень уверенно, заявляли, что Инка бежал из Куско,

оставив без защиты свой город и свой народ. И пока шли споры и посылались очередные гонцы, чтобы выяснить действительное положение дел в Куско, прибыл гонец с посланием нового правителя этого города. Новый Инка сообщал, что ушел в бой, и просил срочно прислать подмогу, ссылаясь на старые традиции совместной защиты людей, говоривших на родном для них языке, а также на приказ, который он получил от царя Колья — верховного правителя всех кечуа, которому ежегодно после сбора урожая каждый город посылал золотой початок кукурузы и шкуру пумы. Это был символ и знак признания верховной власти Колья, власти, которая напоминала им о далеком прошлом и общей прародине там, за высокими горами, на берегах священного озера. Это делало их всех сильнее, не позволяло забыть, что все они дети одного народа.

Правитель Писака, старый Капак Кондор Пума, никак не хотел отдавать своих воинов невесть откуда взявшемуся правителю Куско. Но когда кто-то вспомнил, что именно Пачакутек отбил предшествующее нашествие чанков, ему стало трудно возражать остальным правителям. Пачакутек был опытным полководцем, ему доверяли люди. Он не только разбил чанков, но и руководил походом всех кечуа, когда далеко на севере племена отказались платить дань. Там было пролито много крови, и воины кечуа вернулись с богатой добычей.

Капак Кондор Пума понимал, что, если Куско падет, чанки нападут на Писак. Но отдавать своих воинов Пачакутеку никак не хотелось. Недоброе предчувствие беспокоило Капака. Уж больно ловок, хитер и коварен этот молодой Инка. Ведь умудрился же он захватить престол Куско. А если он побьет этих чанков, так не вовремя затеявших войну, что тогда?

Но еще хуже, если чанки возьмут Куско. Может быть, отдать ему в жены младшую дочь?..

Старый Капак из Писака поморщился. Его дед правил, когда в Писак пришли инки, чтобы отомстить за умерщвленного принца. Писакцы поступили бы так же, но ведь эти были из Куско...

Воины Писака пришли первыми, но Пачакутек приказал им сидеть в засаде и вступить в сражение только по его личному приказу. Таким приказом будет его штандарт. С ним писакцы и пойдут на врага. Над каждой сотней воинов он поставил своего начальника; они бесцеремонно стали расставлять писакцев так, как им казалось нужным.

Ждать долго не пришлось: прибежал молодой инка со штандартом Пачакутека, и, подняв невообразимый вой, писакцы выскочили из засады и с ходу ударили по обнажившемуся правому флангу. Они ловко сражались своими короткими пиками, а длинные копья

чанков в ближнем бою был малоудобным оружием. В ход пошли также дубинки-маканы, но ими лучше владели кечуа.

Где-то далеко, наверное в тылу у чанков, снова раздался воинственный вой кечуа. Не прошло и получаса, как вой повторился, но теперь он звучал вовсе в другом месте. Этот могучий призыв повторялся снова и снова. И каждый раз он звучал на новом месте, обрушиваясь на чанков с окружавших долину гор, словно неумолимый камнепад, перед которым люди и животные испытывали ужас. И чанки дрогнули. Это был их конец...

Старый Капак прикинулся больным, чтобы не идти на торжества к победителю чанков. Больше всего его возмутило то, что Пачакутек послал преследовать чанков, его, Кондора Пумы, воинов, словно они были людьми или данниками Куско. Но воины, возбужденные радостью победы, ушли, и никто даже не вспомнил, кто их царь и кому они обязаны подчиняться. Инки не дали времени на раздумья, и боевые отряды кечуа под предводительством начальников-камайоков из Куско уже шагали далеко за пределами своих родных земель. Это была победа Куско, победа сынов Солнца, как теперь все стали говорить. Даже при дворе Кондора Пумы все радовались, что чанки разбиты. Все поздравляли сынов Солнца, словно другие кечуа не помогли им в тот тяжелый момент, когда чанки почти одолели воинов Куско. Но теперь уже никто не вспоминал об этом. Все только и говорили о камнях и деревьях, которых Виракоча — брат Солнца, дядя Пачакутека — превратил в воинов.

Старый Капак из Писака не верил в эти сказки. Он был слишком стар для них, но глядя на расцветшие радостью лица своих придворных, особенно самых молодых, он понимал, что не может вмешаться и разоблачить этот обман. А потом, быть может, инки действительно что-то увидели во время сражения и сам Отец-Солнце — правитель так и назвал его, хотя никто не мог подслушать мысли старого писакца, — помог им победить чанков? Он тут же вспомнил, с какой радостью все воины, принявшие участие в сражении на Йавар Пампе, собирали огромные камни, с великим трудом складывая их у священного холма Вана-каури. Инка Пачакутек отбирал из них воинов Солнца и бога Виракочи — эти камни уложат в крепостные стены Саксайуамана, у подножия которого инки одержали победу. И опять старый правитель заметил, что и он назвал победу не своей и не всех кечуа, а только лишь сынов Солнца. Да, инки умели представить все так, как это было выгодно только им. Может быть, Бог-Солнце научил их этому искусству?

А воины кечуа все дальше и дальше уходили на юг, неудержимо приближаясь к царству Колья. Теперь уже курьеры — часки прибегали только один раз в неделю. Они несли сообщения прямо

в Куско, словно других кечуа не интересовала судьба воинов. Правда и то, что Куско неизменно сообщал остальным городам о победах, но так же подчеркнуто и неизменно эти сообщения говорили о победах сынов Солнца и Единственного Инки Пакачутека.

Старый Капак хотел посоветоваться с Верховным жрецом Писака — он думал, как лучше отозвать своих воинов, но, когда правитель только начал этот важный разговор, на лице жреца появилось такое изумление, что Кондору Пуме ничего не осталось, как прекратить беседу. А буквально на следующий день из Куско пришла просьба, очень напоминавшая приказ, требовавший отправить Пачакутеку новый отряд воинов Писака. Правитель принял инку-посланца и сделал вид, что готов исполнить столь почетное поручение Единственного. Но он не спешил с отправкой отряда. Он решил выжидать: только время могло подсказать, как поступить в этой сложной обстановке.

Конечно, можно было пожертвовать десятью тысячами воинов, которых увел Пачакутек, — их наверняка перережут в ту же ночь, когда Пачакутеку сообщат об «измене» Писака. Но среди них были и оба его сына. Сомневаться в том, как инки поступят с ними, не приходилось. И он ждал, тревожно всматриваясь своими все еще зоркими глазами в исчезавшую в горах за рекой дорогу, откуда приходили гонцы из Куско. Но инки почему-то перестали тревожить старого правителя своими напоминаниями об отправке воинов. Это еще больше настораживало правителя, и он по-прежнему ждал, не принимая никакого решения...

Лицо Пачакутека исказилось в гневной гримасе — правитель еще не научился скрывать свои чувства, как должен уметь каждый, если хочет держать в страхе и подчинении подданных и врагов. Гнев тоже человеческая слабость, а слабым не место на священном престоле сынов Солнца. Вспомнив бастионы Писака, он невольно содрогнулся, но этого никто не заметил — все, что касалось дел войны, Единственный, как теперь все называли Пачакутека, умел скрывать от остальных людей.

Тогда, на Йавар Пампе, когда он уже решил, что все потеряно, только каменное безразличие его лица помогло инкам продержаться те страшные минуты, пока не раздался боевой клич бросившихся из засады писакцев. Лишь третий из штандартоносцев смог добраться до них. Он видел, как двое других упали, сраженные стрелами. Хорошо, что Женщина надоумила его сделать не один, а несколько штандартов.

Старая колдунья была умна. Как ловко, словно с неба, упала она в круг совета знатнейших. Не побоялась ведь спрыгнуть с уступа скалы, хотя до земли было не менее полутора десятков локтей. Упала и затряслась словно в желтой лихорадке. Даже

пена пошла из ее изломанного временем рта. «Пачакутек, Пачакутек», — шипела она как змея. Пламя костра еще больше искажало ее некрасивое, изрезанное морщинами лицо, а она все тряслась и тряслась, все шипела и шипела. И дошипелась: это было божье знамение, так решил совет знатнейших...

Пачакутек взглянул на своего брата полководца Инку Капака Юпанки. Тот только кивнул головой, давая понять, что и он считает: силой Писак не сломить. Но держать занесенной над священной головой сынов Солнца такую грозную макану было недопустимо. Даже с ослабленным гарнизоном Писак оставался Писаком. Братья снова переглянулись. На этот раз уже Пачакутек кивнул головой, утвердив то, о чем они оба подумали разом.

— Пошли человека, — коротко приказал Единственный.

Ровно через пятнадцать дней из Куско прибежал часки с траурной белой повязкой на руке. Сменяя друг друга, гонцы передавали ее, сообщая только имя: «Капак Кондор Пума». Печальная весть, пролетев много, очень много тысяч полетов стрелы, упала к ногам нового правителя Писака, стоявшего лагерем в стане Пачакутека.

Чтобы утешить горе своего верного союзника и храброго полководца, Пачакутек отдал ему в жены любимую дочь. Он приказал поставить рядом со своей походную палатку нового правителя Писака, которому дела войны — предстояло вторжение во владения царства Колья — не позволили покинуть боевые отряды кечуа. На торжества поминовения усопшего ушел его младший брат. В ту же ночь его унесли золотые носилки самого Единственного. Вместе с ним полетел в Куско строжайший приказ: Куско и все остальные города кечуа должны двадцать дней к ряду оплакивать усопшего брата Капака Кондора Пуму.

Взамен Пачакутек попросил нового правителя только об одном: Писак должен был прислать еще десять тысяч воинов для войны с Колья. Молодой правитель не рискнул отказать в этой просьбе, означавшей великое доверие людям его народа со стороны сынов Солнца...

Когда победители царства Колья вернулись в Куско, их встретили с такой торжественностью, на которую были способны только сами боги. Весь обратный путь победителей был усыпан цветами. Всюду вдоль дорог стояли подданные сынов Солнца. Шеренги воинов шагали под несмолкаемый хор знатных и простых людей, ликовавших при встрече с непобедимым Единственным. Правитель Писака удостоился высокой чести — он шел во главе колонны побежденных врагов, а его воины криками и ударами тупыми концами боевых дротиков подгоняли понуро шагавшую толпу пленных царей и курак.

В Куско молодого Капака из Писака ждала еще одна радост-

ная неожиданность. К его приходу рядом с кварталом самих сынов Солнца стоял большой каменный дом, напоминавший своими очертаниями дворец в Интиватане...

Пачакутек не знал усталости. Не успев закончить одну войну, он уже спешил на север, чтобы закрепить свои новые земли и захватить чужие царства, не пожелавшие покориться сынам Солнца. Во все четыре стороны света шагали воины сынов Солнца, и повсюду мелькала могучая фигура Единственного на золотых носилках.

Все новые и новые отряды кечуа уходили в далекие походы. Инки стали заселять своими людьми завоеванные земли, чтобы новым подданным было легче, сподручнее обучиться священным законам и обычаям, шедшим от самого Солнца.

А Писак пустел. Вслед за молодым Капаком в Куско перебрались его брат и с ним вместе часть знати, привыкшая жить рядом с правителем. Дольше всех сопротивлялся переезду Верховный жрец, но когда сыны Солнца с огромными предосторожностями перенесли из Интиватаны в Куско огромного каменного идола — главную святыню писакцев, удостоив ее высочайшей чести разместиться рядом с самим золотым диском — Солнцем, и он был вынужден покинуть прежнюю столицу, чтобы продолжать службу и охранять столь дорогое для каждого писакца божество. Последнее, правда, не потребовалось: инки приказали выставить рядом с новой обителью писакского идола воинов-жрецов из Писака.

И Писак пустел. Каждый год город провожал новых и новых воинов. Они прощались с городом навсегда, ибо никто не знал, где и когда погибнет воин, доблестно сражающийся во имя великого дела самого Солнца. Уходили писакцы и целыми семьями, чтобы помочь приручить новых подданных Тауантинсуйю. Они шагали на север, на юг, на запад и на восток...

И Писак опустел. Он не погиб, а уснул, уснул сном потерявшего силы человека. Рухнули громады Интиватаны, и жители сотни глиняных домов, оставшихся у подножия Священной горы, с изумлением смотрели на высоко взметнувшееся облако пыли на вершине заснувшего города. Обваливалась когда-то неприступная стена, и никто не обратил даже внимания на грохочущий по бывшим городским улицам камнепад — мало ли что бывает в горах?

Запустели верхние платформы-террасы. Потом стали разваливаться и те, что было посредине каменного поля-лестницы. И только самые нижние, самые доступные продолжали давать обильный урожай, отвечая благодарностью на заботу человека...

Действительно, зачем брать приступом неприступную крепость? — удивлялись сыны Солнца, шагая по каменным дорогам к святилищу Пакаректампу мимо развалин Писака...

БОЕВЫЕ НОСИЛКИ

Наиболее грозным оружием сынов Солнца было золото. И не в переносном, а самом прямом смысле слова. Ибо главный воин Тауантинсуйю, каковым, как нетрудно догадаться, был сапа инка, сражался золотым оружием. Даже снаряды, которые он метал в бою, были отлиты из чистого золота. А поскольку правитель воевал только на носилках, его главным оружием как раз и становились золотые снаряды. Вес каждого из них, если судить по рисунку хрониста Гуамана Помы, должен был колебаться в пределах двух килограммов.

Правители были сильными людьми, и, прояви испанцы должную выдержку и коммерческую смекалку, глядишь, без лишнего кровопролития Атауальпа перешвырял бы в их лагерь все золото Инки, которое по сей день безуспешно ищут кладоискатели. Но испанцы, как известно, предпочли иной путь овладения золотом Тауантинсуйю и, похоже, просчитались.

Мы не знаем, какова была тактика и приемы ведения боя инков из Куско до их победы над чанками на Йавар Пампе, ибо все, что рассказали хронисты о военной организации и вооружении инков, относится к последующему периоду их истории. Очевидно, что их приемы ведения войны мало чем отличались от приемов других кечуа и иных народов андского высокогорья. Правда, не исключено, что каждый народ и даже племя могли иметь свое излюбленное оружие, но в целом уровень тогдашней военной мысли и техники, диктовавший тактику ведения войны, был примерно одинаковым у всех конфликтовавших сторон. Об этом достаточно убедительно говорят крепостные сооружения кечуа, принцип и характер возведения которых практически одинаковы. Кроме того, нет никаких сведений, которые говорили бы в пользу того, что победа инков над чанками была добыта с помощью более совершенного оружия. Наоборот, после этой победы сами инки сделали своим главным оружием не традиционный для всех кечуа вид вооружения, а оружие побежденного врага.

Начиная с имперского периода истории сынов Солнца война стала главным содержанием и основной формой государственной деятельности правителей Тауантин-

суйю. Военная экспансия инков не только соответствовала основной идеологической доктрине сынов Солнца о цивилизаторской миссии, но и породила ее. Когда же теория и практика слились воедино, они стали главенствующим фактором всей духовной и материальной жизни Тауантинсуйю. В миссионерстве объединились также религиозные и гражданские «идеалы» правящей верхушки созданного инками общества, за реализацию которых взялась огромная военная машина сынов Солнца. (Просим извинить за используемую автором современную терминологию, но в случае с инками она лучше и точнее любых других слов передает суть рассматриваемых проблем.)

По подсчетам французского исследователя Л. Бодена, к моменту появления испанцев территория Тауантинсуйю составляла 2 754 000 квадратных километров. Здесь проживало не менее 10, а по некоторым источникам — все 15 миллионов человек. Вот почему сообщения хронистов о том, что некоторые сапа инки любили начинать войну с армией, насчитывавшей 100 или даже 400 тысяч воинов, не кажутся преувеличениями. Во всяком случае, при необходимости царство сынов Солнца могло выставить хорошо обученную и натренированную армию в несколько сот тысяч человек, не считая вспомогательные отряды из местных (для района ведения войны) жителей.

Конечно, столь многочисленная армия формировалась только для решения конкретных задач. Она не могла быть регулярной, ибо на ее содержание потребовались бы такие материальные и людские ресурсы, что даже сыны Солнца не смогли бы выдержать этого. Кроме того, подобная постоянно действующая военная громада выключила бы из производственной сферы недопустимо большое число рабочих рук, а инки были радивыми хозяевами и на такую расточительность не пошли бы.

Они выбрали иной путь. Каждое селение и даже община не только выделяли воинов для несения службы в регулярных частях (она длилась 20—25 лет), но и имели постоянный резерв первой очереди, за боевую готовность и своевременный приход которого к месту назначенного сбора своей головой отвечали кураки — природные господа и цари неинкского происхождения, а также само селение или община.

Эта сложная мобилизационная система действова-

ла примерно так. Любая военная кампания неизменно начиналась непосредственно в Куско. По мере удаления от столицы и приближения к пограничному району, за которым лежали земли, подлежащие захвату, регулярные войска пополнялись резервистами из тех царств, мимо которых они проходили. Иными словами, если завоевание предпринималось на севере, то расположенные на севере от Куско присоединенные к Тауантинсуйю царства и народы поставляли сапа инке нужное число резервистов; на юге — южные подданные, и так по всем четырем сторонам света.

Очень интересно рассказывает хронист Сьеса де Леон о начале очередного завоевательного похода сынов Солнца.

На главной площади Куско стоял «камень войны», который был большим и имел форму сахарной головы. Он был сплошь покрыт золотом и драгоценными камнями. К нему выходил сапа инка со своими советниками и родичами, приказывая позвать главных кураков всех царств и провинций, чтобы узнать от них, кто из их индейцев был самым храбрым, — именно таких назначали начальниками и капитанами.

Инка тут же производил соответствующие назначения. Одному поручалось десять воинов, другому — пятьдесят, третьему — сто. Самым отважным и умелым — десять тысяч. Каждый отряд имел начальника из местных уроженцев; все они подчинялись генералу-инке. Таким образом, если возникала надобность направить на войну 100 тысяч воинов, правителю было достаточно лишь «открыть рот, чтобы приказать». У отрядов были свои знамена — штандарты. Каждый отряд имел свой вид оружия: один объединял метателей пращи, другой — копейщиков, третий — тех, кто сражался маканами или с айлью — особый вид лассо.

При выходе сапа инки из Куско царил величайший порядок, «пусть даже его сопровождало триста тысяч человек». Воины шли дневными переходами, делая привалы в тамбо — специально построенных на дорогах помещениях, где хранился провиант, оружие и другое снаряжение. Воинов обслуживали местные жители, мужчины и женщины, помогая переносить их поклажу. Двигалась армия Инки «с плясками и попойками». Жители этих мест не имели права под страхом суровых наказаний пребывать в отлучке, дабы не прерывать снабжение и оказание услуг тем, кто шел на войну. А воины

и капитаны, в том числе сыны Солнца, не рисковали причинять им какое-либо зло или допустить дурное обращение, даже взять у них хотя бы один початок кукурузы, ибо за это приговаривали к смерти. Так инки «во всем добивались разумности и порядка».

Рассказ испанского хрониста никак не исчерпывает интересующую нас тему. Более того, он требует дополнений и даже исправлений. Так, представляется совершенно нереальным одновременный выход из Куско 300 тысяч воинов и их продвижение даже по самым лучшим инкским дорогам. Для этого достаточно произвести элементарный арифметический подсчет. Если воины шли плотной колонной по шесть человек в ряд (примерно такой была пропускная способность лучших дорог), а каждый ряд в «толщину» имел только один метр, такая колонна из 300 тысяч воинов растянулась бы на 50 километров.

Но эта цифра явно занижена. Она не учитывает индейцев, переносивших грузы; не принимает во внимание и то, что копейщики никак не могли уложиться в предоставленный нами метр «толщины» ряда; вряд ли в него умещались и те, кто воевал маканой, особенно двуручной боевой дубиной с острыми шипами на ударном конце. Кроме того, так плотно не шли командиры, знаменосцы, музыканты, вспомогательные части, окружение сапа инки и те, кто нес его носилки. Если же к этому добавить, что хронисты называют расстояние в 20—25 километров в качестве того среднего промежутка, который разделял тамбо, то нелепость одновременного передвижения колонны длиною в 50 километров становится более чем очевидной.

Но эти подсчеты помогают лучше понять гигантскую картину передвижения огромных людских масс, которая являлась для Тауантинсуйю рядовой повседневностью.

Теперь о некоторых дополнениях и уточнениях. Нельзя не обратить внимания на то, с какой настойчивостью хронист Инка Гарсиласо сообщает своему читателю, что инки начинали военные действия только после предупреждения противника о намерении включить его земли в Тауантинсуйю. Сыны Солнца трижды посылали послов с этой целью. Хронист объясняет столь странное поведение инков их цивилизаторской миссией. Он говорит, что противника убеждали добровольно присоединиться к царству сынов Солнца, дабы он обрел поло-

женные человеку земные блага и небесное покровительство.

С такого предложения, а по сути дела, уведомления о начале войны начинаются все военные кампании сынов Солнца, о которых рассказывает в «Комментариях» Инка Гарсиласо.

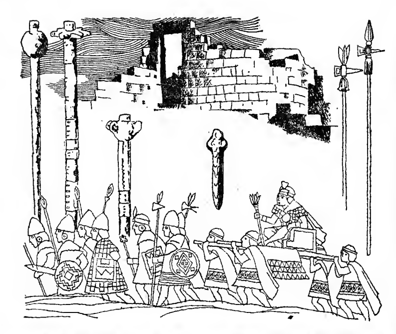
Конечно, проще всего за настойчивостью хрониста усмотреть пропагандистские уловки сынов Солнца либо согласиться с тем, что инки из Куско действительно были полны решимости делать людям добро. Но далеко не все царства и народы добровольно становились вассалами Куско. Тогда инки «дарили» им человеческий образ жизни с такой жестокостью, что их миссионерскую деятельность вряд ли можно посчитать богоугодным делом.

Однако настойчивость хрониста в этом вопросе столь велика и убедительна, что невольно возникает желание понять, что же реальное могло стоять за этим трехкратным предупреждением о начале военных действий.

Вопрос можно сформулировать несколько иначе: с какой целью сыны Солнца трижды объявляли одну и ту же войну?

Поиск аналогий в истории дело весьма деликатное, особенно когда ищешь ответ на частные, а не глобальные вопросы. Последние, как известно, определяются общими для всего человечества закономерностями и потому в принципе сопоставимы. Совсем иначе обстоит дело с конкретными поступками отдельных лиц и даже целого клана, как это имеет место в нашем случае. Ибо для их понимания необходимо знать не только конечный результат того или иного действия (а здесь и он мало что дает), но и целую гамму субъективных моментов, лежащих у его истоков. Вот почему предлагаемый нами ответ на вопрос: «Почему инки трижды объявляли войну?» — следует рассматривать лишь как гипотезу, которая подсказана способом ведения инками завоевательных войн и историей... Древней Руси.

Со школьной скамьи мы помним знаменитое «Иду на Вы» великого воина Святослава. Но, бросая свой вызов, князь Святослав был далек от разудалой беспечности. Он как бы приглашал противника помериться силами в открытом и решающем бою. Имея сравнительно немногочисленную, но прекрасно обученную и стойкую дружину, Святослав самим фактом вызова добивался концентрации сил противника, что уравнивало



его шансы в борьбе с численно превосходящим врагом. Он надеялся выиграть одно решающее сражение благодаря мужеству и мастерству своей рати, ибо затяжная война не сулила ему победу.

Если с этих позиций взглянуть на трехкратное предупреждение инков о начале войны, то в условиях Таунтинсуйю подобный вызов полностью лишен смысла именно для сынов Солнца. Ибо инки имели подавляющее превосходство над противником. Следовательно, не инки, а их противник, если продолжить нашу историческую параллель, получал то самое тактическое преимущество, которого добивался Святослав.

Тогда спрашивается, зачем было так усложнять стоявшую перед сынами Солнца военную задачу?

Ответ на все эти вопросы дает тот конкретный метод ведения войны, который наиболее часто и с неизменным успехом применяли инки. А применяли они долгую, затяжную осаду.

Действительно, оповещенный сынами Солнца противник должен был что-то предпринять, коль скоро его предупредили не любившие в таких вопросах шуток инки.

А что он мог сделать? Либо принять мирные условия присоединения к более могущественному соседу (по свидетельству хронистов, такое случалось не однажды), либо срочно заняться подготовкой к отражению нападения. Последнее означало укрепление обороны, усиление старых или строительство новых оборонительных сооружений, поиск возможного союзника, мобилизацию населения, способного принять участие в защите не родной земли вообще, а того, что объединяет и символизирует эту землю, управляет ею и защищает от чужеземцев. Таким объединительным началом в ту эпоху могла быть только столица или главное поселение царства либо народа. И люди спешили туда, чтобы найти защиту за его укреплениями, чтобы совместными усилиями отбить нападение врага.

Но сыны Солнца как раз этого и добивались. Их устраивала, повторяем, даже длительная осада. Они предпочитали именно ее, но не по причине чьей-то прихоти или сложившихся и, как часто бывает, труднообоbримых традиций. Нет. Само высокогорье диктовало инкам такую форму ведения войны, ибо, если бы противник попрятался по ущельям, за горными перевалами, в труднодоступных пещерах, созданных природой, и попрятался бы небольшими группками, а то и в одиночку, перед сынами Солнца встали бы неодолимые препятствия.

Направляя во второй и в третий раз своих послов, инки проверяли, насколько успешно осуществляется их план организации обороны противника. Послы выполняли также роль разведчиков или искали таковых среди местных жителей. Страх, посулы, обещания компенсировать помощь, а возможно, и какие-то иные формы привлечения союзников, ныне забытые или неприемлемые по причине своей архаичности (например, обещание дать не одну, а десяток жен), делали свое дело. Основываясь на информации, добытой таким способом, инки определяли подходящий момент для нападения.

Помимо концентрации главных сил противника в укрепленном районе, инки должны были учитывать еще один крайне важный фактор — степень вызревания сельскохозяйственных культур, составляющих основу питания жителей данного района. Ибо нападать нужно было только тогда, когда кукуруза или картофель лишь созревали и противник не мог пополнить истощенные

за год запасы продовольствия за счет нового урожая. Инки, заблокировав в крепостях не пожелавших добровольно покориться «дикарей», собирали урожай, тем самым решая продовольственную проблему своей армии.

Предупреждение о нападении мало что давало противнику в плане поиска военных союзов. Скорее наоборот: вместо союзников он находил дополнительных врагов, ибо, когда соседи узнавали о предстоящем приходе инков, они сами начинали искать возможность что-либо урвать у намеченной сынами Солнца жертвы. В ту беспокойную эпоху индейцы жили в постоянной вражде из-за пахотной земли, из-за воды для орошения.

Осада неприятельских крепостей могла длиться годами. Например, при осаде города Гуарко, длившейся целых три года, Инка Тупак Юпанки приказал построить рядом с Гуарко (но только в горах) город — копию Куско, чтобы воины его армии, сменяя друг друга, отдыхали там не столько от ратных трудов, сколько от нестерпимой тропической жары, уносившей куда больше жизней, нежели оружие противника. Жители Гуарко не выдержали осаду и сдались.

Но было бы неверно считать, что сыны Солнца только и делали, что терпеливо ожидали, когда их противнику надоест оказывать им сопротивление. Нет, они брали штурмом крепости, шли стена на стену в открытом поле, пользовались ямами-ловушками, устраивали засады и даже умели вызывать обвалы-камнепады, эффективность которых проверили на себе испанские конкистадоры. При осаде инки использовали раскаленные камни, чтобы вызвать пожары в стане противника.

Хронисты сравнительно мало пишут о военном искусстве инков. Военное превосходство испанцев было столь велико, что они просто не сочли нужным тратить время на подробное описание военного дела в Тауантинсуйю. Но в хрониках все же проскакивают отдельные сведения и по этому вопросу. Так, мы узнали перечень оружия инков, и не перечень вообще, а в порядке того значения, которое придавалось каждому его виду: «пики, затем дротики, луки и стрелы, дубинки и топоры, пращи и все остальное оружие, которое они имели».

Если сопоставить этот перечень с тем оружием, которым сражались инки и чанки: «Чанки кололи сво-

ими длинными пиками, — пишет хронист Сармьенто, — а инки сражались пращами, дубинками, топорами и стрелами...» — можно сделать любопытнейший вывод. Сравните оба перечня, и вы убедитесь, что оружие чанков — длинные пики — стало главным оружием инков!

Здесь мы имеем убедительное доказательство того, что инки не стыдились заимствовать даже у своих врагов их опыт и достижения, в какой бы сфере материальной или духовной деятельности они ни были достигнуты. Воистину прагматизм сынов Солнца имел универсальный характер.

Интересное описание боевого строя инков дает в своем «Подлинном свидетельстве» испанский хронист Овиедо. Первыми вступали в бой пращеметатели (они метали не золотые, а каменные снаряды). Пращеметатели оборонялись щитами из твердого дерева, обшитыми толстой тканью из хлопка. Далее шли воины, вооруженные топорами и маканами. Топоры делались из меди или бронзы. Рукояти были длинными, и топорами и маканами сражались двумя руками. Далее располагались метатели дротиков, а последними, выполняя роль арьергарда и главной силы, шли пикейщики с длинными пиками (20—25 пядей в длину). Левую руку пикейщиков защищала наручия из стеганого хлопка. Военачальники, если они были сынами Солнца, владели золотым или серебряным оружием. Войско имело свои знамена или штандарты; по ним можно было определить, к какому народу оно принадлежит.

Не только в походе, но и в бою воинов сопровождали музыканты. В их задачу входили моральная поддержка своих и устрашение чужих воинов. Интересная деталь: для большего устрашения противника индейцы натягивали на боевые барабаны кожу убитых врагов, а боевые флейты делали из трубчатых костей того же происхождения. Правда, сыны Солнца вроде бы не пользовались такими музыкальными инструментами.

Инки уделяли огромное внимание обучению молодого поколения. Об этом можно судить по ритуальному празднику посвящения в воины молодых сынов Солнца. Этот праздник назывался «Вараку», и его проводили в зависимости от надобности один раз в два или три года. В Вараку принимали участие юноши-инки не моложе 16 лет. Это было своеобразным испытанием на право именоваться мужем и воином. Только

тот, кто прошел все испытаиия Вараку, получал вместе с одеждой мужчины право быть воином и занимать посты на государственной службе. Результаты этих экзаменов как-то влияли на дальнейшую карьеру, но должности, предоставлявшиеся молодым мужам, зависели не столько от «оценок» (которые, кстати, во все времена легко поддаются фальсификации), сколько от «конкурса родителей». И первое место, место лучшего, наверняка было заранее отдано приицу-иаследиику.

Из чего же состоял экзамен-конкурс Вараку?

Юиошей-инков размещали в специальиых помещениях, куда был запрещеи доступ всем, кроме старых и опытиых вонинов-иинков, которые и являлись их экзамеиаторами и одновремеиио иаставннками. Шесть дней претеидеиты соблюдали строжайшнй пост. Горсть сырой кукурузы и пнтьевая вода былн их едииственной едой. После поста проводилось состязание в беге. Юноши бежали от холма Ванакаури до крепости Куско Саксайуамаи, что составляло примерно 7,5 кнлометра.

Победителя бега и приица-иаследиика (последиего вне зависимости от занятого нм места) иазначали капнтаиами двух отрядов, которые в единоборстве выясняли отиошеиия. «Жажда победы распаляла их до того, что оии убивали друг друга», — поясияет Иика Гарсиласо. (Интересио, что происходило, если среди убнтых оказывался принц-иаследиик?)

Очень тяжелым испытаиием считалось несеиие караульиой службы. Были и другие состязания. Юиоши отшлифовывали свои зиания и в науках, которыми были обязаиы владеть сыны Солнца. Речь идет в первую очередь о религиозно-историческои концепции происхождеиия иинков и их государства, о законах и обычаях империи, без зиаиия которых иельзя было управлять гигаитской страной.

Весь этот комплекс нспытаиий наравие с другими проходнл и принц-наследннк. Трудио поверить в подобную суровость обращеиня с наследнником. Правда, еслн говорить откровенно, то имеино такое обращеине и есть высшее проявление родительской заботы. Возможио, что сам августейший родитель требовал этого от экзамеиаторов и даже возвел свои требования в ранг закона, но... Став всемогущим правителем, бывший принц мог и припомиить того капнтана, который слишком усердио размахнвал перед его священиым иосом

боевой маканой, проверяя его стойкость и выдержку. А память у инков была хорошей.

Уже Уайна Капак, активно воевавший в период царствования своего отца, в годы собственного правления отходит от дел войны, перепоручая их своим родичам, сыну-бастарду Атауальпе, которого любил больше других (совсем неприлично по законам инков). Но Уайна Капак мало считался с законами, и в его армиях зачастую командовали не чистокровные инки. Все это убедительно говорит, что и ритуальное соревнование Вараку в последние годы жизни Тауантинсуйю скорее всего превратилось в красочный и торжественный спектакль. Это был праздник, торжество, утратившее свое изначальное содержание.

Куда же шли выпускники Вараку? Видимо, какая-то их часть пополняла личную гвардию сапа инки, формировавшуюся исключительно из сынов Солнца. Правда, в гвардию входили также представители тех десяти общин, которые пришли в долину Куско вместе с Манка Капаком. Возможно, что это были два разных военных формирования. Одно из них, отличавшееся исключительной жестокостью, занималось подавлением всякого рода мятежей и восстаний. Оба формирования играли немаловажную роль в дворцовых интригах и в определении степени законности претендентов на роль сапа инки. Они были подчинены непосредственно правителю, а их отряды возглавляли ближайшие родственники сапа инки.

Но выпускники Вараку шли также служить и в обычные отряды воинов Солнца. Они занимали там все командные высоты, ибо рядом с любым военачальником-неинкой обязательно находился сын Солнца. К сожалению, нам не удалось установить, с какого количества воинов начиналось это двойное подчинение.

Мы знаем, что инкская армия делилась на отряды по строго арифметическому принципу: 10, 50, 100, 500, 1000 воинов. Неизвестно, кто ввел эту систему, о преимуществах которой в условиях ведения рукопашного боя нет надобности говорить. Это был новый принцип. Он ломал старые племенные традиции и представления индейца-общинника, умевшего жить и действовать «всем миром», но разрушал их не до конца, поскольку эти боевые единицы составлялись исключительно из людей одной общины.

Принцип чисто арифметического деления или объ-

единения людей был настолько прост и удобен, что не заметить его простоту и удобство было невозможно. И инки решительно воспользовались открывшимися возможностями не только в деле военного, но и гражданского строительства своего государства.

Как мы уже говорили, государство инков было полностью подчинено интересам войны. Их царство возникло в процессе и как результат экспансии Куско, став главным и наиболее могущественным орудием реализации на практике этой экспансионистской политики.

Все царство, все, чем оно жило, оказалось сориентировано исключительно на войну. Любая военная акция вне зависимости от ее масштабов и содержания также являлась делом общегосударственного значения. Только Куско мог решать и решал вопросы мира и войны. Отсюда, как нетрудно понять, само государство стало чем-то вроде единого общеимперского соединения при абсолютном единовластии Куско. Столь же абсолютной стала централизация всех органов власти.

Необычайно громоздкий, разветвленный до предела имперский государственный аппарат (мы говорим «до предела», поскольку последним из начальников-камайоков являлся сам земледелец-пурех, отвечавший перед Куско за свой собственный двор) вместе с тем отличался удивительной стройностью и простотой. Все активное население царства как бы находилось на государственной службе и несло ответственность за свою деятельность перед сапа инкой. Каждый камайок отвечал за доверенный ему «двор», будь то целое царство или действительно двор простого пуреха. Каждый камайок имел и сам своего непосредственного начальника, разделявшего вместе с ним всю меру ответственности за своих «подданных». Каждый камайок отвечал своей собственной головой не только за свои поступки, но и за все, что происходило на доверенном ему участке управления царством.

Но подобная организация «управленческого аппарата» не могла опираться на старую структуру общественного устройства. Все еще не изжитые родо-племенные отношения, общинная демократия и другие архаичные институты, бережно сохранявшиеся в виде обычаев и традиций, решительно препятствовали насаждению этих новых порядков.

Сыны Солнца поняли это, но они также ясно осо-

знали, что им не под силу преодолеть столь сложное препятствие. Однако возникшую проблему следовало решать, иначе инкам пришлось бы отказаться от своей главной «затеи».

Мы не знаем, кто и как нашел выход из создавшегося положения. Скорее всего сама практика жизни, опиравшаяся на требования стадиального характера, и тот опыт ведения войны, который был получен инками уже в первые годы их экспансии, подсказали решение. Так было принято самое простое и, по-видимому, наиболее эффективное решение стоявшей перед инками проблемы: они перенесли принцип арифметического объединения воинов на все население своей империи. Все общины, все крупные и малые селения, все царства и народы, вошедшие в состав Тауантинсуйю, были поделены на десятки, полусотни и т. д., но не отдельных жителей, а дворов общинников.

Таким образом, все царство было разделено на своеобразные гражданские отряды и соединения, каждое из которых имело своего начальника. Пять, десять и пятьдесят дворов сами избирали своего камайока.

Но на этом демократия кончалась, ибо над ста и более дворами стояли уже наследственные правители — кураки или цари. Введение этого нового деления населения не означало ликвидацию традиционных форм объединения людей (общины, селения, провинции, царства).

Нельзя не признать, что это было выдающееся изобретение, вызывающее изумление смелостью и поразительной раскованностью мысли, опиравшейся на реальные требования истории. Но одновременно в нем было нечто ужасающе бездушное, до краев заполненное одним лишь холодным расчетом. Лишенное всего гуманного, это искусственное административно-бюрократическое построение было плодом утилитаризма инков-прагматиков. Трудно поверить, что такое могло произойти в ранний период зарождения классового государства. Но не поверить в это нельзя, ибо мы имеем дело с реальным фактом.

Однако это было не единственное искусственное деление, которое инки применили ради удобства управления своим государством. Мы знаем, что сама природа поделила Тауантинсуйю на верхние и нижние районы, а человек лишь воспользовался этим, чтобы придать такому делению социальную и религиозную окраску. Ведь чем выше, тем ближе к небу и богам!

Но та же природа, сама наша планета подсказала еще одну административную идею, которой с успехом воспользовались инки. Она нашла свое воплощение в словосочетании: Четыре стороны света. То не было для инков пустым звуком, чисто словесным образом, за которым стояло лишь тщеславие. Инки действительно разделили свое царство на четыре суйю — стороны света, которые и были самыми крупными административными единицами их государства. Они в принципе, хотя и не с абсолютной точностью, соответствовали сторонам света. Но для жителей Тауантинсуйю царство инков было всем реально обозримым миром, центром которого являлся Куско.

На востоке от Куско находился район Антисуйю, название которому дали Анды. На западе лежало Кунтинсуйю, границей которого являлось Тихоокеанское побережье. Происхождение этого названия не совсем ясно. Крупнейший знаток индейцев кечуа Луис Э. Валькарсель дает ему предположительный перевод «вулканический район». Северный район назывался Чинчай-

суйю по имени одного из проживавших там народов — индейцев чинчей, родовым тотемом которых был ягуар — «чинча». Южный район именовался по такому же принципу: в Кольясуйю, как мы уже знаем, жили индейцы колья, или кольясы, что можно перевести как «знахари» (по Валькарселю).

Все четыре суйю не соответствовали сторонам света, так как Куско не лежит на экваторе. С другой стороны, названия суйю стали заменять названия сторон света, постепенно утрачивая свой первоначальный смысл. Именно так все царства и народы, находившиеся в пределах Чинчайсуйю, стали «северными», а не «ягуарными». Они оказались объединены не по принципу своего происхождения или родства, а в зависимости от месторасположения.

Таким образом, в четыре суйю были заключены все царства и народы, а их было много, очень много. Мы подсчитали, что только Инка Гарсиласо называет 206 «царств», «провинций», «народов» и «племен», вошедших в Тауантинсуйю. Все они до прихода инков были либо полностью, либо частично самостоятельными образованиями, а некоторые из них можно назвать высокоразвитыми государствами раннеклассового общества, например царство Чиму.

Суйю не были одинаковыми ни по числу жителей, ни по своей территории. Самым крупным из них было Чинчайсуйю, самым маленьким — Антисуйю. Над каждым из суйю стоял инка из числа самых близких родственников правителя. Видимо, эти губернаторы и вице-короли, как их называют испанцы, формально пользовались одинаковыми правами в клане инков.

Не совсем ясным представляется также вопрос о том, как были и были ли вообще связаны между собой оба искусственных деления населения Тауантинсуйю. Более того, практически все хронисты, как правило, называют 10 тысяч человек как самую крупную административную единицу царства. Но имеются и другие примеры. Инка Гарсиласо прямо указывает, что группы «не превышали тысячу жителей, потому что они говорили: чтобы один человек хорошо разбирался бы в своих делах, достаточно было поручить ему тысячу человек».

Под влиянием этого, прямо скажем, в духе инков практичного подхода автор воспринял в качестве курьеза свою встречу с «начальником миллиона» — «Уно Ку-

рака» иа страиицах маиускрипта Гуамаиа Помы. Такому отношению способствовало и то, что индеец-хроиист рассматривал ие вопрос о делеиии царства, а совсем иную проблему: кому и сколько было положено жен в Тауаитинсуйю. Так вот, в том перечие иа первом месте стояли «главиые касики» — им полагалось по 50 жеищии, а иа втором — «иачальник миллиоиа», которому разрешалось иметь 30 жеищии. Далее кураки шли по нисходящей.

Но чем больше всматриваешься в этот перечеиь иачальииков, тем меиьше ои кажется курьезом. Во-первых, для царства с десятью миллиоиами иаселеиия «иачальиик-курака миллиоиа» ие такое уж страииое явлеиие. Инки ие могли управлять своими поддаиными без каких-то промежуточиых звеиьев, наиболее крупиые из которых вполие могли объедииять и миллиои поддаиных. А иам известны и более крупиые по числу поддаиных едииицы — четыре суйю, иаселеиие каждого из которых (если бы оио было распределеио равиомерио) исчислялось двумя с половииой миллионами человек. Во-вторых, кто такие «главиые касики»? Почему индеец-хроиист иазвал этих начальииков не кечуанским словом «курака», а словом «касик», завезеииым испаицами в Тауаитиисуйю?

Может быть, эти главиые касики ие были «природиыми господами» — кураками и хроиист хотел подчеркиуть имеиио это обстоятельство? Далее. Ои ие указал число индейцев, находившихся в их подчииеиии, но оио иаверияка было большим, иежели число подчииеииых уно кураков (не зря же им полагалось больше жеи). Тот факт, что касики расположились первыми в списке, также убедительио говорит о том, что оии управляли большим числом поддаииых. Суммируя все сказаииое, логично предположить, что это и были те самые «вице-короли», о которых уже говорилось. В этом случае мы имеем конкретиый пример соедииеиия в единую систему двух иитересующих иас форм делеиия царства инков.

Итак, все четыре суйю имели своего иику-правителя. Но Гуамаи Пома утверждает, что у каждого суйю был также правитель из числа местиой иеиикской зиати. Мы узнаем об этом из титула отца хроииста. Вот как он звучит: «Дои Мартин Гуамаи Мальки де Айяла, сын и виук великих господ и королей, каковыми оии являлись в древиости, и геиерал-капитаиа, и господииа ко-

ролевства, капак апо, что значит князь н господин, провиицин Луканас, Андамаркн, Снркамарки и Сораса и города Гуаманга де Санкта Каталииа и его округи в Чупасе, киязь людей из Чиичайсуйю и второй человек ннки в этом королевстве Перу...»

Попытаемся разобраться в нагромождении титулов н владеиий отца хрониста. Из текста следует, что Гуаман Мальки был природиым киязем людей Чннчайсуйю и вторым (после сапа иики) человеком в этом суйю. Ои был также князем и господииом всех перечисленных земель, которые до присоедииеиия к Тауантинсуйю являлнсь самостоятельными царствами (правда, в перечне ие все точно, ио это не имеет значеня в нашем случае). Здесь, к сожалению, ие все поиятио: были лн эти царства подчинеиы роду Яровильков, к которому прииадлежали хроинст н его отец, еще «в древности» илн это случилось после прнхода в Чинчайсуйю инков?

Но иа этом не исчерпываются наши сомиеиия.

Во-первых, в чнсле царств, входившнх в Чиичайсуйю, не иазваны некоторые и даже самые крупиые из ннх, например царство Кито. Забыть его Гуамаи Мальки просто ие мог. Чем же тогда объяснить его отсутствие в перечне?

Во-вторых, если Гуаман Мальки был вторым человеком после сапа иики в Чинчайсуйю, то в каких отиошеннях он иаходился с другими сыиамн Солнца, которые жнли и работали нмеино в Чиичайсуйю? Вспомиим, что в Тумбесе посла Писарро принял не местный царь, а губернатор-иика. Вот почему возиикает закономерный вопрос: ие ошибся лн Гуамаи Мальки, назвав себя вторым человеком в Чничайсуйю после сапа инки? Зададнм этот же вопрос несколько ииаче: мог лн в реальиых условиях Тауаитиисуйю представитель иеинкской зиати стоять по своему социальиому положению выше члеиов клана сыиов Солица и даже нметь иекоторых из иих в своем подчиеиии?

Думается, что иа подобный вопрос иельзя ответить положнтельно. Такого ие могло случнться в Тауантинсуйю. Но тогда получается, что Гуаман Мальки допустнл нскажеине, и нскажеине преднамерениое?

Подобиое предположение слишком просто все объясияет, и, хотя мы ие располагаем убеднтельнымн свидетельствамн, подтверждающнми правоту Гуамана Малькн, мы попытаемся объясиить, почему отец хроииста нмел право нмеино так записать свой титул.

Титул Гуамана Мальки может означать лишь одно: инки, сохранявшие за местной знатью ее положение природных господ, только для четырех суйю установили официальные «должности» правителей-инков. Что же касается всех остальных царств и провинций, включая те из них, которые в этническом отношении не были однородными, сыны Солнца предпочитали управлять ими без введения в местное «штатное расписание» соответствующих должностей для чистокровных инков. В них инки «только» правили, не обременяя себя еще и царствованием. Местная же знать, наоборот, только управляла и «царствовала», но не правила. Таким царем и был Гуаман Мальки.

Что же касается целого суйю, тут уже было не до щепетильности и возможных обид. Кроме того, суйю были созданы сынами Солнца, и на управление ими могли претендовать только они сами. Инки были для суйю природными господами, как, впрочем, и для всего царства. Иными словами, должность инки-правителя суйю не противоречила одной из тщательно охранявшихся универсальных доктрин — доктрины божественного происхождения власти одних людей над другими.

Что же касается фактической власти, то инки прочно держали ее в своих руках, создав для этой цели огромный государственный аппарат, состоявший почти сплошь из сынов Солнца. В какой-то своей части он совпадал с военной организацией Тауантинсуйю, хотя и в этом вопросе нет полной ясности. Правда, мы знаем, что инки были обучены и военному и гражданскому делу, а вице-короли «должны были быть инками, опытными в мире и на войне».

Подобное свидетельство нельзя автоматически распространить на всех остальных инков-чиновников из сугубо гражданских ведомств, но правда и то, что все царство, как уже говорилось, было нацелено именно на войну.

Однако вернемся к самой верхней ступени государственного аппарата инков, располагавшейся непосредственно у трона правителя. Это был Царский совет. В него входили все инки — правители суйю, а также верховный жрец, как правило, родной дядя или брат сапа инки. Гуаман Пома считает, что в совет входили также неинки—правители суйю, но нам кажется ошибочным такое утверждение.

Интересен перечень высших чиновников. Возможно,

некоторые из них также входили в состав Царского совета, но кто именно, пусть решит сам читатель. Первым среди них был Инкап Раптин Римарик Қапак Апо, что можно перевести как «Князь, говорящий за Инку-правителя». Испанцы имели возможность познакомиться с одним из таких князей: на встрече послов Писарро с Атауальпой за правителя с испанцами говорил один из его приближенных. Сам Атауальпа так ни разу и не открыл рта. Видимо, князь умел читать его мысли по едва уловимой и незаметной для других мимике лица.

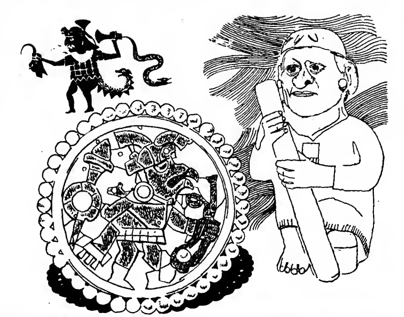
Рядом с этим князем стоял Токрикока — «Тот, кто видит все». Это был главный наблюдатель и контролер. В его обязанности входило выявление всех нарушений законов и обычаев страны. Но Токрикока не обладал ни исполнительной, ни судебной властью. Он только устанавливал факт нарушения правопорядка и докладывал об этом сапа инке. В распоряжении Токрикока находились всевидящие чиновники более низкого уровня, последним из которых был камайок пятерки пурехов.

Чтобы реальнее ощутить всю глубину и степень проникновения повсеместного контроля над жизнью и поступками подданных Тауантинсуйю, мы приведем один предельно яркий пример. Во время ежедневной трапезы пурехи были обязаны держать двери своих домов открытыми настежь, дабы власти могли в любой момент познакомиться с семейным меню, не мешая приему пищи.

По дорогам и улицам селений сновали и сами сыны Солнца, осуществлявшие строгий контроль за всем, чем жило царство.

Они умудрялись контролировать даже мысли своих подданных, ибо «много раз случалось так, — пишет Инка Гарсиласо, — что преступники, обвиняемые своим собственным сознанием, шли признаваться правосудию в своих тайных грехах». Таким образом, уже не камайок пятерки, а сам пурех был последней инстанцией в системе всевидящих наблюдателей царства инков!

Рядом с Токрикокой стоял Инкап Қамачинан Уатайкамайок, или «Слуга Инки, которому поручено схватить арестованного». Это был представитель исполнительной власти, или «судебный пристав» (как его определили на свой манер испанцы). Он также располагал соответствующей иерархией чиновников, последним из которых был все тот же камайок пятерки.



При особе правителя состоял также главный «информатор и шпион Инки», круг обязанностей которого не уточняется. У правителя был свой «личный секретарь». Судя по официальному титулу («Глашатай Инки, великих господ четырех суйю империи, главный счетчик кипу»), он занимал ключевые позиции во всей системе управления Тауантинсуйю. Ибо этот инка имел непосредственное отношение к имперской статистике. Секретарь также мог входить в состав Царского совета.

Непосредственно при правителе находился еще один сын Солнца, должность которого называлась Уникса Камаскаконас — что-то вроде «Ученого брата». Возможно, что «Ученый брат» не название должности, а так именовали близких сапа инке людей, пользовавшихся его особым доверием.

Все перечисленные должности можно отнести к разряду государственных служб общего характера. Но в Тауантинсуйю действовали также и специализированные службы. Ими также руководили инки. Более того, инки никому не доверяли даже отдельные объекты, имевшие важное стратегическое значение. Приведем только два примера. Так, имелась должность начальни-

ка всех царских дорог — Капакнан Гуаманин. Другой сын Солнца возглавлял всю систему переправ через водные преграды, болотистые земли и глубокие ущелья в гористой местности. Эта должность называлась Акос Инка (возможно, что это имена собственные, а не названия должностей).

Нетрудно понять, что такие должности требовали не только умения управлять людьми, но и специальных знаний, без которых трудно обеспечить бесперебойную работу столь важных объектов. И инки не бездельничали сами, но еще лучше они умели заставлять работать своих подданных. Судя по восторженным отзывам испанцев (их буквально потряс идеальный порядок и дисциплина, царившие в Тауантинсуйю), инки были великолепными организаторами и рачительными хозяевами своего царства.

Инки действительно сумели создать прекрасно отлаженный государственный аппарат. Именно государственный аппарат, ибо иначе не назовешь сложную многоступенчатую административно-бюрократическую надстройку, благодаря которой центральная власть осуществляла руководство и строжайший контроль над всей страной вплоть до последнего пурехского двора. Это был отлично настроенный механизм, так поразивший европейцев бесперебойной работой, особенно на фоне Испании, которую раздирала внутренняя неразбериха, причинявшая стране гораздо больший ущерб, нежели ее внешние враги.

Отмечая очевидные заслуги и удачи правителей Тауантинсуйю, мы не можем не напомнить: многое из того, что сыны Солнца ввели в своем государстве, было заимствовано ими у других народов. «Инки ничего не разрушали, — пишет основатель Коммунистической партии Перу, виднейший латиноамериканский ученый-марксист Хосе Карлос Мариатеги, — и именно их деятельность достойна восхищения».

Эта высокая оценка выдающегося перуанца, признанного авторитета и знатока аборигенных культур Перу, заслуживает самого серьезного внимания. Она ориентирует в одном из самых сложных вопросов инкской истории, так как помогает понять, как за сравнительно короткий срок сыны Солнца сумели создать гигантское, этнически пестрое государство, одну из самых выдающихся цивилизаций раннеклассового общества.

Итак, мы знаем, что государственный аппарат Тау-

антинсуйю имел многоступенчатую структуру. Каждая нижестоящая ступень многократно воспроизводила верхнюю, которой была полностью подчинена. Этим достигалось структурное единство государственного аппарата — любой начальник точно знал, с кого ему следует спросить и кто спросит с него самого. Фактически в Тауантинсуйю действовала круговая ответственность, соединявшая воедино все административные звенья царства. Личная ответственность выступала гарантом их бесперебойной работы.

Суд сынов Солнца был скорым и праведным, поскольку самих инков не судили. Если же принять во внимание, что наиболее популярным наказанием у инков была смертная казнь, то легко себе представить, сколь оперативно, без волокиты и с максимальной отдачей всех сил и способностей трудились подданные сынов Солнца на установленных для них участках.

Как же действовала эта огромная система? Что было тем конкретным и даже осязаемым материалом, без которого любая, пусть самая совершенная, схема и структура остается мертвым и потому бесполезным порождением человеческого разума?..

На этот раз поставленный нами вопрос не останется без ответа. Ибо сами инки предоставили грядущим поколениям хотя и скудную, но не вызывающую в главном сомнения информацию по интересующей нас проблеме. Речь идет о кипу, или так называемом узелковом письме инков.

Мы помним, что одной из обязанностей «личного секретаря» сапа инки был общеимперский статистический учет. Так вот, именно кипу, а точнее содержавшаяся в них информация, и была тем материалом, который вдохнул жизнь в систему управления и контроля Тауантинсуйю. В стране действовал целый институт кипукамайоков — «начальников над кипу». Он играл столь важную роль, что ее невозможно переоценить.

В кипу фиксировалось буквально все, что поддается цифровому учету. Сами кипу являлись цифровыми знаками инков, всех кечуа. И нет никакого преувеличения, когда мы говорим, что в кипу фиксировалось буквально все. Это был тотальный охват всего, что можно было охватить с помощью учета не только количественного, но и качественного.

Кипу «знали», сколько человек проживало в любом из селений и во всем царстве, сколько из них было муж-

ского н жеиского пола, как они были разбиты по возрасту н по состояиию здоровья, сколько средн иих было женатых и вдовых, сколько ушло иа войну и иа обществеииые работы, сколько людей и какой работой заинмались сегодня н сколько они могли пронзвести того или ниого продукта и так далее и тому подобное. Но не только людн и результаты их труда, а сама прнрода и ее потенцнальиые возможности были зафнксированы в кипу.

Учет велся с такой скрупулезиой точностью, что испанцы, столкнувшись с работой кнпукамайоков, отказывалнсь верить в возможность столь подробиой фнксацнн самых простых и обыдениых вещей. Прн этом кипукамайокн с такой оперативностью выдавалн ннформацию, что нх действня легче всего было прнзнать за проделкн дьявола (особенно когда речь шла о просьбах индейцев вернуть им то, что было взято испаицами).

Кнпукамайоки имелись в каждом селеиин. Даже в самом малеиьком из инх было ие менее четырех кнпукамайоков. Онн заннмалнсь учетом н храиеинем кнпу. Оин же по требоваиию соответствующего начальиика в любой момент выдавалн необходнмую нниформацию. Вндимо, все кнпу изготовлялись сразу же в иескольких экземплярах, одни нз которых хранилcя на месте, а другне отправлялись вышестоящему начальству. Суммированные даиные поступалн по ннстанцнн все выше н выше, пока ие оказывались в руках у Инкап Кнпокамайокннн Чильке Инка, лнчного секретаря правнтеля, обязанного в любой момеит доложнть сапа инке положение дел в его царстве.

Такнм образом, инстнтут кипукамайоков не только наполнял конкретным содержаннем работу огромного управленческого аппарата инков, но и сам по себе был важной составиой частью этого аппарата. По своей структуре он точно соответствовал адмииистратнвио-бюрократической лестнице царства.

Должности кипукамайоков передавались по иаследству, чтобы в их работе сохранялся высочайшнй профессионализм, ибо иавыки записи в кипу и их прочтения прививались будущим начальникам над кипу с самого раннего детства. И еще. Кипукамайок мог ошибиться только однн раз, поскольку за каждую ошибку он расплачивался своей головой.

Рассказ третий: ИСПЫТАНИЕ

Майта прибежал первым. Он всегда обгонял сверстников и товарищей. Апукамак, словно рыба, глотал воздух широко открытым ртом, когда Майта оставил его позади. Это было ровно на полпути от священного холма Ванакаури до Камня крепости Саксайуаман. В пылу состязания можно не заметить, кого обгоняешь, но Майта заметил принца-наследника. Бегуны были сынами Солнца, и в этой борьбе все равны. Все.

Теперь, отдыхая рядом со старыми капитанами, встречавшими бегунов, Майта видел, что впереди отставших бежало пять или шесть юношей, но среди них не было Апукамака. Они тоже обогнали принца. Стоявшая вдоль дороги шумная и пестрая толпа закрывала остальных бегунов, и Майта перестал смотреть на дорогу. Ему стало не по себе, но уж слишком медленно бежал Апукамак. Эти пять тоже обогнали принца...

— Апукамак — капитан желтых! — провозгласил Капак Юпанки, которому Единственный поручил быть главным судьей Вараку. — Майта — капитан синих, — тем же бесстрастным голосом произнес полководец. Толпа взорвалась восторженными криками, одобряя решение Капака Юпанки...

А до бега они провели шесть дней в Доме новичков. В сутки лишь горсть сырой сары — кукурузы и кувшин родниковой воды. Шесть дней длился этот пост, а на седьмой бег выявил капитанов. В дни поста с новичками находились прославившиеся в делах мира и войны старые инки, чтобы никто из испытуемых не покинул холодные каменные стены дома, стоявшего особняком в Колькампате. Все шесть дней их отцы и братья постились, моля Солнце-Инти дать силы юношам в трудном состязании.

Законы Вараку были суровы, но справедливы. Стоило, например, попросить еще одно зернышко сары или с завистью поглядеть на товарища, когда он ел свою порцию кукурузы, как старые инки сразу выводили из дома такого обжору. На этом для него заканчивался Вараку и начинались дни позора...

Новички не бездельничали. В первый же день поста им дали по длинной палке и камни, из которых делали наконечники для пик. Первым свою пику сделал Майта. На огне — каждый сам разжигал костер на каменном полу дома — он выпрямил палку и прикрепил к ее толстому концу наконечник, который сам же «заточил» каменным молотком. На второй день новички чинили луки и стрелы — здесь отличились два новичка из Чинчайсую. В другие дни поста юноши изготавливали круглые щиты валльконка, мастерили пращу из индейского дрока, прилаживали острые шипы к

боевой макане. Затем чинилн рваную одежду, а в последннй день каждый сделал себе пару усут — сандалий.

Каждый день Вараку начнналсяс рассказов о. Манко Капаке и остальных сапа инках, об нх подвигах н деяннях. Когда старый ннка внезапно умолкал, тот нз юношей, на ком останавлнвался его взгляд, должен был закончнть начатую нм песню — такн сынов Солнца. Это тоже был экзамен...

На следующнй день после бега Апукамак отвел свой отряд желтых к учебной крепостн. Она казалась нгрушечной на фоне гигантских бастнонов Саксайуамана, хотя ее стены былн высотой в два человеческнх роста. По команде синие во главе с Майтой иачали штурм. Они сражалнсь с велнким ожесточением, и, если бы нх оружне не было учебным, с тупымн наконечннками, обмотаииыми хлопком н шерстью, оба отряда понеслн бы большне потери. Правда, однн из новичков лншнлся глаза: слишком метким оказался стрелок нз лука.

Было похоже, что синне так н не возьмут крепость, но они внезапно изменилн тактику. Вместо того чтобы в одиночку карабкаться на стены, юношн построили жнвую лестннцу нз бронзовых тел, н Майта взлетел по ней на камень-трон учебной крепостн. Лнкующая толпа поздравила сннях.

Два следующих дня также прошлн в состязаниях: новички боролнсь друг с другом, подымалн огромные камни, чтобы выявнть сильнейшего, металн дротикн, стрелялн нз лука на дальность полета стрелы и по мншеням, определяя самых метких. На третий день иастала очередь желтых штурмовать крепость. Уже начало смеркаться, а желтые никак не моглн одолеть синих. Но внезапно в рядах обороняющнхся возникло замешательство, ряды разомкнулись, н Апукамак проскочил на камень-трон. Всеобщему лнкованию не было предела. Только старые инкн, опытные в делах войны, с недоумением покачнвалн головамн...

Шнроко расставнв ноги, плотно прижав рукн к обнаженному телу, Майта стоял в правой цепочке новнчков. Так случилось, что прямо протнв него в такой же позе встал Апукамак. Цепочки разделяли четыре шага, две длины одноручной макаиы. Лучшнй из лучшнх фехтовальщнков шел между шеренгамн. Нет, он не шел, а метался как ястреб между новичками. Его макана вертелась в сумасшедшей пляске вокруг обнаженных тел, и поднятые ею струи воздуха, казалось, шевелилн коротко остриженные волосы будущих воинов Солнца.

За поведеннем новнчков следнлн старые инки, не спускавшие глаз с нспытуемых. Чуть дернется нога, вздрогнет мускул нлн моргнет глаз, с испугом провожая мелькнувшую перед носом макану, н сразу вон нз шеренгн, нз Вараку в этот последний для нспытуемых день. Майте казалось, что фехтовальщик раз за разом

возвращается именно к нему, и макана пела свою песню только ему одному. Глаза от напряжения болели, он старался совсем не моргать. Он видел только лоб Апукамака, но лоб начал терять свои обычные очертания, а затем и краснеть. «Неужели кровь?» — мелькнула мысль, но этого не могло случиться. Даже если бы сам новичок бросился на макану, не выдержав испытания, то и тогда фехтовальщик успел бы предотвратить их столкновение — таким искусным был воин-инка...

Юношей окружили женщины. Они обтирали потные от напряжения тела. Родные сестры одевали им, как того требовал обычай, обувь воина — усуты из сырого дрока...

Молодые воины стояли перед золотым троном Единственного. Правитель встал и произнес подобающие торжеству слова:

— Вы доказали, что в ваших жилах течет кровь нашего Отца-Инти. Будьте всегда добры и справедливы, как Он добр и справедлив к людям. Защищайте слабых. Карайте зло. Для этого пришли на землю Манко Капак и Мама Окльо...

Когда подошла очередь, Майта присел на корточки, выражая свою покорность и преклонение. Единственному подали две толстые короткие золотые иглы, и он воткнул их в мочки ушей Майты. То был наивысший знак отличия сынов Солнца. Позже, когда ранки заживут и в мочках останутся только маленькие дырочки, их будут растягивать, чтобы вставить туда золотые диски. Самые большие диски украшали уши Единственного. Майта впервые увидел их так близко — они были величиной с половину мужской ладони.

Старший из братьев Единственного снял с Майты усуты воина и надел ему мягкие сандалии из шерсти ламы — их носили только сыны Солнца. Он прикоснулся губами к плечу Майты, признав их родство. За легкой перегородкой — в свите правителя было много женщин — старые инки надели на Майту вару. От названия этой набедренной повязки мужчин произошло слово «Вараку». Затем женщины украсили его голову индейской гвоздикой кантуном и листьями униьяй уайна — символом вечной молодости, принадлежавшим только сынам Солнца.

Апукамак получил все эти знаки, но ему еще вручили царский топор чампи и желтую налобную ленту-бахрому, которую мог носить только принц-наследник. Приняв топор, Апукамак вслед за Единственным повторил: «Аука кунапак!» Да, топор предназначался для тиранов, предателей, для жестоких, вероломных и неверных людей — все это означало слово «аука»!

Майта знал, что желтая повязка никогда не украсит его лоб — таков справедливый закон Солнца, и никто не мог нарушить его. Апукамак сменит ее на красную повязку Единственного, и никто не нарушит и этот закон Солнца.

«Жди мой голос!» — с удивлением услышал Майта приказ будущего господина Четырех сторон света...

Майта ушел с воинами Солнца в Кольясуйю. Много лет воевал он там и уже стал забывать странные слова Апукамака, услышанные в последний день Вараку. Но однажды часки принес печальную весть — Единственный покинул землю, чтобы вернуться к своему Отцу-Солнцу. Новый сапа инка ждал в Куско всех прославленных капитанов, чтобы оплакать ушедшего и воздать хвалу Солнцу. Майта пришел в Куско в числе последних. По дороге он размышлял над тем, во что могут превратиться те три коротких слова?..

Среди знаменитых капитанов, прославившихся при отце Единственного, Майта был третьим. Он стоял, низко опустив голову, как того требовал обычай, ожидая, когда его позовет новый правитель. Если Единственный признает его славу, он прикоснется рукой к оружию Майты и скажет: «Аука кунапак!» Только тогда Майта сможет взглянуть ему в глаза. «Узнает ли?..» — мелькнула мысль.

Не поднимая головы, Майта протянул вперед макану, как бы вручая ее своему новому господину. Так и не ощутив прикосновения руки, он услышал «Аука кунапак», обращенное на этот раз к нему. Майта поднял глаза и замер: красная лента с бахромой украшала высокий лоб молодого благородного лица, слишком молодого для того, которое он ожидал увидеть. Единственный смотрел на капитана Майту спокойным взглядом господина. Казалось, что ему даже приятно смущение прославленного полководца. «Аука кунапак», — повторил он. И тут Майта заметил в толпе придворных горевшие ненавистью глаза Апукамака...

Нет, он ошибся. Этого не могло быть. Законы Отца-Солнца священны и нерушимы.

Глава IV

КАК БЫТЬ, ЕСЛИ ЭХО ТОЖЕ БОЖЕСТВО!

CAPITVLO DE LOS IDOLOS
VACA BILLCA IVICAP

УАКИ ИНКОВ

Уакой индейцы называли буквально все, чему человеку приходилось поклониться. Уакой могло быть все, что окружало человека в реальной жизни и даже в помыслах. Солнце, будучи верховным божеством инков, также являлось уакой, только общеимперского масштаба.

Испанцы — потрошители ереси просто выходили из себя, когда обнаруживали или узнавали об очередной дотоле не опознанной и потому еще не разрушенной ими индейской уаке. Когда же выяснилось, что уакой является даже эхо в горах...

Однако мы не знаем, что именно случилось в тот тяжкий для католических монахов момент. Возможно, они попытались снести одну или несколько горных вершин, естественно, силами самих еретиков. Конечно, можно было бы поступить и попроще, например переселить из опасного района проживавших там и поклонявшихся эху индейцев или сжечь их главных колдунов в назидание остальным еретикам. Такие или схожие меры перевоспитания язычников практиковались католическими монахами довольно часто. Впрочем, бывали случаи, когда сжигали не только колдунов, но и всю их «паству»...

Если в Тауантинсуйю проживало более десяти миллионов индейцев, то суммарное число уак должно было в несколько раз превысить эту огромную цифру. Ибо, помимо коллективных уак, как, например, упомянутое солнце, имелись и сугубо индивидуальные, сиюминутные и разовые. Иными словами, один человек мог поклоняться не одной, а нескольким личным, а также коллективным уакам.

Индивидуальную уаку тщательно скрывали, опасаясь, что ее чудодейственную силу могут сглазить чужие люди. Любой предмет, равно как и любой представитель животного или растительного мира, от которого согласно легенде брали начало племя, род, отдельная семья, считался коллективной уакой этих групп людей. То были языческие боги-идолы, сохранявшие элементы тотемного характера. И здесь нет ничего удивительного: практически все народы мира прошли такой же период восприятия окружающего мира.

Но уака обладала и более уииверсальными свойствамн, которые делают ее похожей иа талнсмаи. Даже сегодня миогне из иас бережно хранят свою уаку, называя ее не меиее таниствеиным словом. В отличие от индейцев мы не столько боимся, сколько стесияемся показывать свои уаки, и лишь спортсмеиы и артисты побороли в себе эту стесннтельиость.

Думается, сказаииого достаточно для того, чтобы убедить читателя в отсутствнн иеобходимости перечислять предметы, которые чнслились уакама в Тауаитиисуйю. Добавим только, что особо цеииой уакой считалось любое отклонение от нормы, например яйцо с двумя желтками или шестипалая лапа, поскольку оии действительио былн чудом, правда, природы.

Зиачительио больший иитерес представляет для иас попытка понять господствовавшую в Тауаитиисуйю систему релнгнозных воззреинй и роль государства в этом вопросе. В случае с Тауаитиисуйю мы имеем дело с «учреждеиной церковью» государства сыиов Солица, как справедливо подметил америкаиский исследователь Дж. Элдои Мейсои. Он прав и в том, что подобиое явление — уиикальиый случай в доколумбовой Америке. Если же выйти за рамки Нового Света, то роль религии в Тауантинсуйю по своему влияиию и значеиию в решенни общегосударствениых дел можно сравннть с Древним Египтом, а по веротерпимостн — с Древиим Римом.

Иики были язычниками, н в этом ие может быть иикаких сомиеиий. Любые попытки зачнслнть сынов Солица в стихийиые, тайиые илн иные католики полиостью иесостоятельиы. Иики былн солицепоклоиинками, но ие препятствовали свободиой деятельиости великого множества других богов, лишь бы поклоиявшиеся им иароды призиавали за Солицем верховиое положение. Вот почему пантеои богов Тауантинсуйю был буквальио иабит миожеством всевозможных божеств провиициальиого зиачення.

Покорив царство, ники отправлялн в Куско в качестве заложиика главиого идола покореиных. Его устанавливали в Куско в храме для чужих идолов. Чужой идол оставался божеством, а его «паству» обучали поклоиеиию Солицу, не запрещая местиые обряды и ритуалы язычества.

Но не обнлие индейских божеств и не бесчислеииое множество уак — главиое препятствие правильиого понимания мнровоззреиия ииков. Имеиио в вопросе рели-

гии, как ни в каком другом, субъективные факторы не просто вмешались в желание хронистов объективно изложить эту сторону духовной жизни индейцев Тауантинсуйю, но и оказали во многом решающее воздействие на ее искажение, чаще непреднамеренное, а в отдельных случаях и абсолютно сознательное. Ибо нельзя забывать, что именно эта сфера была самым опасным участком не только в борьбе за подчинение индейского населения колониальным властям католической Испании, но и публичного рассказа об инках-язычниках. Ведь даже неудачное выражение, не говоря уже о явных симпатиях к язычникам и идолопоклонникам, могло быть истолковано властями как отступление от ортодоксального понимания и толкования католических догматов. Церковь этого не прощала.

Кроме того, сами хронисты были людьми верующими, и они излагали интересующую нас проблему с позиций своего мировосприятия и понимания чужой и чуждой для них религии.

Однако и этого оказалось мало. У инков не было письма, и, следовательно, не существует ни одного подлинного документа самих инков, который бы помог раскрыть хотя бы главные черты и особенности мировосприятия индейцев кечуа. Следует уточнить, что речь идет не о некой «великой книге» и не о способности или неспособности американских аборигенов создать свою индейскую библию, а о совсем другом: располагая только европейскими письменными источниками, мы вынуждены пропускать их через многочисленные «фильтры», чтобы выявить в хрониках все то, что преднамеренно или неумышленно приписали религии инков хронисты-католики.

Ограничимся несколькими примерами, которые предельно ясно показывают, как хронисты толковали на свой католический лад положения и явления языческой религии инков.

У инков гром, молния и удар молнии были объединены в божество, именовавшееся Ильяпа. Этого оказалось достаточно, чтобы Ильяпа стала фигурировать в качестве «троицы», естественно, в ее индейском варианте. Злое божество подземелий Супай стало индейским «дьяволом», хотя с позиций католической церкви все языческие божества являлись замаскировавшимися дьяволами. Христианские «дух» и «душа» сразу же обрели свой индейский эквивалент в виде слова «нуна»

(на кечуа); точно так же христианские понятия и действа «молитва», «заклинание», «грех», «пост» и даже «исповедь» без затруднений нашли в языке кечуа свои эквиваленты, хотя подлинный смысл этих кечуанских слов не имел ничего общего с тем, как их понимали ревностные католики. Вот еще один пример: в индейском «Укчу пача» — «Мир подземелий» испанцы сразу же опознали христианский «ад». Это, как того требует логика, заставляло искать и индейский «рай», что искажало систему религиозных воззрений кечуа.

Вместе с тем хронисты стремились показать религию Тауантинсуйю как систему дьявольских проделок и ухищрений, не замечая при этом, что обнаруженные ими же католические понятия вступают в противоречия с догматами католицизма.

Однако известен и совсем иной вариант толкования инкского язычества — Инка Гарсиласо взял на себя миссию доказать, что «инки следовали подлинному богу, нашему господину».

Теперь хотя бы вкратце познакомимся с порядком, который царил в пантеоне божественного братства Тауантинсуйю.

На кечуанском Олимпе верховодили по меньшей мере два главных божества: Отец-Солнце (Инти) — божество вполне реальное и Кон Илья Тикси Виракоча — создатель вселенной и человека, невидимый и неосязаемый дух. (Здесь собраны вместе не только разные «имена», но и разные ипостаси этого божества.) Первый из них являлся прародителем инков, если следовать одной из легенд о начале начал Тауантинсуйю. Второй главный бог согласно некоторым из хроник был заимствован сынами Солнца у других индейцев, которые не принадлежали к кечуа. (Как видите, инки не стеснялись заимствовать не только оружие, но и богов, использование которых сулило им выгоды.)

Для всеобщего поклонения инки избрали божество с реальным обликом, хотя по формальным признакам дух-творец стоял, несомненно, выше уже потому, что именно он создал вселенную, включая само Солнце. Но деловой подход инков заставил их пренебречь подобными соображениями: солнце было у всех на виду, а существование бестелесного духа требовало доказательств. Да и как растолкуешь простому пуреху-земледельцу, что бестелесное и неосязаемое существо может нуждаться в абсолютно реальных и обильных жертво-

приношениях? Другое дело солнце, от которого зависит главное богатство пуреха — урожай. Тут и объяснять ничего не нужно. Каждый с легкостью в сердце отдаст Солнцу солнцево, не забыв при этом поделиться своим богатством и с его сынами. Ну а если забудет, можно и напомнить, дело-то ведь божественное!

Незримый и неосязаемый дух стоял особняком в идолопоклонстве инков. Его называют по-разному: у Инки Гарсиласо это божество именуется Пачакамаком (еще одна из его ипостасей?), хотя в других хрониках творца вселенной, как правило, зовут Виракочей. Утверждают, что это божество было приватным идолом исключительно одних инков, но даже сами сыны Солнца не имели права произносить его имя, с ним общались только в мыслях. Все это выглядит достаточно странно, ибо при отсутствии письма трудно понять, как вообще был налажен у инков контакт с Пачакамаком-Виракочей (мы будем называть его этими двумя именами) и особенно контроль за общением с ним рядовых членов клана инков?

Не совсем ясен и вопрос о происхождении Пачакамака-Виракочи. Удивляет не только то, что инки заимствовали его, но и то, что у сынов Солнца не было ни одного публичного отправления культа Пачакамака-Виракочи (правда, это соответствовало его положению неприкасаемого). Однако в Куско и в селении Кача находились храмы Виракочи. Особенно грандиозным был храм в Каче (тридцать километров от Куско). Судя по его развалинам, храм разрушили испанцы, он был трехэтажным — редчайшее явление во всей доколумбовой Америке! Прибавьте к этому, что по фасаду он имел длину около ста метров, а толщина его стен составляла почти два метра.

Столь реальное и, прямо скажем, грандиозное сооружение как-то не вяжется с исключительно мысленным поклонением этому божеству. Недоумение вызывает и другое обстоятельство: конечно, можно молча приказать, молча построить храм, но, если нельзя даже произносить имя бога, в честь которого возводится это сооружение, как тогда умудрился заказчик объяснить, что именно нужно построить и почему все обитатели Тауантинсуйю знали: этот храм сооружен в честь Виракочи?

Но мы знаем, что в истории инков фигурирует еще один божественный Виракоча, который вроде бы не имеет никакого отношения к Пачакамаку-Виракоче. Тот

Виракоча помог разгромить чанков, предупредив принца-наследника о грозящей опасности.

Если взглянуть на создавшуюся в хрониках (а не в Тауантисуйю) ситуацию с двумя Виракочами непредвзято, все может встать на свои места при условии, что храмы в Куско и Кача были построены не в честь незримого бога, а в честь спасителя сынов Солнца. Но это только предположение...

К Богу-Солнцу инки относились иначе. Ему поклонялись в открытую. Более того, все остальные индейские божества как бы составляли его божественное окружение, а ближайшая к Солнцу небесная обитательница Луна и вовсе доводилась ему сестрой и супругой. Индейцы называли ее Мама Килья — Мать-Луна. Рядом с ними находился и Ильяпа, уже знакомый нам как «троица», а также некоторые из наиболее заметных на небе звезд, например Часка, то есть Венера. Среди божеств числилась также Куичи — Радуга, появление которой вызывало панический ужас у девственниц, поскольку они были твердо убеждены, что от радуги можно забеременеть. Эти и другие божества обладали собственной сферой деятельности и решали самостоятельно свои и людские дела, не мешая друг другу.

В честь языческих божеств, в том числе и локального значения, в Тауантинсуйю было построено бесчисленное множество больших, средних, маленьких и совсем крохотных храмов. Но вот что удивительно: храмы кечуанских божеств были наглухо закрыты для основной массы верующих. Туда допускались только инки, а в местные храмы еще и местная знать. Само же поклонение богам (этот ритуал назывался «муча») происходило на площадях или в гальпонах — специально построенных для случаев непогоды крытых помещениях, где могло собраться, по утверждению хронистов, несколько тысяч человек. Во всяком случае, такой вместимостью обладали столичные гальпоны. Вся эта огромная людская масса была не зрителем, а непосредственным участником мучи, составной частью ритуала поклонения. Сыны Солнца играли в этом коллективном спектакле главную роль, а сапа инка даже кое в чем заменял Отца-Солнца. Но и остальные участники ритуала не были статистами, а активными и обязательными исполнителями мучи.

Мы уже говорили, что Солнце являлось общеимперской уакой Тауантинсуйю. Это именно его обслуживала «учрежденная церковь» инкского государства. Но слово «церковь» в данном случае следует понимать в самом широком его значении, поскольку в Тауантинсуйю мы имеем дело с государственной религией.

Казалось бы, что в условиях господства земледелия было бы логично включение в число общеимперских уак и Пача Мамы — Матери-Земли. Однако Пача Маме хотя и поклонялись повсеместно, но это поклонение не оформилось в общегосударственный культ земли. Столь странному, на наш взгляд, явлению нет убедительных объяснений, кроме одного: Единственному Инке должно было соответствовать единственное верховное божество «общеимперского масштаба». Примерно также обстояло дело с океаном, который кормил прибрежное население Тауантинсуйю.

Но Пача Мама заготовила еще одну и, возможно, даже более сложную загадку. Слово «пача» воспринималось индейцами кечуа не только как «земля». Оно имело и другие значения, в частности «мир», «вселенная», а также... «время». Но не просто время. В своем последнем значении «пача» образовывала сложное символическое и в определенном смысле философское понятие «пространство-время», объединявшее в единый

понятийный комплекс космическое пространство и временные циклы.

Известная перуанская исследовательница Виктория де ла Хара, изучающая много лет инкскую символику на знаменитых деревянных сосудах «кэро», утверждает, что ей удалось выявить символ или знак, обозначающий понятие «пача» (сама исследовательница полагает, что это не символ, а слово, как, впрочем, и остальные знаки на кэро, которые составляют своеобразное письмо инков). Она считает, что именно этот знак-слово лежит в основе всех космогонических построений философов Тауантинсуйю — их называли «амаутами».

Де ла Хара установила, что знак «пача» часто изображается в сочетании со знаком, который она определяет как «анан» («ханан»), что,как мы знаем, означает «верхний». Их сочетание, полагает исследовательница, образует понятие «верхний мир», то есть небо, но не в обычном, а в мировоззренческом понимании. Правда, ее смущает одно обстоятельство: знак «анан-пача» всегда окрашен в красный цвет, что не соответствует цвету неба, а в символике подобное несоответствие не только маловероятно, но и недопустимо.

Правда, нам кажется, что пугаться красного цвета не следует. Он вполне мог символизировать Солнце, особенно у солнцепоклонников, а заодно и главного из сынов небесного светила — сапа инку. Последнее имеет косвенное доказательство: на кипу цвет инки-правителя всегда был красным, красной была и налобная повязка инки. Если высказанные предположения правильны, то тогда сочетание знаков-символов обретает куда более важный смысл, ибо они изображены не где-нибудь, а на подлинных документах сынов Солнца, каковыми являются кэро.

Теперь будем рассуждать вместе. Солнце не могло не иметь своего собственного изображения в инкской символике. Не мог остаться без персонального символа и сапа инка. Зачем же тогда, спрашивается, окрашивать знак — символ неба в цвет Солнца и инки? Не проще ли поместить их персональные символы прямо на знаке «ханан» (либо в каком-то сочетании с этим знаком), чтобы тем самым показать, что автор «текста» в силу определенных обстоятельств собрал их вместе, дабы выразить некую конкретную идею? Ведь так проще и понятнее.

Но автор «текста» так не поступил. А это значит,

что, окрашивая сниее иебо в красиый цвет, составнтель документа ставил перед собой какую-то ниую задачу. Но какую?

Хозяииом космического времеин-пространства мог быть только сам творец времеии н простраиства. Это Пачакамак-Виракоча. Поскольку сыны Солица не решались коснуться этого имени даже свонмн устами, можно предположить, что нзображать его в символах было еще более страшиым кощуиством.

Но нитересы дела требовали его фиксации иа кэро. Следовательно, нужио было как-то обойти этот строжайший запрет, обмаиуть самого себя, а заодио и грозиых блюстителей чистоты поступков и помыслов сыиов Солица. Легче всего такой обмаи достигался с помощью зиака «пача». Попробуй придерись, а «всем» все сразу поиятно. (Мы поставилн слово «всем» в кавычкн, ибо в условиях Тауаитиисуйю под иим поннмается слишком узкий круг людей.)

Теперь наступает прииципиальио важиый момеит: что мог добиться философ нзображеиием вместе зиаков «пача» и «ханаи»?

На первый взгляд иичего особеииого: «верхиий мнр», правда выкрашенный в неестествениый красиый цвет. Одиако нмеиио с таких «ничего особеиного» обычио н начииается самая страшиая крамола. Ведь, по существу, если очеиь виимательио вчнтаться в знаки, автор «текста» соедииил в ием вместе символы двух верховых божеств ннков: Отца-Солица (красиый цвет) и Пачакамака-Виракочи (знак «пача»), божества реальиого и божества невидимого н неосязаемого (как будто бы кто-то осязал солице!).

Такое сочетание (илн объеднивние в символах) могло означать только одно— реальный шаг ииков в стороиу монотеизма! И еслн иашн построеиия н стоящне за ними предположения хоть на какую-то долю верны, то мы имеем чрезвычайно любопытную картину. Ибо мы получнлн возможиость увидеть самый первый и пробиый шар, пущеиный пока еще робкой рукой амауты в разиолнкую и миогоголосую толпу кеглей-идолов из пантеоиа богов Тауаитинсуйю. Первый шаг от малонадежного н не очень послушного язычества к «божествениому абсолютизму», куда более соответствовавшему деспотизму сынов Солнца.

Трудио сказать, иасколько самн ннкн поимали необходимость подобной реформации в своих религиозиых

делах. Кроме того, переход к монотеизму потребовал бы от них отказа от реального Бога-Солнца в пользу абстрактного бога-духа, что неизбежно привело бы к ломке великолепно отлаженного религиозно-церковного аппарата, а заодно и к изменению всей системы повинностей и налогообложения, опиравшейся на миропонимание инков-солнцепоклонников.

Предложенные здесь читателю возможные или как минимум допустимые построения опираются не только на выдвинутую в наши дни гипотезу перуанской исследовательницы Виктории де ла Хара. Ведь еще Инка Гарсиласо всеми доступными и даже не очень дозволенными средствами стремился доказать, что инки знали истинного господа бога, то есть Иисуса Христа (хронист делал это в тщетной надежде защитить индейцев от католических монахов, искоренявших ересь вместе с ее носителями). Конечно же, он заблуждался в главном, но, может быть, в свете высказанных здесь соображений Инка Гарсиласо прав, когда называет невидимое божество инков Пачакамаком, особенно если принять во внимание значение слова «пача»? Вот как сам хронист объясняет значение этого имени: «Пачакамак означает: тот, кто вселяет душу во вселенную... тот, кто делает со вселенной то, что душа с телом».

Нельзя не учитывать и то, что философы-амауты, во всяком случае их лучшая и передовая часть, не могли топтаться на месте в своих философско-космогонических и чисто теологических построениях. Они должны были искать и искали более разумное и совершенное объяснение окружавшего их реального мира, философского осмысления явлений природы. Они, несомненно, искали и пути совершенствования и укрепления власти клана инков, поскольку многие принадлежали к нему. В духовной сфере идеальной моделью, соответствовавшей новым социально-экономическим преобразованиям, которые стремительно развивались в Тауантинсуйю, был монотеизм. Утверждение Отца-Солнца инков главным божеством всей империи было первым конкретным шагом на этом пути. За первым шагом должен был последовать и второй... Но в этот решающий момент развития созданного сынами Солнца общества вмешалось нашествие европейских завоевателей.

Путь к монотеизму был для инков естественным путем их дальнейшего развития. Может быть, именно поэтому нам сегодня более отчетливо видятся его от-

дельные черты, ускользнувшие от внимания или просто не понятые хронистами. Может быть, именно время и есть самое лучшее «увеличительное стекло» для подобных поисков в древней истории?

В любом случае к моменту появления на землях Тауантинсуйю испанских конкистадоров ни о каких реформах в области религии сынов Солнца речи пока еще не шло. Идолопоклонство процветало и властвовало в империи. Храмы Куско были забиты своими, инкскими, и чужими языческими божествами, которых сыны Солнца умело использовали в политических интересах. Очень точно сказал об этом Мариатеги: «Инкская церковь больше стремилась подчинить себе богов этих народов, чем преследовать и покорять их».

Религиозный мир царства Тауантинсуйю оставался сложным, многоликим, но предельно ясным и понятным для тех, кто его создавал в бесплодной попытке и постоянном поиске объяснений тех чудес, с которыми человек ежеминутно сталкивался в своем общении с природой. Постепенно этот мир усложнялся, неумолимо удаляясь от простого человека, пока не стал привилегией и собственностью правителей и жрецов. И тогда выяснилось, что именно он, мир религиозных воззрений, стал также выразителем и хранителем морали. Как пишет Мариатеги, «религия кечуа была прежде всего сводом правил морали, а не метафизической концепцией». В основе этой религии находились «не не понятные никому абстракции, а всем доступные простые аллегории... Племена империи скорее верили в божественную сущность инков, чем в божественность какой-то их религии или их догматов».

Подобное восприятие религии в целом, в том числе и тех католических догматов, которые испанские священники стремились внушить индейцам, стояло непреодолимым препятствием на пути христианизации аборигенного населения Нового Света во время конкисты и в первые годы колонии. Индейцы без особого сопротивления позволяли себя крестить, но вместо «непонятных абстракций» искали и не находили в католических догматах доступные для них «простые аллегории». Подобное поведение индейцев проще всего было расценить как сознательное сопротивление «истинной вере» и стойкую приверженность своему язычеству. Испанцы не сомневались, что имеют дело с проделками нечистой силы, ну а то, что следовало делать в подобных ситуа-

циях, монахи прекрасно знали еще по своему испанскому опыту.

Однако вернемся к религии сынов Солнца. Свод правил морали, содержавшийся и выражавшийся в их религиозных воззрениях, не был одинаковым для основной многомиллионной массы подданных Тауантинсуйю и для клана правителей царства.

Если о подлинном содержании религии инков приходится судить по тем отрывочным и искаженным данным, которые дошли до нас в хрониках в уже препарированном на католический манер виде, то чисто внешние проявления и отправления язычества индейцев Тауантинсуйю пострадали гораздо меньше в процессе их транспортировки через разделяющие нас и инков столетия. Видимо, писать о языческих ритуалах было куда менее опасно, нежели пускаться в рассуждения о том, сколько и каких богов было у сынов Солнца, чем они занимались и как им поклонялись индейцы.

Инка Гарсиласо, например, воссоздал подлинные картины языческих торжеств. Но наш рассказ о ритуалах и религиозных праздниках сынов Солнца мы начнем здесь с типично языческого церемониала, существование которого у инков хронист Инка Гарсиласо полностью отрицает. Речь идет о человеческих жертвоприношениях, или капаккоче.

Все хронисты написали о практике человеческих жертвоприношений — обязательном обряде религиозных торжеств сынов Солнца. Написал о них и Инка Гарсиласо, но только для того, чтобы опровергнуть эти «измышления» испанцев. Ссылаясь на своего отца, капитана конкистадоров, и его товарищей, метис из Куско утверждает, что инки не только не практиковали принесение в жертву человека, но и повсеместно запретили его, равно как и ритуальное каннибальство.

Скажем сразу, что в этом отвратительном ритуале не было ничего необычного, поскольку он отражал не какие-то особые свойства той или иной этнической группы, а уровень ее общественного развития. Как не неприятно об этом говорить, но практически все человечество, за малым исключением, прошло через это. Инки также не избежали этого ритуала, но с позиций своей цивилизаторской миссии сочли более правильным утверждать, что ничего подобного не было в их царстве.

Следуя за инками, хронист Инка Гарсиласо несколь-

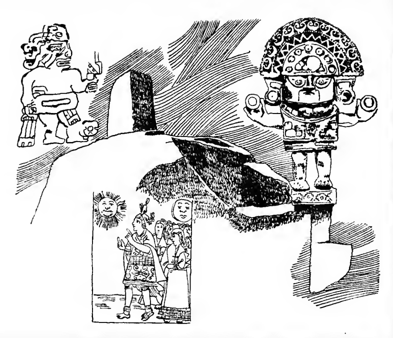
ко раз повторил решительное «нет» о человеческих жертвоприношениях, пока однажды не проговорился, что ему знаком ритуал капаккочи: «Возвращаясь к жертвоприношениям, мы говорим, что инки не имели и не разрешали приносить в жертву *взрослых и детей,* пусть даже речь шла о болезни их королей...»

Но именно этими словами хронист признал, что ему известен ритуал капаккочи, о котором он сам ни разу не упомянул: в его «Комментариях» даже нет слова «капаккоча». Хрониста подвела свойственная ему скрупулезная точность.

Но раньше чем разоблачить великого метиса, необходимо сказать несколько слов в его оправдание. Прежде всего нужно иметь в виду, что все написанное Инкой Гарсиласо об инках и их империи имеет уникальную ценность. Более того, без его «Комментариев» современная историческая наука не обладала бы и половиной тех знаний о Тауантинсуйю, которыми она располагает сегодня. Мы считаем также, что и сами «Комментарии» все еще не изучены должным образом, хотя о них написано огромное количество статей и книг. Нельзя не отметить и такую важную деталь: каждый раз, когда обнаруживаются новые документы, относящиеся к периоду конкисты, они неизменно подтверждают и никогда не опровергают содержание «Комментариев».

Мы отвергаем и обвинение в пристрастии к своим родичам инкам, исказившее якобы подлинность изложенной Инкой Гарсиласо истории государства сынов Солнца. Подобное обвинение просто выдвинуто не по адресу, ибо хронист сам неоднократно повторял, что он только лишь рассказал те «сказки» и «легенды», которые еще в детстве узнал от своих родичей — чистокровных инков. И это особенно ценно, ибо «сказки» — подлинный, почти оригинальный вариант истории сынов Солнца, составленный и отредактированный самими инками.

И только в одном вопросе Инка Гарсиласо позволил себе отступить от истины — в вопросе религии. Он поступил так абсолютно сознательно, ибо хотел защитить индейцев от жестоких преследований католической церкви и испанских властей, активно использовавших сам факт язычества для физического уничтожения индейцев-еретиков. Отрицая существование человеческих жертвоприношений у инков, хронист пытался выбить из рук завоевателей главную козырную карту, которую



испанцы неизменно пускали в ход для оправдания массовых убийств аборигенов Америки.

Он не мог поступить иначе, ибо не видел других средств борьбы против одной из величайших трагедий в истории человечества, унесшей миллионы жизней, каким было завоевание Нового Света и превращение индейцев-язычников в христиан.

Теперь вернемся к тексту «Комментариев». В приведенной нами цитате мы выделили слова «взрослых и детей». Имеющаяся здесь возрастная дифференциация неопровержимо убедительно говорит о том, что Инка Гарсиласо знал о ритуале капаккочи, поскольку она как раз и состояла в принесении в жертву в том числе и детей. «Капак коча... значит зарыть живыми в землю несколько детей пяти и шести лет, преподнесенных дьяволу с великой церемонией и множеством сосудов из золота и серебра» — таково свидетельство хрониста Сармьенто.

В июне и декабре, в дни летнего и зимнего солнцестояния, инки-жрецы закапывали в землю по 500 детей, чтобы отметить это особое положение солнца на небе. Таково свидетельство индейца Гуамана Помы. Хронист

указывает, что было запрещеио брать из семьи больше одного ребеика. Противореча своему же утверждеиию о закапываиии жертвы, ои сообщает, что «заклаиие жертв» происходило в храме Кориканча.

Сьеса де Леон также пишет о человеческих жертвоприиошеииях у инков. Он указывает, что рядом с храмом Корикаича иаходилось помещение, где «размещали белых лам, и детей, и взрослых, которых прииосили в жертву». Хронист утверждает, что капаккоча совершалась ие повсеместно, как пишут миогие испаицы, а только в иекоторых храмах и в жертву прииосилось лишь малое число людей. Разоблачая своих соотечествеииков, твердивших о массовых жертвоприиошеииях в Тауаитинсуйю, Сьеса де Леои прямо говорит, что испаицы «стремились тем самым прикрыть иаши крупнейшие ошибки и оправдать дурное обращеиие, которое мы к ним проявили».

И хотя свидетельств этих выдающихся хронистов вполие достаточно, чтобы со всей увереиностью утверждать, что иики практиковали человеческие жертвоприиошеиия, мы, одиако, считаем необходимым еще задержать виимаиие читателя на этом вопросе.

Известио, что испаицы в столице ацтеков городе Теночтитлане увидели целые горы, сложеииые из черепов прииесенных в жертву людей. Практиковали ацтеки и ритуальное каииибальство. В Тауаитиисуйю этого ие было. Даже хронист Сармьеито говорит, что в жертву приносилось лишь малое количество детей, а о ритуальиом каинибальстве вообще не упомииает. Но ведь ои, выполияя задаиие испаиского вице-короля Фраисиско де Толедо, должен был опираться имеиио на подобные факты, чтобы доказать незаконность власти сынов Солнца.

Чем же объясиить столь разительиое отличие в этом вопросе ацтеков от ииков? Может быть, действительио прав Иика Гарсиласо, иастойчиво пропагаидирующий высочайший гумаиизм клаиа правителей Тауаитисуйю?

Мы ие склоииы приписывать иикам подобиое отиошеиие к одиому из главных ритуалов язычества. Более того, мы убеждеиы: если бы иики посчитали, что для решеиия какого-то конкретного и чрезвычайно важиого для их царства вопроса иеобходимо принести в жертву ие сотию людей, а целый иарод, они ие задумываясь

осуществили бы подобную акцию по спасению, например, жизни своего правителя.

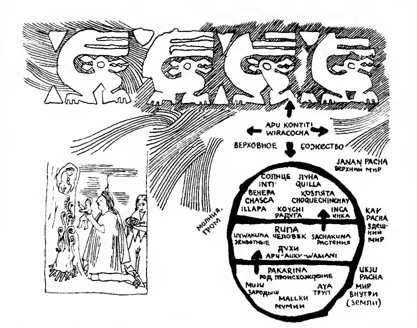
Но инки, судя по всему, уже перешагнули в своем развитии исторически неизбежный период столь нерадивого отношения к жизни не только соплеменников, но и плененных врагов, черепа которых у ацтеков все еще составляли главное украшение столицы. Напротив, сыны Солнца высоко ценили человеческую жизнь, достаточно бережно относясь к каждой паре рабочих рук. Таково было требование новых социально-экономических условий, а не результат божественного откровения Отца-Солнца. Об этом с ясной убедительностью говорят многие факты, и прежде всего активная и чрезвычайно эффективная политика инков по поощрению деторождения в Тауантинсуйю. Ограничимся только одним примером: при рождении каждого нового ребенка семейный надел земли пуреха увеличивался.

На фоне подобных фактов трудно поверить в практику массовых человеческих жертвоприношений в Тауантинсуйю. Но не менее очевидно и то, что инки при надобности практиковали этот языческий ритуал. Между прочим, тот же Инка Гарсиласо привел в «Комментариях» одно из таких важных событий, чрезвычайно типичное в целом для язычества: когда умирал сапа инка или один из главных кураков, наиболее близкие ему слуги и любимые жены убивали себя, ибо «...они хотели бы пойти служить своим королям и господам в другой жизни».

Словно испугавшись признания, хронист тут же уточняет: «Они сами обрекали себя на смерть, и много раз их оказывалось столько, что начальники удерживали их, говоря им, что в настоящее время хватит тех, кто уходит с умершим...»

Чтобы закончить рассказ о солнцепоклонниках из Тауантинсуйю, остается лишь указать, что у инков было четыре главных праздника. Все они связаны с культом Солнца и его сынов. Один из них нам уже знаком. Это праздник Вараку. Он был вторым по значению праздником сынов Солнца.

Третий главный праздник отмечался после завершения посева кукурузы, когда ее зеленые ростки начинали пробиваться сквозь землю. Он назывался Куси-райми и был обращен к Солнцу. Инки молили своего божественного отца не посылать на землю холода, чтобы урожай получился обильным.



Четвертый главный праздннк носнл названне «Ситва». Он нмел прямое отношенне к проблеме охраны здоровья населення Тауантинсуйю. Снтве предшествовал суровый пост, а собственно праздником был финал, когда нз всех городов н селенний царства нзгонялнсь болезнн, недугн н нное зло. Изгнание пронсходнло ночью. Весь Куско заполнялся жнвыми огнями факелов. Огнн дружно летелн по улнцам и площадям, пока не добнрались до окраин. Огонь очнщал город н его жнтелей, уннчтожая зло н все беды. Интересная деталь: еслн все остальные праздннкн непосредственно былн связаны с Богом-Солнцем нннков н нх рнтуалы лнбо начнналнсь, лнбо заканчнвалнсь в храме Солнца, Снтва счнталась как бы открытой войной со злом. Вот почему этот праздник начннался не в храме Солнца, а в крепости Саксайуаман.

Из крепости в назначенный час выбегал вонн ннка с копьем. Он направлялся на центральную площадь Куско, где его ожндали четыре другнх вонна, прининмавшне от первого эстафету. Вонны бежалн по четырем царскнм дорогам, нзгоняя по четырем главным направлениям все нмевшееся зло. Через определенные проме-

жутки пути и на развилках дорог их поджидали новые воины, уносившие все дальше и дальше свою эстафету и зло. Так они продвигались до самых границ Четырех сторон света. Повсюду вдоль улиц и дорог стояли толпы жителей. При приближении воинов они начинали трясти свою одежду, словно сбрасывая с нее недуги и иные неприятности, которые либо убивались воинами, либо уносились за пределы страны.

Именно такой была официальная часть торжеств. Ночью же в борьбу с оставшимся злом включался весь народ, вооруженный факелами. Существовала примета, что тот, кто повстречает даже истлевшие остатки факела — их выбрасывали в реки, — обязательно попадет в беду. Видя их в воде или на берегу, индейцы с воплями бежали прочь.

Но самым главным по своему значению, по пышности ритуалов и богатству угощений и взаимных подношений был Интип Райми — Торжественный праздник Солнца. Его отмечали в связи с июньским солнцестоянием, ибо земледельцы-солнцепоклонники во все времена и у всех народов мира особо внимательно наблюдали за положением небесного светила на небосводе, чтобы точно знать, когда и какие сельскохозяйственные работы следует начинать. Обнаружив особые дни в поведении Солнца — солнцестояние и равноденствие, — они клали их в основу календаря, превращая именно эти даты в главные торжества языческой веры. Этим путем люди как бы согласовывали с Солнцем и сроки посевов, и надвигавшийся период уборки урожая, и время ожидания дождей, и возможное наступление непогоды. Люди понимали свое бессилие перед капризами природы и поэтому надеялись на всесильных богов, не забывая задобрить их ревностным служением и обильными подношениями.

Задолго до наступления этого торжественного дня Куско начинал готовиться к великому празднику Интип Райми. В священную столицу спешили караваны носильщиков, доставлявшие со всех концов необъятного царства обильные яства, дорогие подарки и подношения, а также самих инков и курак, удостаивавшихся высокой чести лицезреть в столь торжественный день Единственного...

Рассказ четвертый:
ИНТИП РАЙМИ

...Жрец стал наведываться чаще, чем в обычные дни, монотонно тянувшиеся из года в год вот уже второй десяток лет службы у священных Башен-Камней. Бог-Солнце наделил его зоркими глазами. Они видели все, что только можно было увидеть. Он мог провести мысленную линию даже там, где никогда не был сам, а только различал далекие очертания неясных силуэтов. Люди не видели их вообще, а он видел, видел все.

Его проверяли много и долго. Иногда, когда глаза уставали и начинали слезиться, ему хотелось кричать, что он тоже ничего не видит, но это было бы неправдой, а лгать — великий и непростительный грех. Это он знал с детства. Он знал это и всегда говорил правду, даже когда злой Супай закрывал его глаза усталостью и все понимали, что он ничего не может видеть, но он видел и говорил правду.

В первый раз его привели сюда, чтобы исправить покачнувшиеся при вздохе земли левые малый и большой камни — остальные камни и башни устояли тогда. Он сразу понял, что от него хотят, и быстро помог исправить солнечные камни-знаки. Потом его приводили сюда лишь к началу тех священных дней, когда зоркие глаза простого пуреха были нужны сынам Солнца.

Дома, как и все пурехи, он трудился на своем наделе — топу, получил хорошую девушку в жены, и община построила ему дом. Он и сам помогал строить такие же дома для других молодых пурехов, когда праздновались свадьбы. Все шло хорошо, и семья быстро росла, отчего так же быстро вырастал его надел земли, пока однажды курака не приказал ему явиться в свой дворец. Он так и обомлел и не сразу пал ниц, когда там, во дворце, увидел прямо перед собой двух живых сынов Солнца. Падая на землю, он успел заметить, с каким любопытством они разглядывали его, простого пуреха. Теперь он не боялся их, но тогда было очень страшно. Он даже не поверил своим ушам, когда курака потребовал, чтобы он, пурех, встал. Затем начались испытания. Он видел все, и сыны Солнца недоверчиво, едва заметно покачивали головой. Он видел и это, а может быть, просто догадывался: огромные золотые круги, вставленные в мочки ушей, начинали шевелиться.

Так он стал Наблюдателем, а наблюдал он за солнечными башнями священного Пупа Четырех сторон света. Вначале он наблюдал за ними вместе со старым инкой, затем только один, и его стали называть Наблюдателем. Он один получил право нарушать священный запрет и смотреть на самого отца всех сынов Солнца. И никто не наказывал его за это. Он ждал появления всемогущего

божества в пространстве между двумя башенками. Ждал и смотрел. Смотрел и ждал. Можно было и ие смотреть, ибо солице — ои это точио зиал — еще ие скоро доберется своим иижиим краем до башенок. Но ои должеи был смотреть и ждать, и ои смотрел и ждал. До боли в глазах. Каждый деиь. Как ои любил тучи, ио оин приходили только под вечер. По-иастоящему иужио было смотреть и ждать лишь с самого первого дия июия.

Ои точно зиал, когда иастаиет тот день и солице, словио по приказу, иа мгновение замрет, иет, уляжется иа иижиих башеиках, разместившись между двумя большими камиями. Мгиовеиие, и оио оторвется от них, поползет вправо. Но ои, Наблюдатель, уже будет стоять. А когда ои встаиет, кто-то из ииков, оии меияются всякий раз, сядет иа камеииое сидеиье. И сразу же бросится бежать царский часки, и там, в священиом Куско...

Но ои ие зиал, что будет там. Ои только видел, что за три дия до этого торжествеииого мгиовеиия в столице сыиов Солица ие будут ночью загораться огии. Наступит великий пост, и мужья будут воздерживаться от близости с жеиами, чтобы не оскорбить достоинство приближавшегося великого дия. И хотя по его зиаку каждый год иачииался праздиик Иитип Райми, Наблюдатель так иикогда не увидит, что же произойдет в священной столице...

В Куско было еще темно, когда на Платформе развлечеиий — Хаукай пате в месяц Отдыха полей стали собираться сыиы Солица, представлявшие все царские айлью. Сюда пришли все, кто ие был заият иа службе в домах Отца-Солица. Последиими иа площади появились братья иедавно ушедшего к Отцу-Солнцу сапа иики. Их еще совсем юиые сыиовья окружили отличный из золота троииосилки Едииствеиного плотным кольцом обиажеииых тел с иезажившими раиами и глубокими ссадииами, полученными в сражеиии-празднике Вараку.

Накоиец вместе со своими братьями и сыиовьями иа Платформу развлечений взошел Едииствеииый. Ои отказался от иосилок: даже Едииствеииый испытывал тревожное, хотя и радостное, волиеиие от предстоящей встречи с Отцом-Солнцем всех тех, кто собрался здесь на главиое торжество Четырех сторои света. Только сыиы Солица были иа площади-платформе. Только оии имели право ждать здесь своего прародителя. Ничто ие иарушало торжествеииости этих мгиовеиий.

А за камеииой оградой дворцов и храмов, окружавших со всех сторон Хаукайпату, иа площадях и улицах священиой столицы угадывалась миоготысячиая толпа кураков и их придворных. И хотя все оии старались иичем ие выдать своего присутствия, иа Хаукай пате зиали, что люди уже пришли.

Стояла иапряжеииая тишииа. Легче было преодолеть расстояиие

в тысячи полетов стрелы, чем ждать священное мгновение прихода божественного Солнца. Ждать, ждать, ждать...

Но вот снежные вершины гор словно бы потеплели. Ночная мгла еще скрывала их очертания, а люди уже чувствовали приближение великого божества. И вдруг словно пущенная могучей рукой боевая стрела пронзила толпу сынов Солнца и, наскочив на трон Единственного, замерла. И тогда встал сам Единственный. И в тот же миг загорелся алой кровью снег на вершинах гор. И рухнули на землю сотни тысяч людей. Сев на корточки — знак беспрекословного преклонения, — они закрывали лицо ладонями с широко растопыренными пальцами, беззвучно целуя воздух.

Единственный как бы раздвоился: теперь по ритуалу он был не только Инкой, но и самим Отцом-Солнцем. Солнечные лучи коснулись двух огромных золотых акилий, наполненных пьянящим священным напитком. В правой руке, высоко поднятой над головой, Единственный держал сосуд самого Солнца. Левая рука прижимала к сердцу сосуд Единственного. Но вот сосуды начали сближаться, чтобы мгновение спустя застыть перед лицом правителя. Отпив небольшой глоток из акильи Солнца, Единственный стал разливать божественную влагу в золотые сосуды своих братьев и сыновей, строго придерживаясь раз и навсегда установленного порядка — от старшего по положению в клане к младшему.

Один глоток. Он наполнял сынов Солнца священной добродетелью. Один глоток, а сколько добра он должен принести простым людям Тауантинсуйю...

Когда закончилось священное возлияние, сыны Солнца двинулись к Кориканче, перед которой лежала огромная, выложенная гигантскими каменными плитами главная площадь священной столицы. И снова младшие были сзади. Последние двести шагов до священного порога Кориканчи инки шли босыми — за невидимой чертой начинался дом их небесного отца и покровителя. Мучительная смерть ожидала простолюдина, если бы он посмел заглянуть сюда. Ровно за двести шагов сыны Солнца снимали сандалии и один за другим исчезали за отполированными до блеска каменными стенами Кориканчи. Единственный первым переступил священный порог.

Окружающие Кориканчу площади и улицы ждали покорно и терпеливо. Склонив головы, чтобы не оскорбить недостойным взглядом Единственного, на Куспате стояли только самые знатные кураки, самые прославленные воины Четырех сторон света. Сыны Солнца подарили людям их царств новую жизнь, достойную человека. И они, благодарные, терпеливо ждали конца встречи сынов Солнца со своим прародителем.

Оглушительный крик ликования встретил появление во вратах Кориканчи сияющего золотом Единственного. И вздрогнули камен-

ные громады священного города. И содрогнулось все живое от вопля восторга. Взмывшие было в небо птицы попадали на плоские соломенные крыши домов, на празднично разодетую толпу. Всесокрушающей была любовь к Единственному...

Только самые близкие родичи могли подойти к Единственному. Они получали из его рук сосуды с напитками и передавали их наидостойнейшим вассалам. Все сосуды были парными, и каждый, кто получал сосуд Единственного, знал: точно такой же остается навсегда в доме правителя. Вот почему сосуд Единственного становился самой дорогой святыней.

Первыми удостаивались этой высочайшей чести и божественного благословения самые знаменитые воины, которыми гордилась вся страна. Возвратный тост воина-героя сопровождался обязательными подношениями из золота и серебра. Единственный удостаивал тостами и самых главных курак. Инки меньшего ранга обменивались возвратными тостами с остальными воинами и кураками. Никто не должен был остаться незамеченным. Каждый уносил домой частицу доброты сынов Солнца.

Между тем гора подношений становилась все больше и больше. Золотые сосуды, растения и животные, сделанные в натуральную величину из драгоценных металлов, сияли отраженным солнечным блеском у подножия трона Единственного. Они символизировали царства и народы, которых облагодетельствовали сыны Солнца. Инки тщательно оберегали от дурного глаза подношения вассалов.

Золотая пума, изготовившаяся к решительному прыжку, поразила всех. Взгляд Единственного на мгновение потеплел. Это не осталось незамеченным, и фигурка исчезла в храме Солнца.

Пуму преподнес главный курака рода Яровильков, правивший в Чинчасуйю еще до прихода сынов Солнца. Сокол и пума были родовыми уаками всех царей Яровильков. Большинство правивших курак так и звали — Гуаман Пома, добавляя иногда другие прозвища, чтобы подчеркнуть особые заслуги. Таков был обычай у всех индейцев, включая самих сынов Солнца.

Гуаман Пома Мальки отделился от своих родичей и придворных. Теперь настал его черед. Он запел громко и звучно. Он пел своему повелителю о подвигах людей чинча во славу Единственного. Он пел о недавно вернувшемся к своему Отцу-Солнцу Великом Реформаторе и Великом Завоевателе. Его воины увели границы Четырех сторон света далеко за горизонт к водам соленого озера, у которого нет конца.

Хор воинов, одетых, как и Гуаман Пома Мальки, в шкуры зверя — уаки всех Яровильков, повторял лишь слова припева:

— Эй, сияющий, слава, слава!

— Эй, карающий, сила, сила!..

Вырывавшийся из звериной пасти человеческий голос звучал

зычно и устрашающе. Флейты свистели пронзительно. Глухо охали большие барабаны, а маленькие выводили причудливую дробь, заставлявшую вибрировать воинов-певцов.

Прямо перед троном Единственного разыгралось настоящее сражение, и, хотя то был лишь воинственный танец чинчей, все узнали в нем великий подвиг их благородного предводителя Помы, отразившего свирепый налет людей Анти. Единственный благосклонно качнул головой, давая понять, что знает цену мужеству и преданности людей чинча...

Как и чинчи, курака каждого царства, вручая свои подношения, рассказывал Единственному о самом замечательном подвиге ушедшего к Солнцу родителя сапа инки и своих героев, не щадивших жизни ради сынов Солнца. Каждое царство кичилось своим далеким прародителем, символы которого угадывались в одеянии и головном уборе индейцев. Голова пумы, крылья гигантского кондора, ветвистые рога оленя, лоснящаяся шкура тапира или пятнистая кожа гигантской анаконды безошибочно указывали, от кого брали свое начало люди всех царств и народов, объединенные сынами Солнца, дабы нести великую службу, возложенную на инков всемогущим Солнцем.

Но не пышность и не красота нарядов, не богатство подношений и даже не сегодняшние заслуги определяли порядок выступлений вассалов. Каждый народ и каждое царство находились на своем природном месте: кто первым пришел еще к Манко Капаку, был и сегодня первым во всем; кто последним удостоился чести стать подданным Куско, был последним во всем...

Только на пятый день манифестации вассалов подошли к концу. И тогда наступил самый важный момент: Солнце должно было сказать своим сынам, что ждет их в новом году.

На большом камне-подставке жрецы уложили маленького черного ламенка, без единого пятнышка на гладкой и мягкой шкуре. Молниеносный удар жертвенного ножа, и в руках жреца уже трепещут сердце и легкие священного животного. Ни один орган не поврежден. Это большая удача и хорошее предзнаменование. Верховный жрец внимательно следит за тем, как жрец с ножом читает волю Солнца. Она записана в капризном узоре красных прожилок на розово-бледных, все еще чуть-чуть вздрагивающих легких ламенка. Но, вот из рассеченного тела хлынула кровь, и ламенка отнесли к жертвенному огню, вспыхнувшему прямо от лучей Солнца. Только инки владели этим секретом. Отсюда, превратившись в пепел, ламенок уйдет к Отцу-Солнцу.

Теперь уже не только площадь, а и весь огромный город знал, что на севере живут народы, с нетерпением ожидающие прихода сынов Солнца, что там, за землями чинчей, сапа инку ждет великая победа, которая обрадует Отца-Солнце.

И снова площадь приутихла. Толпа вассалов расступилась, пропуская через Кусипату цепочку шагавших парами маленьких детей, одетых во все белое, — цвет одежды уходящего к Солнцу человека. Их сопровождали жрецы иики и закутанные в длинные покрывала «невесты Солнца», распевавшие гимн счастья встречи с Солнцем. На лицах детей застыла странная гримаса одурманенного кокой человека, воспринимающего как во сне что-то торжественное и грандиозное, радостное и непонятное. Они прошли через всю огромную площадь, чтобы навсегда покинуть Пуп великой страны сынов Солнца...

И снова взрыв всеобщего ликования потряс каменные громады Куско.

Солнечный огонь, принявший от людей священного ламенка, бережно перенесли в Кориканчу и дом Акльей. День и ночь его будут охранять, пока ровно через год наступит такой же день, и Инти снова зажжет свой огонь, и все повторится в строгой последовательности извечного порядка, установленного Солнцем...

Ровно девять дней продолжалось обильное возлияние и неуемное потребление пищи. Золотой трон Единственного приковывал к себе благодарные взгляды курак и полководцев. Теперь возвратными тостами, парными сосудами обменивались и сами кураки, и полководцы, похваляясь друг перед другом своими подвигами, своим происхождением или богатством. Однако никто не забывал превозносить мудрость и доброту сынов Солнца и Единственного, сумевшего всех примирить; даже смертельные враги стали добрыми соседями и верными вассалами сынов Солнца.

Наконец произошло то, чего ожидали с великим нетерпением: в центр площади вышли сыны Солнца. Четыреста отважных воинов. Четыреста непобедимых мужей. Четыреста одинаковых плащей-накидок. Четыреста пар стройных ног, обутых в сандалии. Все одного роста, подтянутые, стремительные. Короткая стрижка и золотые диски в мочках ушей — знак принадлежности к клану правителей — завершали их царский наряд.

И только узкие налобные повязки с короткой бахромой были разными. Красная с перьями птицы корикэнкэ — у Единственного. Желтая — у наследника престола. Остальные были сплетены из разных цветных полос.

И вдруг на площади возникла живая цепь: рука в руку — первый с третьим, рука в руку — второй с четвертым, рука в руку — третий с пятым, рука в руку — четвертый с шестым... Четыреста пар рук — четыреста звеньев живой цепи.

Цепь колыхнулась. Нет, она не шагнула, а только качнулась назад, чтобы тут же сделать шаг вперед — все четыреста одновременно. И опять качнулась назад, и снова шагнула вперед, едва приметно ускоряя движение. Лица стали суровыми. Уже не лег-

кость, а необоримая мощь управляла безукоризненной шеренгой. В такт тяжелому шлепку сандалий поплыла над площадью суровая песня, напоминавшая могучий, устрашающий рев морских раковин. И по мере того как убыстрялось движение танцоров, нарастала мощь многоголосого хора.

Но вот живая цепь стала сворачиваться в огромную спираль, в центре которой оказался трон Единственного. И тогда все увидели: Единственный, только что танцевавший во главе шеренги сынов Солнца, уже восседает на троне в золотом одеянии старшего из сынов Отца-Солнца...

...Наблюдатель видел, как наутро десятого дня по двум главным дорогам, уходившим на север и на восток, шли пестрые колонны вассалов. Такие же колонны шагали на юг и на запад, но он никогда не увидит их, потому что предназначенное ему сынами Солнца место было здесь, и здесь он проведет ровно столько лет, сколько ему позволят его зоркие глаза и накопленный годами опыт. Потом он вернется домой, к своему айлью, но только никто не знает когда...

Глава V

ПОЧЕМУ ИНКИ БОРОЛИСЬ С ГРАМОТНОСТЬЮ

Тауантинсуйю было самым неграмотиым из всех государств древиего мира, аиалогнчных по уровию социально-экономического развнтня. Все населеине страны было иеграмотным в буквальном пониманнн этого слова, а последнего грамотиого тауантинсуанца просто сожгли на костре. И сожглн нмеиио за то, что он был грамотным. Да н как можио быть грамотным, если нет письма?

Даже страшно себе представнть всю чудовнщиую нелепость ситуацин, когда все, буквальио все иужио говорить вслух, чтобы это «все» стало достояннем хотя бы еще одиого человека. Написать нельзя. Прочесть иельзя. Тайио оповестить нельзя. Подробно изложнть иельзя. Составить тезнсы для выступлення иельзя. Заготовить речь иельзя. Даже списать нельзя. А как быть в случаях с плагнатом? Как доказать, кто у кого н что нмеиио подслушал, чтобы выдать за свое?

Говорят: «Слово ие воробей, вылетнт — не поймаешь». В Тауаитинсуйю все слова порхали, как воробьн. Казалось бы, отсутствие письма гарантировало их иеуловимость, одиако в умелых руках сынов Солнца такая неуловнмость слова легко могла стать своей противоположиостью. Вот почему в нмперни ннков слов на ветер не бросали. Сыны Солица не любнлн этого.

Но пнсьмо — явлеиие стадиальиое, н еслн с этнх позиций рассматривать случай с Тауантинсуйю, то отсутствне пнсьма у ииков требует... доказательств.

Прежде всего государствеиное устройство, подобное царству ннков, не могло существовать без фнксацин устиой речн. Не нужио обладать спецнальиыми зиаииями, чтобы убеднться в этом. Задайте себе вопрос: как уберечь от нскажения иекое распоряжение, которое следует передать в возможно короткнй срок нз Куско, иапример, в Кито, если иет пнсьма?

Коиечно, человеческая память достаточно надежный хранитель нформацин н можио поручить специальио иатреиированному запомннальщику дословно воспроизвестн любой по велнчине и содержанию текст. Правда, здесь не обойдешься без потерн временн, да и сам сочннитель текста должен знать его наизусть, чтобы об-

учить ему запоминальщика. Это непростая проблема, особенно для Тауантинсуйю, где единственным средством переноса информации был человек. И вот почему.

Представим себе, что интересы государственной важности требовали срочно передать из Куско в Кито сообщение, по которому мог принять решение только правитель. Эти города разделяло расстояние примерно в две тысячи километров. Курьеры-часки преодолевали его за пять суток. Они бежали день и ночь, передавая друг другу эстафету, пробегая в среднем участок дороги длиною в пять километров. Следовательно, каждый из них преодолевал свой участок за 18 минут. Это медленнее, нежели нынешний рекорд мира на ту же дистанцию — 13 минут 12,9 секунды. Но рекорд был установлен на стадионе со специальным покрытием, а часки бежали по горным дорогам, изобиловавшим крутыми спусками и долгими подъемами, и бежали в любую погоду.

Можно предположить, что часки обучались не только бегу, но и заучиванию наизусть текстов. Если на это уходило только две минуты, то тогда все четыреста курьеров должны были бежать со скоростью нынешнего чемпиона. Четыреста рекордсменов — не многовато ли для одного царства?

Сокращение наполовину длины этапа увеличило бы скорость бега, но не вдвое, а гораздо меньше, зато вдвое возросло бы число потерянных на заучивание минут. При этом возможность искажения текста возросла бы до 1600 случаев, поскольку каждый из 800 часки имел бы дело с текстом дважды: запоминал его сам и помогал запоминать другому курьеру. В жизненно важных делах — война, мятеж вассалов — такое недопустимо.

Мы взяли только один возможный случай. Он со всей очевидностью показал, что в конкретных условиях Тауантинсуйю одна лишь речь не могла удовлетворить государственные нужды, связанные с доставкой информации. Отсюда следует вывод: коль скоро царство инков просуществовало не один десяток лет и погибло не от всеобщего хаоса, в Тауантинсуйю действовала какая-то система фиксации речи либо содержавшейся в ней информации.

Так оно и было. В Тауантинсуйю существовало так называемое «узелковое письмо», или кипу (на кечуа). Но прежде чем перейти к рассказу о том, как им поль-

зовались, мы хотим высказать свои соображения, почему у инков не было письма.

Начнем с того, что и сегодня в строго научном плане нельзя говорить, что у инков не было письма. Корректнее сказать: письмо или иная возможная разновидность фиксации устной речи не обнаружены, а это заставляет предполагать, что у инков не было письма. Однако есть прямое указание хрониста Монтесиноса, что у инков был период, когда они имели свою письменность. Монтесинос дает ее название на кечуа — «келька» и сообщает, что инки запретили пользоваться письмом. Хронист сообщает подробности появления запрета: в царствование Инки Тупака Каури Пачакути (напомним, что в капаккуне Монтесиноса 104 имени инков-правителей) несколько провинций не поддались на уговоры инков и не присоединились добровольно к их царству. Тогда были совершены великие жертвоприношения, чтобы посоветоваться с Илья Тиси Виракочей. Ответ был один: причиной «заразы» были письмена, которыми не следует больше пользоваться.

Тупак Каури Пачакути тут же издал закон, запрещавший под страхом лишения жизни «пользоваться кельками, которые являлись пергаментами и определенными листьями деревьев, на которых писали». Постановление правителя исполнялось с такой точностью, что после того случая «перуанцы никогда больше не пользовались письмом. И когда некоторое время спустя один ученый амаута изобрел буквы, его сожгли живьем. И так они с того времени пользуются нитями и кипу...».

Хроника Монтесиноса расположилась особняком в ряду сочинений о царстве инков из-за своей капаккуны. Подумайте сами: как, каким образом при отсутствии письма мог сохраниться перечень правителей длиною в 104 имени? Даже если каждый из них в среднем правил только пять лет, то в сумме их правление длилось пять веков. Но столь длинной по времени династии попросту негде было править, мы знаем об этом по схеме общей датировки цивилизаций Древнего Перу. В ней нет места для подобного государственного образования.

Вместе с тем многие сведения из хроники Монтесиноса не производят впечатления фальсификации — уж слишком глубокими знаниями и невероятной фантазией должен был обладать ее сочинитель.

Но если инки действительно пользовались письмом,

то как объяснить, что к расцвету могущества Тауантисуйю эта практически обязательная составная духовной культуры бесследно исчезла и исчезла настолько фундаментально, словно письма и вовсе никогда не было? Поставим вопрос иначе: зачем было уничтожать письмо, если без него созданное сынами Солнца государство стало испытывать трудности в своей повседневной и жизненно важной деятельности?

Напрашивается только один ответ: инки нашли, изобрели или заимствовали некий заменитель письма, который их полностью удовлетворил. Таким заменителем оказалось кипу.

С большой долей уверенности можно сказать, у кого именно могли заимствовать кипу сыны Солнца: на рисунках, оставленных мочиками, мы видим фигурки стремительно бегущих людей, сжимающих в руке предметы, весьма похожие на кипу.

Теперь остается выяснить, могло ли кипу заменить письмо и имело ли оно какие-то преимущества, которые сыны Солнца не просто заметили, но и использовали в своей государственной деятельности.

Начнем с преимуществ кипу, ибо они лежат прямо на поверхности. В царстве сынов Солнца любое послание передавалось только с помощью часки. Если к этому добавить, что послания-эстафеты иногда доставлялись сотнями людей, преодолевая при этом сотни и тысячи километров пути, станет очевидным, что пергамент или листья деревьев, служившие для инков бумагой, превращались в весьма неудобный багаж, ибо правителям не подобает вручать помятые или скомканные послания.

Очевидно, что к сапа инке обращались без неуместной фамильярности, отчего его имя вместе с общепринятыми титулами и индивидуальными прозвищами (типа «самый великий», «самый благородный») вполне могло занимать целую ветвь, а не один только листок дерева, даже когда им была пальма, — эту подробность мы знаем от Монтесиноса. Если учесть склонность подданных к чисто внешним знакам внимания, от которых часто зависит гораздо больше, нежели от содержания самого послания, то нетрудно себе представить, как разрастались документы, неизменно превращавшиеся в безудержное восхваление правителя.

Как показывает история, борьба с подобными явлениями абсолютно бесперспективное занятие, и, хотя

в тот период проблема окружающей среды не стояла так остро, как сегодня, сынам Солнца все же докладывали, сколько и каких пальм ушло на то или иное послание.

Между тем кипу — только моток нитей из шерсти или хлопка. Он легко размещается в любой сумочке (у инков не было карманов на одежде). Кипу можно складывать, мять и даже комкать, правда не слишком усердно, чтобы не развязались узлы. Но потрясите немного этот пучок нитей, и ни один даже самый прозорливый правитель не догадается, что творилось с кипу во время его доставки. Укладывая в сумочку кипу, важно было помнить одно: нити не должны спутаться, а шерсть — сваляться, если путешествие оказывалось долгим. Все было предельно просто, если проявить элементарное внимание, а подданных сынов Солнца не нужно было даже предупреждать об этом. Напомним, что наиболее популярным наказанием была казнь.

Таким образом, кипу обладало решающим преимуществом в деле доставки срочных сообщений в условиях Тауантинсуйю.

Теперь обратимся к более важному вопросу: могло ли кипу заменить письмо если не как эквивалент речи, то для передачи содержащейся в ней конкретной информации?

Здесь не может быть двух мнений: бесспорно, могло. Мы составили условное кипу из элементов, которые описаны теми, кто пользовался кипу в жизни. К числу таких элементов относятся: 1. Шнур — основа кипу. 2. Нить-подвеска 1-го порядка (крепится на шнуре). 3. Нить-подвеска 2-го порядка (крепится на предыдущей). 4. Нить-подвеска 3-го порядка (крепится на предыдущей). 5. Вспомогательная нить-подвеска (крепится на других нитях). 6. Знак—определитель содержания кипу. 7. Узел простой — бывает до девяти штук на нити. 8. Узел «фламандский» — до девяти штук на нити. 9. Узел сложный — до девяти витков каждый. Цвет нити также передавал содержание кипу. Мы обнаружили 13 разных цветов, включая оттенки. Встречаются одно-, двух- и трехцветные нити. Других сочетаний цветов не бывает.

Подсчет на ЭВМ показал, что только одно кипу, составленное из перечисленных элементов (включая цвета нитей) с тремя нитями— подвесками первого порядка, дает 365 535 720 353 комбинации! С введением четвертой и последующих нитей число комбинаций стреми-

тельно возрастает. Между тем в храме Пачакамака было иайдеио кипу, которое веснло шесть килограммов. Подобный моток шерсти соедннит Москву с Ленинградом. Такое кнпу вполне могло содержать ниформацню, сопоставимую лншь с миоготомиым статнстнческнм справочником.

Однако какую ниформацию содержалн инкскне кнпу? Илн, быть может, кнпу передавали звуковую речь и в этом случае мы нмеем лншь своеобразную форму ее фиксацнн? Ведь чнсло полученнх иамн комбинацнй подтверждает такую возможность.

Практнчески все хроннсты и современные нсследователи считают, что кнпу содержалн н фикснровали только цнфровые даниые. Правда, в кнпу запнсывалось буквально все, что поддается подсчету, иачнная от населения царства, как об этом уже говорилось, кончая его прнродиыми богатствамн, с указаннем колнчества плодоносящнх деревьев н даже крупных диких животных, которых отлавливалн во время знаменнтых «царских охот».

К сожалеиию, о техннке н методах конкретных записей в кнпу мало что нзвестио. Мы знаем, например, что узлы былн еднинцами счета, который велся десятками, — отсюда не более девятн одинаковых узлов на одной интн. Десятый узел означал бы появленне десятки, которая была иачальной еднннцей следующего порядка и располагалась иа ннти выше. Над десяткамн стоялн сотин, затем тысячи и так далее. Иными словами, в кипу цнфровые зиакн-узлы располагалнсь вертикальио н синзу вверх от единиц к десяткам и сотиям. Виднмо, такую же роль игралн н сложные узлы.

В кнпу должны были фнксироваться одиородные предметы. Мы имеем тому прямое доказательство в перечие оружня. Известен н прнннцнп их фиксацин: на первом месте всегда ставился самый главный или важный из перечислявшнхся предметов. В случае с оружнем, как мы помним, инкн начнналн счет с длннных пнк. Следует предположить, что прн подсчете запасов продовольствня первой всегда указывалась кукуруза, за которой наверняка шел картофель.

По этому прнннципу можио выявнть и многие другие предметы, которые возглавлялн списки-перечни в кнпу, но сегодня это мало что даст, поскольку сохранилось слишком иезначнтельное число самих кнпу — нсходного матернала для дешифровкн и «прочтення» этой формы

фиксации ннформацин. К тому же нет данных, которые раскрыли бы принцип составления (и составления нз какого материала?) знаков — определителей содержания конкретно взятого кипу. Можно достаточно точно подсчитать, сколько еднниц зафиксировано в данном кипу, но что это за единицы или единнцы чего, отвечал только знак-определнтель: «кусочки материи», «палочки» и тому подобное. Что конкретно чему соответствовало, остается тайной.

Испанский хронист Антонно де ла Каланча написал в своей «Морализованной хронике», что кипу при помощи различных символов-определителей передавали нмена собственные и названия провинций. Он привел также пример весьма сложного понятийного построення. Если же к сказанному добавить, что сыны Солнца хранили в кипу свод своих законов и обычаев, а их поэты и ученые использовали кипу для запоминання заранее составленных текстов н целых поэм, то невольно напрашивается мысль: чем же тогда отличалось кипу от письма?

Мы хотим высказать здесь предположение относительно того, чем в действительностн могло быть кипу.

Оно выведено почти исключительно из умозрительных построений автора, однако наша гипотеза получила поддержку двух авторитетных перуанских исследователей — Викторин де ла Хара и Карлоса Радикати (последний исследовал и детально описал практически все дошедшие до наших дней кипу).

Итак, что мы знаем сегодня о кипу? Во-первых, с их помощью фиксировалась, хранилась и передавалась информация, отражавшая практически все стороны жизни Тауантинсуйю. В кипу была заключена вся статистика царства; она охватывала все, что поддавалось обсчету. Инки пользовались системой фиксации данных, различая свои записи в кипу по какому-то заранее разработанному и единому для всей империи коду. Это приводило к значительно большей емкости самих кипу. Можно предположить, что вся информация сводилась вместе в «общегосударственном кипу», в пользу чего говорит находка в Пачакамаке.

Как показали подсчеты, емкость кипу была практически неограниченной. Инки могли фиксировать в них любые цифровые данные на малом по объему (по длине) материале. Это была вторая особенность кипу.

Утверждения хронистов, что кипу было способно передавать сложные понятийные построения, а также отдельные элементы звуковой речи (имена собственные, названия), ясно указывают на то, что инки как-то приспособили кипу для хранения такой информации: тексты законов, описания обычаев, исторические и героические поэмы и легенды.

Но главной особенностью была абсолютная привязанность кипу к человеку, специально обученному работе с ним. Без кипукамайока кипу превращалось в клубок простых нитей.

Испанцы, столкнувшиеся в реальной жизни с кипу, были буквально потрясены той быстротой и точностью, с которой им выдавалась информация. Взяв кипу в руки, кипукамайок сразу же начинал читать содержащуюся в нитях и узлах информацию. Голос едва успевал за взглядом и движением рук. Это звучит несколько грубо, но кипу и кипукамайок были единым устройством, двумя деталями «машины памяти», которая превращалась в ничто, если одна из них отсутствовала.

Все это наталкивает на мысль, что в случае с кипу речь шла о живом «счетно-вычислительном устройстве», в которое была заложена предварительно зашифрованная

математическими знаками информация. Естественно, что математическую обработку материала вел сам кипукамайок, и делал это устно и вручную. Точно так же устно и вручную информация извлекалась из кипу. Не вызывает сомнений, что запустить «машину памяти» могли только инки, ибо она была создана исключительно для обслуживания их государственного аппарата.

Кипу оказалось настолько удобным и в этом смысле полезным для управления таким гигантским государством, как Тауантинсуйю, что сыны Солнца пошли на запрещение громоздкого письма, дабы полностью расчистить дорогу кипу. С позиций снюмянутых требований начального периода создания царства всех кечуа подобный запрет представляется не только допустимым, но даже полезным делом, поскольку он давал значительные преимущества в ведении государственных дел. Не будем забывать: в течение целого столетия инки вели захватнические войны, требовавшие высокой дисциплины и максимального учета ресурсов. В этой важнейшей сфере кипу, бесспорно, выиграло соревнование у письма.

Только убежденность в серьезных преимуществах кипу могла привести к запрещению письма. Найти же подходящий повод для запрета для сынов Солнца не составляло труда. Достаточно было, например, обратиться к главной уаке, а получив желанный ответ — все беды и все зло от письма, — утвердить божественную сентенцию!

Но, обретя благодаря кипу очевидные преимущества в решении государственных дел, сыны Солнца нанесли непоправимый урон своей духовной культуре. Правда, он стал ощущаться не сразу, ибо культурная жизнь продолжала интенсивно развиваться, а изобретательные ученые-амауты искали и находили способы закрепления во времени результатов духовного производства своего народа, в том числе в области литературы, философии, права и иных его проявлениях.

Более того, нам представляется, что запрещение письма могло сыграть в известном смысле даже положительную роль в плане некоторой демократизации отдельных направлений творческой культуры. Поясним свою мысль: в антагонистическом классовом обществе письмо, как и образование в целом, являлось привилегией правящих классов. Они не просто охраняли эту привилегию, но и сознательно сужали круг тех, кто мог

пользоваться письмом. То была искусственная, но абсолютно реальная преграда в таком виде творчества, как, например, литература. Запрет письма как бы снял ее, поставив в равные условия все слои общества. Он заставлял власти искать пути расширения круга лиц, которые приняли бы на себя функции хранителей устных традиций, тех, кто в угоду интересам правящего клана распространял эти традиции среди широких масс населения, например, исполняя на ритуальных праздниках простых общинников инкские таки. И число таких певцов, взятых из простого народа, росло.

Сельские кипукамайоки также не были инками, но по роду своих основных занятий они уже стали отходить от своей естественной среды. Так же обстояло дело и с другими видами творчества, включая гуманитарные науки, если пользоваться современной терминологией. Ибо при всей своей высокой надежности человеческая память способна преподнести малоприятные сюрпризы. От них нужно было застраховаться. К тому же человек смертен, и смерть часто приходит неожиданно.

Все это понимали сыны Солнца. Чтобы не утратить накопленные знания, инкам пришлось создать целый институт «живых копий» под строгим контролем официальных властей. Был ли он создан отдельно от института кипукамайоков, или они составляли единое целое, мы не беремся сказать, но профессиональные запоминальщики, как и кипукамайоки, жили в каждом селении. Их работа высоко ценилась в Куско.

Важнейшей заботой клана правителей являлось также культурное воспитание самих инков. Чтобы выяснить, правильно ли усвоил общинный запоминальщик подвиги и геройские поступки сынов Солнца, сами сыны Солнца должны были знать их назубок. Это только один пример. Он достаточно убедительно показывает, что заниматься государственной деятельностью даже в «районном масштабе» могли только те инки, которые сами обладали соответствующими знаниями. Вот почему инки придавали большое значение не только военному, но и гражданскому образованию своего подрастающего поколения. Еще при Инке Рока в Куско была создана специальная школа, в которой обучались юные сыны Солнца.

Очевидно, что людей, талантливых в гуманитарных науках, в Тауантинсуйю искали точно так же, как ищут талантливых зодчих, художников, мастеров-ремеслен-

ников. Но талант не подчиняется законам социального расслоения общества. Он не желает учитывать происхождение того, кто ему приглянулся. Инки-прагматики не могли не заметить, что здесь их Отец-Солнце допустил упущения. И ради своих клановых интересов, хотя и вопреки своим же законам и обычаям, правители Тауантинсуйю сквозь пальцы смотрели на то, как размывается имперская интеллектуальная элита царства за счет выходцев из неинкского населения страны. Письмо, будучи привилегией знати, наверняка затормозило бы этот процесс.

Известно, что в Куско при дворе сапа инки постоянно находились ближайшие родичи, главным образом сыновья правителей присоединенных к Тауантинсуйю царств и земель. Они обучались в Куско языку, законам и обычаям сынов Солнца, но одновременно и непроизвольно им принадлежала выдающаяся роль именно в культурной жизни страны. Все подданные инков были обязаны носить свои «национальные» одеяния, поддерживать свои традиции, как бы воспроизводя в миниатюре то царство и те земли, выходцами из которых они были. Конечно, все это в какой-то своей части носило театрализованный характер. Но не менее бесспорно и то, что организованный сынами Солнца «спектакль» являлся эффективным средством культурного обмена среди этнически разнородных групп населения Тауантинсуйю. Он создавал хорошие возможности для взаимного ознакомления с проявлениями духовных и общекультурных достижений всех этнических групп.

Инки, как мы знаем, отличались веротерпимостью и восприимчивостью к чужим достижениям, если обнаруживали в них полезные для себя элементы. Мы также знаем, что в Куско доставлялись все главные идолы покоренных инками народов. Эти идолы не бездельничали, ибо после признания за Солнцем верховной власти инки не препятствовали поклонению этим божествам. В таких условиях возможность активного культурного обмена в самом Куско не кажется чем-то нереальным.

Естественно, что этот сложный процесс не следует воспринимать упрощенно. Никто не бегал друг за другом по Куско в надежде подглядеть некое выдающееся достижение соседа, чтобы тут же перенять его. Никто не рекламировал и свои удачи в надежде, что другие оценят их. Все было гораздо проще и в тысячу раз сложнее, но сам факт проживания бок о бок стольких

разноликих народов, постоянный, практически ежедневный контакт между ними не могли не сказаться на образе жизни каждого из них, на их духовной культуре, на строе мыслей и психологии.

«Сто тысяч домов» и огромное количество дворцов Куско заполняла не одна только знать. Желание показать инкам свою преданность и любовь, богатства своего царства, в том числе талантливыми людьми, заставляло неинкскую знать приводить с собой действительно выдающихся мастеров своего дела в самых различных сферах культуры, искусства, ремесел. Это был неисчерпаемый источник обогащения культурной жизни страны, ибо то, что признавал Куско, распространялось по всему царству.

Нет, мы не знаем имен этих выдающихся мастеров, но они были, не могли не быть, ибо культуру целого народа не в состоянии создать даже самый всесильный клан правителей.

Если судить по дошедшим до нас остаткам материальной культуры инков, можно прийти к выводу, что отсутствие письма почти не сказалось на развитии научной и технической мысли. Конечно, в этой сфере человеческой деятельности у инков были гигантские бреши, но они больше связаны с природными условиями региона. Но нас интересуют не столько пробелы в знаниях индейцев кечуа, сколько их достижения. Они куда более ярко и убедительно говорят об уровне их развития.

Начнем с главного, с основы основ трудовой деятельности Тауантинсуйю, с земледелия. Да, инки пользовались простой заостренной палкой с опорой для ноги, чтобы рыхлить землю под посевы. Но они же построили целую систему насыпных террас-полей, снабдили свои земли искусственным орошением, для чего проложили каналы иной раз в десятки и даже более ста километров длиной. Отдельные участки этих каналов и многие насыпные террасы действуют и поныне. Инки поняли значение удобрения, необходимость использовать его постоянно. Птичий помет — знаменитое и сегодня гуано — стал эффективным средством повышения урожая, а в бесплодных песках Тихоокеанского побережья индейцы придумали способ посева кукурузы, позволявший собирать там обильный урожай.

Далее. Дороги Тауантинсуйю, вызывающие восхищение наших современников, требовали не только моби-

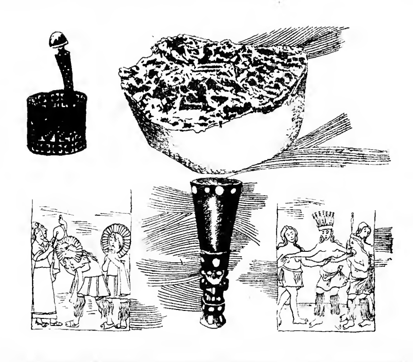
лизации огромных сил, но и тонкого инженерного расчета. Чтобы перетащить на руках гигантскую глыбу, уложенную в стены главной крепости инков Саксайуаман, помимо тысяч и тысяч пурехских рук, были также необходимы высочайшее мастерство и смелость технической мысли.

Можно продолжить перечень достижений гения кечуанского и других народов, нашедших воплощение в повседневной жизни Тауантинсуйю. Зачастую эти достижения обгоняли уровень социально-экономического развития породившего их народа.

К сожалению, о многих успехах индейской науки мы ничего конкретного не знаем. Вернее, мы знаем, что они были, но в чем выражались и кем были созданы, сегодня практически неизвестно. Речь идет в первую очередь об индейской медицине. Трудно поверить, что инки доживали до 150 и даже до 200 лет, как об этом пишут хронисты. Но в «Индийской истории» капитана Сармьенто, а также в недавно опубликованных в Перу документах, датированных 1573 годом, фигурируют подписи инков, о возрасте которых сказано, что им было более 90 лет. Они живое свидетельство долголетия, и не как изолированного случая, а целого явления, подтвержденного испанцами. Это был результат индейского врачевания, во многом придерживавшегося принципа профилактической медицины. Некоторые из ее мероприятий или приемов широко известны и практиковались народами других континентов: регулярные промывания желудка и кишечника, строгий пост и другие. Но были и такие, о которых европейцы даже ничего не слышали.

Так, например, Инка Гарсиласо подробно описал, что делали инки, чтобы сохранить в идеальном состоянии свои зубы. Он сам дважды, как того требовало лечение, подвергся этой мучительной пытке, сохранившей ему зубы до конца жизни. Лечение состояло в том, что к деснам прикладывался разогретый на огне кусок корня, в котором сок буквально кипел. Десны бывали сожжены, но результат оправдывал страдания пациента. Описав этот технический прием, хронист не мог сообщить читателю главное: корень какого растения использовали инкские лекари.

Лекари-индейцы с помощью каких-то трав за несколько сеансов снимали бельмо с больного глаза. Они спасали людей, заразившихся трупным ядом, врачевали



и другне болезнн, которые нспанскне врачн отказывалнсь лечнть.

Потеря нндейских методов лечения, равно как н нндейскнх лекарств, пронзошла непредумышленно. Грохот пушек н полная беззащнтность перед стальными мечамн заставнлн нндейцев поверннть в абсолютное превосходство нспанцев во всем. Однн нз сынов Солнца в беседе со своим роднчем-метнсом признался, что, еслн бы нспанцы подарили ннкам только ножннцы, сыны Солнца отдалн бы нм в знак благодарностн все свое золото. Инкам, тщательно следнвшнм за свонмн коротннмн прнческамн, прнходнлось стрнчься каменнымн ножамн, прнчнннявшнми массу неудобств. Конечно же, здесь очевндное преувелнченне, но оно отражает, в какой уродлнвой форме воспрнннмалась нндейцами нх техническая отсталость.

Налнчие у ннков пнсьма не устраннло бы этот комплекс неполноценностн, но оно наверияка проннкло бы, напрнмер, в нндейскую медицнну, и рецепты кечуанских лекарей вполне моглн бы дойтн до иашнх дней.

Европейское превосходство в техннке и науках, осо-

бенно связанных с использованием железа н сталн, буквально подавнло ннденскую научную мысль. Когда же люди, сопрнкоснувшиеся с нидейскимн достнжеииямн, вспомнили о них, выясннлось, что никто уже ие зиает о таковых либо делает вид, что не помннт старых секретов. Ибо к этому временн нспанцы успелн превратнться нз богов-виракоч в тнранов н угнетателей, а такнх не посвящают в свои тайны.

Самый жестокнй н невосполиимый урои нз-за отсутствия у нннков письма понесли гуманитарные наукн н литература. Фольклорное песеино-таицевальное творчество пострадало гораздо меньше. Ибо его можно уннчтожить только вместе с народом-создателем, однако испанцам так и не удалось осуществить подобиое «мероприятие», хотя за годы конкисты и первое столетне колоиального владычества земли Тауантиисуйю были буквальио опустошеиы н индейское население сократнлось в десять, а по некоторым данным, и в большее число раз! Но народ кечуа выстоял н выжил, несмотря на все жестокне превратностн судьбы. Жнв н его фольклор, в котором и сегодня легко угадываются древнне традицин, уходящие свонми корнямн в легендарное прошлое великого нндейского народа.

В Тауантиисуйю рядом с фольклорным творчеством существовала ииая, хотя также устная, но полиостью профессноиальная лнтература. Она носила офицнальный характер, н ее можно назвать заказной лнтературой. В роли заказчиков, естественно, выступалн сыны Солнца; нсполннтелями заказов были профессиональные сочинителн. Сочинеиня создавалнсь по утвержденному властями «случаю» и с конкретной задачей.

Подобиое творчество не являлось «придворииым фольклором», хотя н стоит где-то рядом с ним. Оио должно было воздействовать на самые широкие круги населеиия, прнвнвая подданным сынов Солнца страх и покорность, любовь и благоговенне.

Тематика таких текстосложеннй могла быть религиозиой и светской, ио чаще всего она объедииялa оба этих начала, отражая реальное положение дел в царстве. Наиболее популяриой формой сочннений были нсторические тексты: историческне н геронческие таки, повествовавшие о деяниях сыиов Солнца на войне н в мире. Как свидетельствует один из крупнейших зиатоков кечуанского фольклора, болнвиец Хесус Лара (так считают все ученые), тексты иикских таки до нас не дошлн.

И это понятно. С ними были связаны наиболее памятные события из жизни инков, их легенды, божественные предначертания Солнца. Против всего этого беспощадно боролись католические монахи, так удачно прозванные «потрошителями ереси», а по существу, разрушители индейских культур.

Таки и другие тексты хранились в памяти человека. Специально обученные индейцы заучивали эти «песни», за что пользовались особыми благодеяниями. Они, в свою очередь, проявляли заботу, чтобы обучить «песням» собственных сыновей или других способных к этому людей. «И сегодня в среде этих людей, — писал Сьеса де Леон, — рассказывают о случившемся пятьсот лет назад так, словно с тех пор прошло десять лет».

Речь идет, как мы видим, о профессиональных запоминальщиках. В каждой провинции было несколько таких «певцов», в обязанности которых, по-видимому, входило также и составление самих текстов, хотя вопрос этот не совсем ясен. Точно такие же запоминальщики жили и при дворе сапа инки. Там сочинялись главные официальные тексты героических таки.

Мы говорили, что сочинители официальных текстов должны были воздействовать своими произведениями на разные социальные слои инкского общества. Но этим не ограничивалась их работа. «Амауты... — пишет Инка Гарсиласо, — брали на себя заботу изложить их (наиважнейшие события. — *В. К.*) в прозе, в исторических рассказах, коротких, словно басня, чтобы соответственно возрасту рассказывать их детям, и юношам, и неотесанным людям полей...»

Известно также, что амауты сочиняли «комедии» и «трагедии», которые «всегда воспроизводились точно, а их содержание всегда касалось военных событий, триумфов и величия прошлых королей и других героических мужей». Они исполнялись в присутствии сапа инки и всей знати на особо торжественных празднествах или триумфах по случаю победы сынов Солнца.

В предыдущей главе, воспользовавшись рассказами хронистов, мы побывали на празднике Интип Райми. Такие же, но менее пышные праздники устраивались во времена первых лет колонии, правда, по случаю, не совсем обычному для индейцев, например «Святого таинства». Они проводились на центральной площади Куско, у подножия католического храма. Вместе с испанцами манифестантов приветствовали и сыны Солнца

(в тот момент — середина пятидесятых годов XVI века — в Перу было двоевластие).

Индейцы шли колоннами. Каждая, как это было принято во времена инков, представляла свое царство. Перед «трибуной» колонна останавливалась, чтобы сыграть каждая свою коротенькую «трагедию», в которой, показывая важный эпизод из жизни народа, манифестанты прославляли себя, а также власти (в данном случае городские). Костюмы индейцев соответствовали одеяниям, утвержденным еще инками.

Празднование на инкский манер «Святого таинства», о нем рассказал Инка Гарсиласо, чуть не кончилось побоищем: когда настала очередь выступать индейцам каньяри, их вождь Чильчи изобразил с помощью инкской символики свою помощь испанцам. Более того, Чильчи вынул спрятанную под плащом голову-муляж инки, которого он сам убил.

Пока испанцы силились понять, что изображают каньяри, инки бросились на обидчиков. Схватив Чильчи, инки «подняли его высоко над землей, чтобы ударить головой об пол», — довольно своеобразный метод миссионерской работы. Только поспешное вмешательство испанцев спасло Чильчи от неминуемой смерти, ибо все остальные индейцы также бросились на каньяри, чтобы отомстить за оскорбление своих бывших господ.

Инка Гарсиласо был очевидцем этого события; на «трибуне» сидел его отец, бывший в те годы коррехидором Куско.

Представления, которые индейцы тогда разыграли перед властями Куско, сопровождались исполнением героических таки инков, но хронист даже не упоминает об их содержании и не пересказывает их текст. И снова с особой остротой ощущаешь горечь утраты этих подлинных документов, которые могли бы многое разъяснить в истории Тауантинсуйю. Нет сомнений, что таки помогли бы понять, какими видели себя сыны Солнца и, что гораздо важнее, какими они хотели представить себя своим подданным и другим народам. Уточним свою мысль, воспользовавшись современной терминологией: героические таки, как мы их понимаем, были официально апробированными текстами, призванными пропагандировать главную идеологическую концепцию сынов Солнца об их миссионерской деятельности на земле. Каждый из этих текстов в отдельности трактовал какое-то конкретное событие. Собранные вместе, они образовы-

вали официальный вариант истории Куско и царства инков.

Нет необходимости объяснять, что о подобных документах можно только мечтать. Но мечты остаются мечтами, поскольку таки, как утверждают все авторитеты, не сохранились. И все же...

И все же мне захотелось перепроверить это утверждение, дабы самому убедиться, что действительно в сочинениях XVI—XVII веков об инках и конкисте нет текстов героических или исторических таки.

«Комментарии» Инки Гарсиласо можно было не проверять, ибо, будучи переводчиком этой книги на русский язык, я их хорошо знал, разве что не наизусть. Кроме Инки Гарсиласо, больше и лучше остальных по интересовавшему вопросу написал Гуаман Пома. К нему и следовало обратиться в первую очередь.

Здесь нужно сказать несколько слов о сочинении Гуамана Помы (тем более что мы очень часто ссылаемся на него, и каждая глава настоящей книги начинается с рисунка из рукописи хрониста). Прежде всего хроника Гуамана Помы издана факсимильным способом. Это рукопись, и читать ее в общепринятом значении этого слова почти невозможно. Хронист писал свое сочинение сразу на нескольких языках, но это не параллельные тексты, а единое повествование, в котором в испанский язык вкраплены слова из кечуа, аймара и других индейских языков и диалектов. Добавим, что Гуаман Пома имел слишком отдаленное представление о правилах орфографии и никакого о синтаксисе. Он пишет слитно конец одного и начало другого слова; ряд сокращений не поддается прочтению и толкуется условно. Это и многое другое превращает чтение хроники в разгадку настоящей головоломки, для которой нет и не может быть кода, поскольку хронист писал свое сочниение, строго придерживаясь принципа «как бог на душу положит».

Теперь вернемся непосредственно к тексту хроники. Гуаман Пома дает уникальную картину праздников Тауантинсуйю, иллюстрируя свой рассказ рисунками и примерами текстов песен. Но, к сожалению, о героических и исторических таки инков хронист только упоминает. Он говорит, что инки любили распевать на своих самых торжественных праздниках таки, но текстов таки не дает.

Особого внимания заслуживает все, что хронист на-

писал о чинчах. (Напомним, что его предки царствовали в Чинчайсуйю.) Этот материал просто великолепен. Еще раньше мы обратили внимание на то, что Гуаман Пома назвал в качестве главной песни чинчей «атун таки», то есть «главное таки». Поскольку в тот момент проблема поиска таки инков у нас еще не возникла, мы ограничились тем, что расшифровали и полностью перевели приведенный в хронике пример атун таки чинчей. Форма его текстосложения оказалась типично кечуанской (инкской). Чинчи, по-видимому, заимствовали ее у кечуа, либо сыны Солнца сами навязали эту песенную форму им и другим народам, например, обязав их во время всеобщих (читай, инкских) торжеств исполнять в форме таки свои «истории» и «былины».

Но ознакомление с текстом атун таки только еще больше запутало все дело. Читатель может сам убедиться в этом; вот его текст:

«Эй-эй-эй! На площади Воина, на площади рáдости, на площади могущественного Инки ты всегда был готов получить его поручение. Где ты, могучий, знатный, сильный сокол, могучий лев расы людей из рода Яровильков? Ты, великий вождь, который, когда испанцы направлялись в Кахамарку, представлял персону могущественного короля и императора, доверенным лицом которого ты был, чтобы стать позднее дедом Гуамана Помы де Айяла, своего внука, прямого потомка, который любит тебя!»

Появление в таки испанцев и прямое указание на трагические события в Кахамарке, где испанцами был казнен Атауальпа, ясно говорят о том, что это сочинение не является подлинным таки, исполнявшимся при инках. Это сразу же бросается в глаза, заставляя поверить, что мы имеем дело с мистификацией хрониста, стремившегося с ее помощью возвеличить себя и своих родичей.

Бесспорно, указанный оттенок имеется в тексте таки, но чем больше вчитываешься в него, тем очевиднее становится, что перед нами не фальсификация, а образец текста времен инков, правда подвергнутый редакции. И рассчитан он на читателя-испанца, который плохо или ничего не знал об инкской символике (вспомним случай с празднованием «Святого таинства» в Куско). Нет, Гуаман Пома никого не хотел обманывать своим примером. Просто он «испанизировал» некоторые детали текста, а также показал, как, употребляя какие слова и

образы, во времена инков изложили бы хорошо знакомое всем испанцам событие — ожидавшуюся встречу в Кахамарке.

Если же в тексте заменить некоторые слова и изложенную там ситуацию, то мы получим вполне возможный и в этом смысле реальный вариант текста таки времен инков:

«Эй-эй-эй! Эй-эй-эй! На площади Воина, на площади Ликования — Хакуай пата, на площади могущественного сапа инки ты всегда был готов получить его поручение. Где ты, могучий, знатный, сильный Гуаман-Сокол, могучий Пума-Лев расы людей из рода Яровильков? Ты, великий вождь, который, когда послы взбунтовавшегося острова Пуны покорно шли в Кито, представлял персону могущественного Инки, доверенным копьем которого ты был в Чинчайсуйю, чтобы стать дедом молодого Гуамана Помы, твоего внука, прямого потомка, любящего тебя».

Реконструкция ситуации, при которой подобный таки мог бы быть произнесен, выглядит так:

На празднике Интип Райми в Куско царство людей чинча представлял молодой Гуаман Пома из царского рода Яровильков (его отец умер, так и не успев стать правителем чинчей). Встав перед золотым троном правителя царства, на котором восседал Уаскар, Гуаман Пома, второй человек в Чинчайсуйю, как того требовал обычай, рассказал таки не об Инке Уаскаре, а о его отце Инке Уайна Капаке, а также о подвиге своего деда, подавившего бунт в Чинчайсуйю, когда Уайна Капак вел переговоры с послами острова Пуны, где были коварно убиты сыны Солнца, помогавшие жителям Пуны научиться поклонению Солнцу. Куско очень высоко оценил подвиг Гуамана Помы-деда.

Предложенная реконструкция частично опирается на реальные факты (убийство жителями Пуны губернаторов Уайна Капака и жестокое подавление этого восстания, бунт в Чинчайсуйю) и на домыслы автора книги (подавление бунта дедом хрониста Гуамана Помы). Она учитывает и особенности текста приведенного хронистом таки. Кроме того, мы соблюли запрещение прославлять здравствующего правителя и касаться его дел.

Теперь несколько слов о самих таки (поскольку у нас есть целых два их «образца»). Прежде всего поражает их информативная емкость. При столь малом

словесном материале в таки изложено многое из того, что прошло мимо некоторых многотомных хроник испанцев.

Во-первых, здесь ясно показана важная часть общественной структуры царства, подтверждающая классовый характер созданного инками общества. Она выражена и в виде прямой зависимости подданных от сапа инки, в их беспрекословной готовности служить подлинным хозяевам страны. Но таки подтверждает особую и важную роль, которую играла в жизни царства неинкская знать, а также сам факт ее сохранения и использования сынами Солнца. Об этом, в частности, говорят титулы и имена-прозвища местных правителей: бесправные и лишенные всего подданные не станут называть себя «соколами» и «львами», да и правители не потерпели бы рядом с собой подобных «зверей», если бы те не имели на то права.

Во-вторых, таки предельно лаконично излагают конкретные исторические события, в которых показаны деяния инков, а также их подданных. Они показывают, чем именно был занят сапа инка (ожидал встречу с послами испанцев) и его «второй человек» из одного из четырех суйю (заменил своего господина, а значит, и защитил его интересы во время его отсутствия).

Мы знаем, что на больших торжествах каждое царство докладывало рапорт-таки правителю Тауантинсуйю. Учитывая емкость таки, а также особенности языка кечуа, который сам по себе отличался большой выразительностью (достаточно вспомнить пример со словом «пача»), трудно себе представить, какие потери понесла историческая наука, лишившись инкских героических и исторических таки. Потери невосполнимые.

Конечно, некоторую компенсацию этих потерь мы имеем в хрониках периода конкисты и первых лет колонии. Ибо все, что известно об инках, мы узнали из этих единственных письменных источников о царстве Тауантинсуйю. Известно, что информаторами хронистов были инки. Вот почему естественнее всего предположить, что они рассказывали им то, что знали сами, а знали они свою историю в форме таки, соединенных вместе каким-то специальным образом. Не менее естественно и то, что хронисты-испанцы, а они составляют подавляющее большинство, редактировали на свой лад и в угоду своим интересам (которые не всегда совпадали с инте-

ресами исторической истины) попадавшие в их руки инкские «материалы», больше похожие на сказки и легенды, нежели на подлинную историю сынов Солнца. Даже метис Инка Гарсиласо называет рассказы своего дяди-инки «сказками» и «легендами», правда выражая при этом искреннее сожаление, что слишком мало уделил им внимания в детстве, отчего память не сохранила многие из них.

Жаль, очень жаль! Ибо то, что хронист из Куско не забыл и записал в своих «Комментариях», ближе всего к подлинным историям и легендам самих сынов Солнца, ближе всего к документам (без всяких кавычек) Тауантинсуйю, в которых хранилась официальная история инков. Ближе, но это еще не оригинал, вернее, уже не оригинал. Ближе, но не подлинник. А подлинника нет, и вряд ли он будет когда-либо восстановлен. И все же именно «Комментарии» Инки Гарсиласо ближе всех остальных хроник к сводному тексту исторических таки. Мы даже допускаем, что какая-то их часть дословно воспроизводит рассказы инков. Это, бесспорно, ставит «Комментарии» в особое положение именно благодаря своему подлинному, достоверному происхождению.

Утрата или запрещение инками письма нанесли знаниям о царстве сынов Солнца жестокий и ничем не компенсированный удар. Никакие бюрократические и административные ухищрения не могли заменить столь принципиально важный элемент культуры, как письмо. И главный урон понес не фольклор, а официальное исторически-литературное творчество, активно культивировавшееся властями Тауантинсуйю. По иронии судьбы, оно погибло вместе с теми, кого должно было защищать.

Вместе с таки погибли и более крупные формы литературного творчества. Речь идет о драматургических произведениях, о существовании которых мы знаем не только от хронистов. До наших дней дошли, по крайней мере, две кечуанские драмы, хотя не все исследователи относят время их создания к доиспанскому периоду. Первая и наиболее выдающаяся из них называется «Ольянтай» или «Апу Ольянтай». Она написана рифмованными стихами на кечуа. Известный миру вариант «Апу Ольянтай» был обнаружен в первой половине XIX века; полный текст драмы был опубликован в 1853 году. Другая драма «Уткха Паукар».

Нельзя не отметить, что ни один из авторов XVI—XVII веков не упоминает в своих сочинениях именно

эти драмы, однако почти все они говорят о большой склонности индейцев к театрализованным представлениям и их очевидных актерских способностях, прямо увязывая данное явление с культурной жизнью Тауантинсуйю.

Отсутствие письма, конечно же, нанесло инкской драматургии, как и устному исторически-литературному творчеству, самый большой и непоправимый урон. Ибо нет и не может быть сомнений в том, что такая выдающаяся цивилизация Древней Америки, как цивилизация кечуа, опиравшаяся на творческий гений своего народа, могла создать драму, подобную «Апу Ольянтай». И не одну, хотя не все они должны были быть кечуанскими «Гамлетом» и «Борисом Годуновым».

Было бы несправедливо лишить читателя удовольствия познакомиться хотя бы с несколькими небольшими отрывками из «Апу Ольянтай». (Перевод на русский язык принадлежит Ю. Зубрицкому.) Вот как обращается к Солнцу верховный жрец инков:

Солнце вечное! Тебе я
Шлю восторгн, изумленье,
За твоим следя движеньем,
Лежа ниц и встать не смея.

Белых лам большое стадо
Будет в праздник твой убито,
Их пожрет костер сердито
В честь тебя! Тебе в отраду!

Как видим, здесь все соответствует установленным инками порядкам: на солнце было запрещено смотреть, и потому ему поклонялись «лежа ниц», в жертву приносились белые и черные ламы (правда, черные ценились выше, ибо у белых лам, как объясняет Инка Гарсиласо, нос был черным), к солнцу уходили через огонь.

Конфликт драмы порожден социальным неравенством: вождь народа Анти полюбил дочь Инки Пачакутека, что считалось богохульством и великим преступлением (особенно после того, как она родила от него девочку). Когда Ольянтай перечисляет свои подвиги, желая напомнить Инке Пачакутеку о своих заслугах, выясняется, что он сыграл важную роль и в разгроме чанков. Но здесь Ольянтай явно переусердствовал:

И, всегда сражаясь смело,
Я тебя владыкой сделал
Над бескрайнею страною.
Ты мне дал награды, Инка,
Дал высокие отличья,
Я обрел в тебе величье.
Но, как прежде, я пылинка,
Я ничто перед тобою.

Но правители не очень любят, когда им напоминают о чужих подвигах и заслугах. Так оно и случилось: Пачакутек не простил святотатства, и Ольянтай вынужден бежать, чтобы спасти свою жизнь. Драма заканчивается благополучно для главных героев, им помогает смерть Пачакутека.

Интересная деталь: не забыта в драме и концепция о миссионерской деятельности сынов Солнца.

Драма «Апу Ольянтай» своим фактологическим материалом не противоречит тому, что мы сегодня знаем о царстве инков. Более того, вся духовная атмосфера драмы настолько близка к той картине, которая вырисовывается со страниц хроник, что трудно усомниться в подлинности этого произведения.

Отсутствие письма у инков привело к потере еще одной и достаточно реальной возможности сохранить хотя бы частично образцы исторического литературного творчества периода Тауантинсуйю. Речь идет об отсутствии у инков и других кечуа навыка письма. Утверждать по-

добное дает нам право история и характер конкисты древних майя. Жречество и знать майя умели писать, ибо у них было свое письмо. Видя, как сгорают на кострах аутодафе священные рукописи, майя не побоялись переписать латиницей свои книги, чтобы сохранить их от уничтожения. Так до нас дошли «Книги Чилам-Балам».

Между тем, если исключить драму «Апу Ольянтай», в сфере профессионального литературного творчества инков имеется такая зияющая пустота, что невольно зарождается мысль и даже убеждение: сынам Солнца перенесение на бумагу их произведений должно было казаться святотатством и страшным преступлением. Только так можно понять и объяснить, почему никто из инков даже не попытался записать свои таки, когда были еще живы и сами инки, и их «машины памяти».

Но вот под ударами стальных мечей конкистадоров, в пламени костров аутодафе рухнуло царство Тауантинсуйю. Междоусобная война и европейское завоевание унесли жизни сотен тысяч верных слуг инки. Среди них находились и запоминальщики, которым сыны Солнца, слишком уверовавшие в свое всемогущество, доверили хранение одного из самых главных, самых важных и, несомненно, самых прекрасных проявлений культуры великого индейского народа кечуа.

Не позаботились о сохранности духовной культуры завоеванного ими народа и новые хозяева страны. Одним было не до этого — они едва успевали воевать и разрушать. Другие, сами неграмотные и темные люди, просто не поняли, что, помимо золота, в мире есть нечто не менее ценное. Третьи все понимали, но они затем и пришли, чтобы освободить Новый Свет от подобной нечисти и дьявольских проделок. Они были потрошителями ереси и потрошили все, включая самих «неверных», ради торжества истинной веры...

Когда же кое-кто из испанцев и метисов, таких, как Инка Гарсиласо, спохватился, было уже поздно. «Память дарит мне одну подобную песню», — с тоской и горечью напишет хронист в своих «Комментариях».

Только одну из тысяч! Печальный урок преподала история всему человечеству на примере инков-прагматиков.

Но народ кечуа, творец и созидатель своей высокой культуры, вопреки жестоким преследованиям пронес через пламя конкисты и годы колониального гнета велико-

лепные образцы своего творчества периода Тауантинсуйю, ставшие неотъемлемой частью культуры перуанского народа, его богатого и прекрасного фольклора.

Вот та единственная песня, которую сохранила память хрониста из Куско. Это аравн, жанр любовной лирики, исполнявшейся в сопровождении флейты:

Рядом, близко
Ты заснешь,
В полночь
Я приду.

Гуаман Пома также приводит уникальные примеры песен индейцев Тауантинсуйю, в том числе и ритуального характера: «Творец Человека, Творец Пищи, Начало Мира Уиракоча, Бог, где ты? Освободи свои воды, пусть для нас пойдет дождь».

Рядом с этой мольбой, носившей сугубо практический характер, стоит стихотворение «концептуального» плана. В нем пример философского осмысления причин вторичного порядка, приводящих в действие явления природы (как их понимали инки). Его сохранил для нас Инка Гарсиласо:

Брат принцессы,
Забавляясь,
Разбивает
Дно кувшина,
И отсюда
Грохот грома,
Вспышки молний.
Ты, принцесса,
Шлешь нам воды
Струй небесных,
Иногда же
Градом сыплешь,
Снегом сыплешь.
Нас создавшим,
Давшим жизнь нам
Виракочей
Был, принцесса,
Вечный жребий
Твой назначен.

(Перевод П. Пичугина)

Инки сумели придать вид торжественного праздника своим трудовым повинностям, в частности севу и сбору урожая. В них принимало участие все население империи, включая сапа инку. Правда, у сынов Солнца было собственное поле — Колькампата. Именно здесь, взрыхлив землю священной для инков земли Куско своей такльей — ручной мотыгой с упором для ноги, Инка высевал первое зерно кукурузы. Здесь же правитель срывал первый початок. Это был важный и обязательный ритуал инкского язычества.

Работа на полях Солнца и Инки была коллективной, а трудовые песни исполнялись хором. Работать были обязаны лишь сами пурехи, но они выходили на поле

вместе со своей семьей — песня отразила и это. Хор мужчин пел основной куплет. Женщины и дети исполняли припев.

Мужчины: Эй, победа! Эй, победа!
Вот мотыга, здесь борозда!
Льется пот, устали руки!
Припев: Хвала, мужи, хвала!

Собрав нехитрый инвентарь, пурехи возвращались в свое селение, хором восхваляя доброту, благородство, сердечную заботу великого правителя о простом человеке.

Впрочем, так ли все это было в реальной жизни государства инков, покорившего десятки царств и народов?..

Рассказ пятый:
КИПУ ЛЕТИТ К ЕДИНСТВЕННОМУ

— Дома с парусом плывут. Виракочи к нам идут.

Слова были знакомые, похожие на стих, — так всегда легко запоминать, но что-то чужое и страшное своей необычностью звучало в них. Может быть, он что-то напутал? Нет, слова запомнились легко, и повторять их было легко. Только в них не было ритма бега, и это было необычно. Те, кто придумывал слова, всегда точно подбирали их к ритму бега. А в этих, похожих на стих, не было ритма: их приходилось рвать на части, чтобы бежать, бежать, бежать. Хорошо еще, что они сразу же запомнились.

Знакомые слова, только непонятные: «Дома с парусом плывут. Виракочи к нам идут». Но дома не плавают, плавают плоты с парусом и без паруса. Он их сам видел, когда однажды служба заставила его спуститься с гор. Там было жарко и страшно — столько воды никто и никогда не видел в его айлью. Вся община за всю свою жизнь не видела столько воды. А он видел и гордился этим...

Бежать осталось не так уже много: за поворотом начнется спуск, потом еще один поворот, и кто-то другой будет повторять эти странные слова: «Дома с парусом плывут. Виракочи к нам идут».

Сумочка, в которой лежало кипу-сообщение, казалась почти пустой. Она была пурпурного цвета, цвета Единственного. Никто, даже самый большой камайок, не смел ни на мгновение задержать часки, на груди которого горел знак самого сапа инки. Кураки и даже сыны Солнца расступались перед гонцом-часки со знаком Единственного. Жаль, что дорога безлюдна: он не увидит испу-

гаиные лица прижнмающихся к обочине людей. Некому крикнуть, и эхо не повторит в горах только одно слово, приводившее в трепет все Четыре стороны света: «Сапа-а-а!»

Нет, ему не нравилось пугать людей. Зачем? Каждый, кто вышел на дорогу инки, был занят не своим, а общим делом. Дорога была для тех, кто, как он, выполнял важные поручения. Сегодня он нес послание Единственному, и все должны уступать ему дорогу. Завтра он сам уступит дорогу часки с пурпурной сумочкой. Зачем же пугать людей?..

У поворота кончался последний подъем — дальше дорога пойдет под уклон, за два полета стрелы до поста часки она станет ровной, как отшлифованный камень, и камни, из которых сложена дорога, будут большими, гладкими. Здесь он передаст сумочку Единственного и будет повторять прямо на ходу эти странные слова.

Добежав до поворота, часки сплюнул зеленую от листьев коки вспенившуюся слюну и словно на крыльях полетел по плавно спускавшейся вниз ровной дороге. Он уже видел каменное здание поста, рядом с которым на платформе дымил сигнальный костер, маленькие фигурки людей, шевелившиеся между домом и костром, наконец он разглядел того, кто уже ждал его на дороге, чтобы продолжить стремительный полет к священному городу Куско. Громко, теперь уже в полный голос, стараясь приспособить к ритму своего бега такие неудобные слова, он повторял их снова и снова, словно боялся, что они ускользнут от него в самый неподходящий момент.

Он убежал от станции на целый полет стрелы, пока часки трижды, как полагается, без запинки повторил эту проклятую фразу. Вернувшись трусцой к станции, он лег прямо на траву, закрыл глаза рукой от подымавшегося все выше и выше палящего солнца и попытался заснуть. Но усталость (с посланием Единственного часки бежали из последних сил) и листья коки, которые он начал жевать с того самого момента, как дозорный увидел сигнальный дым, отгоняли сон. Он никак не мог забыть эту непонятную, так страшившую его фразу, хотя прежде с ним никогда не случалось подобного. Передав сумочку-эстафету и выкрикнув ключевое слово, он сразу же терял его, словно оно осталось лежать там, вместе с кипу. Вдруг он с ужасом увидел, как из пурпурной сумочки Единственного к небу устремился дым, но это был уже сон...

Сигнальный дым, как всегда, появился неожиданно. Ждешь его, ждешь, а появляется он, когда хоть на мгновение забудешь о нем. Дым медленно выполз из глубокой впадины между вершинами двух гор, ближняя из которых закрывала пологим склоном эстафетный пост, именно оттуда сегодня утром уже пришло послание.

Дым был желто-бурым, а это означало, что часки снова принесет послание Единственному.

Взяв охапку тонких ветвей, что лежали огромной горкой справа от костра, часкикамайок стал осторожно укладывать их на маленькие язычки пламени, которое никогда не угасало, — он отвечал за это, как и за все, что случалось на посту. Убедившись, что пламя, разгораясь, дает хороший густой дым, начальник поста взглянул на молодого часки, спавшего прямо на земле между костром и домом. Ничего не поделаешь, придется подымать именно его. Он успел поспать больше, чем остальные. Шесть эстафет за несколько часов, такого он не помнил за годы долгой службы на посту. А у него было только пять часки, вот и приходится подымать того, кто пришел сюда первым. Он больше других отдохнул.

— Вставай, эстафета Единственного. — Часкикамайок хотел потеребить за плечо молодого часки, но не без удивления увидел в упор смотрящие на него широко открытые глаза. — Вставай!

Можно было и не повторять приказ: при слове «Единственный» бегун уже был на ногах. Он даже успел заложить в рот пару листьев коки, поспешно разжевывая их, чтобы побыстрее испытать живительную силу их сока.

Но напряженная готовность внезапно сменилась недоумением. Камайок поднял и показал рукой на север, где все выше и выше подымался огромный столб дыма.

— Побежишь дальше на юг. Все часки ушли на север. Ты первый пришел, первым уйдешь. Иди на дорогу, — добавил он с едва заметной теплотой в голосе: юноша был из одного с ним айлью и давно нравился ему.

Часки не любил дорогу на юг. Она была тяжелой, особенно две длинные лестницы, на которых трудно дышать. Правда, ему довелось только дважды бежать по ней, но он слишком хорошо помнил эти лестницы. Вот и сейчас, прыгая по высоким ступеням, он начинал чувствовать, как сбивается дыхание. Хорошо еще, что ушли те чудные слова и нужно было помнить только...

Три воина-инки с длинными копьями шагнули на него с верхней ступени. Он не видел их лиц, но отчетливо различил короткие прически под боевыми конусообразными шлемами. Они нырнули вниз, но наверху снова стояли три силуэта с длинными пиками на плечах. Так повторилось еще несколько раз, пока расстояние между часки и спускавшимися по лестнице воинами не сократилось настолько, что следовало что-то предпринять.

И тогда он вспомнил, что должен крикнуть им только одно слово. Но дыхание перехватило, и крика не получилось. Вдруг часки увидел, как воины расступаются, и в тот же миг услышал многоголосо повторяющееся: «Сапа-а-а!»

Теперь он бежал по ступеням лестницы посреди живого кори-

дора, и, хотя воины-стены распахивались перед ним, нет, перед пурпурной сумочкой Единственного, было очень трудно подниматься вверх. После лестницы, он хорошо помнил, будет широкая площадка, откуда открывается неповторимо прекрасный вид на многие сотни полетов стрелы...

Еще одна, еще одна, еще... а вот и последняя ступень. Но вся площадка была заполнена воинами, и часки растерялся, он не знал, не видел, куда бежать...

Желтые, зеленые, голубые, коричневые и красные полосы и квадраты плащей-накидок стояли перед ним, казалось, неодолимой стеной. Длинные копья с колыхавшимися на ветру флажками-штандартами, бронзовые топорики на длинных рукоятках, огромные, словно клыкастые маканы, луки с торчащими из колчанов мохнатыми стрелами дополняли эту неповторимую картину, казавшуюся чем-то нереальным на фоне синего, уже темнеющего вечернего неба, опиравшегося прямо на белые гребни застывших горных вершин.

Часки казалось, что он стоит уже целую вечность, но чьи-то руки бережно, хотя и с решительной настойчивостью, подталкивали его, помогая преодолеть внезапно охватившее оцепенение. И только когда площадка сузилась и опять стала привычной дорогой, он понял, что все это время не останавливался, а бежал, и воины на площади с почтением и страхом уступали ему, гонцу Единственного, дорогу.

Дорога пошла под уклон. Теперь он видел ее на много полетов стрелы, видел и не узнавал: навстречу медленно ползла, вздрагивала, шевелилась гигантская змея из человеческих тел. И опять ему уступали дорогу, и опять он бежал среди нескончаемого потока человеческих тел. И только у большого висячего моста, переброшенного через пропасть, на дне которой пенилась белая струйка реки, он с особой силой ощутил всю великую важность того, что было поручено ему, простому пуреху, сыну пуреха: мост был свободен только для него одного.

Плетеные толстые канаты, сложенные вместе в несколько рядов, вздрагивали при каждом прикосновении его легких ног. Даже при переправе тяжелых вьюков канаты совсем не провисали. Идти по мосту размеренным шагом воина либо переносчика грузов было приятно, а вот бежать, и бежать совсем одному, часки показалось страшновато. Но он бежал, широко расставив руки, как это делают канатоходцы. Высокие, сплетенные из канатов перила не прятали от путников ужасающую глубину пропасти, но часки некогда было смотреть по сторонам.

К посту он прибежал весь забрызганный зеленой слюной. Передав сумочку и трижды повторив одно только слово «ушли», часки упал прямо на выложенную ровными плитами дорогу...

Он не почувствовал, как чужие рукн переиеслн его в дом и бережно уложили на твердый матрац нз сухой травы. Ему предлагали пить, но часки молчал, не реагнруя на слова. Потом все куда-то ушли, а он лежал неподвижио н с нарастающим ужасом иаблюдал, как из пурпурной сумкн Едниственного огромиымн клубамн вырывался снне-красиый дым войиы...

Только через два дня старшнй камайок разрешнл уже оправнвшемуся молодому бегуну вернуться на свой пост. Но сумочку часкн ему все же далн.

Глава VI

НЕПРОНУМЕРОВАННЫЕ ЧУДЕСА СВЕТА

СТРОИТЕЛИ

Как известно, только семь чудес, рожденных гением человека, удостоились чести быть пронумерованными, чем обессмертили себя и своих создателей. Однако такая инвентаризация чудес никак не может претендовать на полноту охвата всех выдающихся творений даже античного мира и Старого Света в целом, не говоря уже о других регионах нашей планеты.

Сыны Солнца, равно как и пришедшие на земли Тауантинсуйю испанцы, в том числе не обученные грамоте, хорошо умели считать. Испанцы, например, пронумеровали все реки одной из провинций Аргентины, которые по сей день так и именуются: Первая, Вторая, Третья и так далее. Но ни сынам Солнца, ни испанским завоевателям по неизвестным нам причинам даже не пришло в голову использовать столь простой и, как показывает время, высоконадежный способ зачисления в пользующиеся мировой славой творения человека творения индейцев кечуа.

Вот так и остались непронумерованными подлинные чудеса достижений художественной и технической мысли, неповторимо прекрасного искусства индейских мастеров из Тауантинсуйю, о которых, к великому сожалению, действительно мало что знают, особенно в Европе.

Это дает нам право взять на себя смелость познакомить читателя хотя бы с некоторыми из не имеющих себе равных чудесами Тауантинсуйю, созданными руками человека.

Бесспорно, что на первом месте среди чудес Тауантинсуйю стоят дороги, целая система широко разветвленной сети пешеходных дорог. Даже сегодня, спустя четыре с половиной столетия, отдельные участки инкских дорог можно не просто увидеть, но и использовать по прямому назначению.

Дорожные магистрали сынов Солнца были пешеходными только по ширине и профилю. Что же касается прочности дорог, то они не имели себе равных. Испанские конкистадоры не раз и не два проверяли их прочность железными подковами закованных в броню боевых коней: дороги легко выдержали это испытание. Но они все же сдались, и сдались человеку, когда он сам

принялся их разрушать. Вначале по тактическим соображениям, и война определяла, где и какой участок дороги полезнее (!) всего разрушить. Затем наступила очередь строителей католических храмов и дворцов для новых хозяев страны. Строители слишком быстро осознали ценность прекрасно вытесанных из прочного камня квадратных и прямоугольных плит, служивших покрытием многих участков инкских дорог.

Так было положено начало. Время довершило остальное, но и оно не сумело разрушить до конца это подлинное чудо света, сотворенное руками простого индейца.

Главные магистрали царства сынов Солнца испанцы назвали на свой лад «королевскими дорогами». Точнее было бы назвать их «дорогами Инки», хотя сегодня трудно сказать, какая часть из существовавших в Тауантинсуйю дорог была построена во времена инков, а какая действовала до их прихода. Однако в любом случае не вызывает сомнений, что основная часть дорожных коммуникаций Тауантинсуйю, а главное — сооружение дорог по определенному и заранее продуманному плану с ясно выраженной задачей общегосударственного масштаба было делом рук правителей из Куско. И как бы мы ни восхищались высоким искусством мастеров-строителей и бесспорными достижениями инженерной мысли, которые нельзя назвать иначе, как выдающимися, все же не они были подлинным чудом номер один. Таким чудом стала идея создания всей гигантской сети дорог, связавшей воедино бескрайние просторы Тауантинсуйю.

Конечно, она, эта идея, родилась не сразу. Не сразу строились и дороги. Более того, какая-то их часть могла возникать вопреки уже намеченному плану, отражая сиюминутные потребности и даже произвольные решения и капризы правителя страны. Но то, что было построено и стало реальностью, поражает прежде всего своей целесообразностью, рациональностью, конкретностью ответа на ту жизненно важную необходимость, без удовлетворения которой царство инков не могло просуществовать сколько-нибудь длительное время. Именно необходимость, далекая от добродетельных миссионерских устремлений и побуждений сынов Солнца, стала той реальной силой, которая заставила инков построить свои чудо-дороги. Но нужно было обладать непоколебимой верой во всесокрушающее могущество разума и трудовых усилий человека, чтобы воплотить в жизнь это

гигантское сооружение, гигантское и титаническое без всяких преувеличений!

Можно было верить в божественное происхождение своих предков, можно было внушать эту мысль своим и чужим подданным и даже самим себе, можно было взывать и обращаться за помощью к своему божественному Отцу-Солнцу, однако при этом и вопреки всему этому все свои надежды, реальные устремления и конкретные задачи следовало искать и уметь находить только в самом человеке.

Трудно понять, как инки могли решиться на подобное строительство, но дороги были сооружены за жизнь двух поколений. Конечно, в реальной действительности все выглядело гораздо проще. Скорее всего самый «гигантский» из конкретных планов строительства мог определить участок дороги длиною в несколько десятков километров, но к концу правления Инки Уайна Капака — хронисты единодушно считают, что именно он и его отец Инка Тупак Юпанки были создателями всей системы инкских дорог, — общая протяженность магистралей и главных дорог составляла, по нашим подсчетам, девять тысяч километров!

К этой цифре, а точнее, к тому, из чего она складывается, мы вернемся позже. Сейчас послушаем тех, кто видел или сам шагал по дорогам Инки в пору их надежной эксплуатации, то есть во времена правления инков или в первые годы колонии.

Королевский казначей Агустин де Сарате, опубликовавший свою «Историю открытия и завоевания провинции Перу» еще в 1555 году, пишет: «Когда этот Гуайнакава отправился из города Куско со своим войском в провинцию Киту, что составляет расстояние почти пятьсот лиг, поскольку он шел по горным цепям, перед ним возникали большие трудности в их преодолении по причине плохих дорог и огромных теснин и обрывов, которые встречались в горной цепи на его пути. И поэтому индейцы, считая, что было бы справедливо построить для него новую дорогу, по которой он победоносно возвращался бы после завоевания, ибо он должен был покорить провинцию, построили через всю кордильеру очень широкую и ровную дорогу, взламывая и выравнивая утесы, где в том имелась необходимость, и выравнивая, и поднимая дно ущелий каменной кладкой так высоко, что иногда сооружение подымалось с глубины в пятнадцать и двадцать ростов, и так тянется эта до-

рога на протяжении пятисот лиг. И говорят, что, когда ее закончили, она была такой ровной, что по ней могла ехать карета».

Когда же Уайна Капак — Гуайнакава, как пишет Сарате, — вновь направился в царство Кито, индейцы построили для нового путешествия Инки «другую дорогу» вдоль Тихоокеанского побережья, которая местами была выложена «очень толстыми плитами» и имела «почти сорок футов в ширину от одного до другого края и четыре или пять плит в высоту...»

Здесь требуется небольшое разъяснение. Вторая дорога на Кито проходила по пескам. Только долины многочисленных рек были пригодны для жизни. На этих-то участках дороги как раз и укладывали плиты. Каждый из них был длиной 15—20 километров.

Сьеса де Леон прошел по дорогам Инки многие сотни километров, ибо исколесил всю Южную Америку и как конкистадор, и как путешественник. Он также свидетельствует, что дороги проходили в «труднодоступных и непроходимых горных цепях» и один только вид их «вызывает восхищение». Он был знаком и с дорогой на побережье, которая вызвала восторг хрониста не только размерами, но и ухоженностью: «По одну ее сторону шла стена больше, чем хороший рост, и все пространство этой дороги было чистым и лежало под высаженными в ряд деревьями, а с этих деревьев со многих сторон падали на дорогу их ветви, полные плодов».

«От города Куско идут две королевские дороги или шоссе в две тысячи миль длиною, одна из которых проведена по долинам, а другая — по вершинам гор; таким образом, чтобы построить и построить их такими, какие они есть, было необходимо подымать долины, дробить камни и живые утесы и снижать высоту гор. В ширину они имели двадцать пять футов. Сооружение, которое без сравнения обладает превосходством над постройками Египта и зданиями римлян», — написал итальянец Джованни Ботеро де Бене.

Инки «построили на дороге по горной цепи на самых высоких вершинах, откуда открывается вид на наиболее обширные пространства земли, высокие площадки... где могли отдохнуть те, кто нес носилки, а Инка насладиться открывавшимся со всех сторон видом на те высокие и невысокие горные цепи, покрытые или еще не покрытые снегом, ибо это действительно великолепнейшее зрелище... [Оттуда] виднеются макушки таких высоких гор, что

кажется, что они упираются в небо, и, наоборот, видны такие глубокие долины и ущелья, что кажется, что они достигают центра земли». Это свидетельство Инки Гарсиласо.

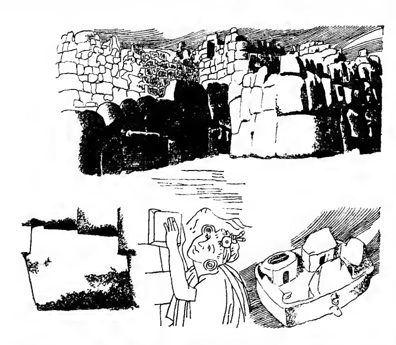
«Они были такими прямыми, — рассказывает о дорогах испанец Гутьеррес де Санта Клара, — что одни лишь их вид казался чудом в те времена... ибо они были больше похожи на хорошо подметенные и вычищенные залы, нежели на королевские дороги, и действительно, то было самым большим творением, которое когда-либо видели в мире, ибо, без сомнений, оно превосходило все творения римлян». Желая дать понять в реально ощутимых измерениях ширину дорог инков, он указывает, что на самых широких участках могли ехать шесть всадников в ряд.

О дорогах инков в восторженных тонах написали не только процитированные нами авторы, но практически все хронисты и историки периода конкисты. Очень высокую оценку дал дорогам знаменитый немецкий ученый и путешественник Александр Гумбольдт. Он считал, что они ничем не уступали дорогам римлян в Италии, Франции и Испании.

Теперь, когда мы знаем, что представляли собой дороги инков, можно вернуться к той цифре, которую мы назвали в качестве их суммарной длины, — девять тысяч километров. Прежде всего она не может считаться точной и предложена нами в качестве условного показателя, позволяющего ориентироваться в данном вопросе. К сожалению, мы не встретили в работах современных исследователей даже попытки приблизительно подсчитать, какова же была суммарная длина всех главных дорог Тауантинсуйю. Их нет даже в специальных исследованиях.

Нет обобщенных данных и у хронистов. Кроме того, они считали свои лиги весьма приблизительно, испытывая при подсчетах очевидную склонность к округлению цифр. Ограничимся только одним примером: почти все хронисты определяют расстояние от Куско до Кито в 500 лиг, что соответствует 3000 километров, поскольку испанская лига равнялась шести километрам. Мы знаем, что существовало две дороги на Кито, и в обоих случаях называется одна и та же их длина, однако это неверно, ибо дорога вдоль морского побережья в любом своем варианте была намного длиннее горной.

Итак, откуда же появилась наша цифра в девять ты-



сяч километров? Оиа возиикла в результате подсчетов, которые опираются, во-первых, иа современные географические карты, а во-вторых, иа специальиые исследоваиия об инкских дорогах. Кроме того, были также учтеиы сведеиия, содержащиеся в хрониках: оии позволили внести иебольшие поправки, подсказаииые во миогом авторской интуицией и слишком крупными расхождениями в самих источниках.

Чтобы читатель получил представление не только о технике подобной работы, но и о длиие иаиболее важных участков инкских дорог — последиее и есть наша главная задача, — мы покажем иа конкретиых примерах, как производились расчеты.

Великолепиые карты составил иемецкий исследователь Струве Эрдмаии. С учетом масштаба мы обсчитали длину всех его дорог, чтобы сопоставить полученные таким путем даиные (трудио поиять, почему сам Струве ие сделал этого) с современными картами отдельных интересующих иас участков. Для этой цели была взята карта автомобильиых дорог.

Первое же сопоставлеиие сразу показало, что дороги инков и совремеииые автомобильные дороги Перу прак-

тически полностью совпадают. В этом не было ничего удивительного: и инки, и современные строители в равной степени были заинтересованы в поисках кратчайших и наиболее удобных путей. Мы не исключаем, что мог иметь место и своеобразный «плагиат»: многие поселения и главные города царств, входивших в состав Тауантинсуйю, сегодня либо продолжают оставаться поселениями и городами, либо являются археологическими зонами и важнейшими центрами паломничества туристов.

Но чисто визуальное совпадение дорог на картах решительно опровергалось расстояниями в километрах, когда мы стали сопоставлять их длину. Инкские дороги порой оказывались чуть ли не вдвое короче современных для автотуристов:

Города	Дороги (расстояние в километрах)		
	инков	современные	разница
Хауха — Аякучо	194	304	+110
Аякучо — Абанкай	190	397	+207
Абанкай — Куско	110	198	+88
Куско — Десагуадеро	498	534	+36

Если последнюю дорогу разбить на два участка, то получается:

Куско — Сикуани	110	141	+31
Сикуани — Десагуадеро	388	393	+5

На отдельных участках разница оказалась слишком велика. Это заставило посмотреть на полученные цифры с позиции рельефа той местности, по которой проходят дороги.

Сам город Куско расположен на высоте 3326 метров. На востоке от него проходят гигантские горные хребты Анд. Здесь могут быть проложены только горные дороги. Примерно так же обстоит дело и в южном направлении, но от Сикуани до Десагуадеро тянется относительно гладкая высокогорная равнина, включающая прибрежную полосу озера Титикака. Вот почему именно здесь на почти четырехсоткилометровом отрезке практически нет разницы в длине инкской и современной дороги.

Между тем и от Хаухи до Куско лежат сплошные

рельефные перепады, о чем говорит высота расположения городов: Хауха — 3411, Аякучо — 2761, Абанкай — 2399, Куско — 3326 метров.

Коиечио, при таких перепадах даже самая широкая пешеходиая дорога получает серьезиые преимущества перед дорогой для колесиого траиспорта, ибо простая лестиица может во миого раз сократить путь через горные перевалы. Между тем древние строители знали и другие формы спрямления дорог.

Все это сокращало расстояиия, ио... ио даже самая пешеходиая из всех пешеходиых дорог ие может так решительио сократить путь, как это получается у нас иа участке Аякучо — Абаикай. Здесь проявилось иесовершеиство прииятого автором метода подсчета, ио поскольку «иаши» дороги Иики всегда короче автомобильных, оии ие преувеличивают общую протяженность построеиных ииками дорог. Это и есть главиое.

С учетом сказанного назовем полученную нами суммариую длиич главиых дорог Тауантинсуйю — 9036 километров. Правда, здесь ие учтеиы (поскольку нам ие удалось устаиовить) самая южная и юго-восточная точки, соедииеииые с Куско иепрерывающимися дорогами. Ииыми словами, иазваииая цифра определяет (и делает это условио) длиич достоверио известных дорог. Она также не включает то, что можио было бы иазвать проселочными дорогами и пешеходиыми тропинками, проложеиными жителями селеиий по своему собствеиному усмотреиию и ради собственных иадобиостей.

Город Пасто — самое дальнее поселение иа севере, с которым был связаи дорогой Инки столичный Куско. Длииа этой важиейшей магистрали составляла 2230 километров. По этой же дороге сыны Солица шли в Кито, Кахамарку, Аякучо, Абаикай и ряд других меиее зиачительных поселеиий.

Крайней точкой иа востоке был город Косньипата — 120 километров. Самая западиая точка, естествеиио, лежавшая иа берегу Тихого океаиа, была представлеиа поселеиием Мала — 690 километров. На юг от столицы вело иесколько дорог. До Тиауаиаку было 550 километров. Далее дорога уходила в иаправлении современного города Оруро и шла еще дальше на юг (или юго-восток). От селения Коибапата отходила на юго-запад еще одиа дорога. Оиа шла через Арекипу (350 километров от Куско) дальше на юг, по-видимому, к землям араукаиов, которых сыны Солица ие сумели покорить. Сегодня

это чилийская территория. Нет точных сведений, до какого именно места доходила здесь дорога.

Примерно такой представляется система магистральных дорог Тауантинсуйю, действительно соединявших все четыре суйю с городом Куско.

Но мы знаем, что из Куско в Кито вели две дороги. Более западная, шедшая вдоль Тихоокеанского побережья, проходила, например, рядом с Тумбесом, принявшим первого на земле инков посла Писарро. Именно по этой дороге в Куско полетели курьеры часки, чтобы сообщить правителю о случившемся.

Магистрали Куско — Кито были соединены между собой поперечными дорогами по меньшей мере в четырех местах, а от горной магистрали у селения Пумпу отходила на северо-восток еще одна дорога, заканчивающаяся в Мойобамбе.

Мы видим на этом конкретном примере, что речь действительно идет о хорошо продуманной системе дорог, которые соединяли наиболее важные в стратегическом отношении пункты страны. Дороги не просто дублировали друг друга, но и создавали запасные подходы к важным пунктам, чтобы в случае необходимости можно было стягивать войска для очередной военной кампании, равно как и атаковать эти пункты с разных сторон, если бы местные жители вздумали поднять бунт против сынов Солнца.

Не все девять тысяч километров дорог имели специально изготовленное покрытие. Строители-инки умели и активно использовали все, что предлагала сама природа, та земля, по которой прокладывались дороги. На песчаном побережье океана плиты не укладывались. Там строители искали наиболее твердые участки земли, соединяя их в общую магистраль. Не укладывались плиты и на скальные породы: строители «просто» вырубали на склонах гладкую полосу-дорогу.

Но та же природа возводила на их пути непреодолимые препятствия. Их было особенно много в высокогорных районах страны, сплошь утыканных недоступными снежными вершинами и изрезанных глубокими ущельями и пропастями. Однако именно здесь проживала бо́льшая часть населения царства, здесь были сосредоточены главные города и ритуальные центры, здесь же ощущалась самая острая нужда в хорошо налаженных коммуникациях.

Разработка комплексной системы преодоления столь

сложных препятствий, без чего имперские магистрали оставались бы лишь дорогами местного значения, была еще одним чудом Тауантинсуйю. Но описывать все эти сооружения — дело неблагодарное и малоинтересное. Мы ограничимся лишь перечислением основных элементов соединения дорог, которыми пользовались инки.

Прежде всего следует назвать мосты. Их было три типа: каменные виадуки (иногда с настилом из стволов деревьев), плетеные висячие мосты и канатные дороги с подвесной корзиной, в которой переправлялся груз или пассажиры, — своеобразный инкский фуникулер.

Если дорога шла прямо по склону горы и ей мешала скала, инки прорубали туннель. Насколько мы можем судить, туннели строились редко; длина каждого из них исчислялась метрами.

Дороги шли непосредственно по склонам гор, для чего прямо в скале вырубался своеобразный тротуар. Строители очень точно определяли оптимально удобную высоту, позволявшую обходить гору по самому целесообразному маршруту, относительно короткому, учитывавшему места наиболее легких стыковок с другими участками дорог, крутизну подъемов, а также безопасность движения. Все расчеты отличались исключительной точностью, что заставляет предположить, что при строительстве дорог инки пользовались картами-макетами местности. Об этих картах, на которых было зафиксировано буквально все, вплоть до последнего дерева, рассказали хронисты. Правда, они писали, что карты использовались для изучения завоеванных инками новых земель, а не для строительства дорог.

Инки пользовались паромными и лодочными переправами; строили из камыша, хвороста и другого материала своеобразные понтонные переходы, особенно в заболоченных местах.

В систему инкских дорог составной и важной частью входили так называемые «тамбо» — «постоялые дворы», в которых отдыхали, получали пищу и могли сменить или починить испортившееся обмундирование воины и все те, кто путешествовал, естественно по заданию властей, по этим дорогам. Центральная и лучшая часть тамбо считалась «царской», ею мог пользоваться только сапа инка. В тамбо хранились огромные запасы продовольствия, военной амуниции и оружия. Близлежащие общины и кураки селений несли ответственность за обеспечение тамбо всем необходимым в заранее уста-

иовленных количествах. За недосдачу того, что полагалось, курака и другие камайоки расплачивались своей головой.

Интересная деталь, ярко характеризующая ииков: местные жители изготавливали и сдавали на храиение в тамбо только тот вид оружия, который являлся для иих традициоиым и в изготовлении которого они проявляли подлинное мастерство.

Число воинов, которых можно было одновременно принять и обслужить в одном тамбо, не совпадает у хронистов. Оио колеблется в несопоставимых пределах: от нескольких сотен до сотен тысяч. Столь существениое различие, видимо, объясняется тем, что разные тамбо строились для разных целей и потому их возможности не были одииаковыми.

Тамбо возводились вдоль дорог иики примерно через каждые 20—25 километров. В этом случае, если исходить из наших подсчетов, число тамбо приближалось к пятистам. Даже в пустынных и незаселенных райоиах империи, где снабжение было само по себе трудным делом, инки также строили свои «постоялые дворы». Здесь было где разместить практически любое количество воинов, но обеспечить их хотя бы пропитанием являлось сложиейшей задачей. С другой стороны, в труднопроходимых горных массивах, когда сама дорога иногда являлась единственным местом, где люди могли относительно нормально разместиться на привал (например, в Паредонесе есть руины тамбо на высоте более четырех тысяч метров над уровнем моря), возведеиие жилых помещений, способных принять несколько тысяч человек, было невозможно. Их, эти помещения, просто негде было поставить.

Дороги связывали между собой наиболее важиые поселеиия и крепости страны. Но тогда получается, будто дороги проходили через эти города, что противоречит запрету воинам появляться под страхом смертной казни в любых иаселенных пунктах царства. Кроме того, если бы дороги действительио проходили через города, было бы проще строить тамбо на их окраинах, ио таких даииых нет. С учетом всех этих неясиостей и противоречий следует предположить, что большинство тамбо было в осиовном хранилищами и в меньшей степени «постоялыми дворами». Ибо инки просто не могли допустить, чтобы их войско укладывалось спать через каждые 20 километров пути; с такими обленившимися воииами

ничего не завоюешь. Сыны Солнца были слишком радивыми господами, чтобы допустить подобную расточительность и бесхозяйственность. Отсюда следует, что тамбо обслуживали главным образом самих сынов Солнца и кураков, а основная масса воинов ночевала и отдыхала прямо на дороге, ибо даже сыны Солнца, как мы помним, обучались этому занятию воинов и мужчин.

Вместе с тем были и большие тамбо, способные дать ночлег нескольким тысячам человек. Скорее всего именно они стояли относительно близко — на расстоянии дневного перехода — от самых крупных поселений. Они же были самыми крупными по запасам провианта, одежды и оружия, поскольку эти тамбо обслуживало многочисленное население.

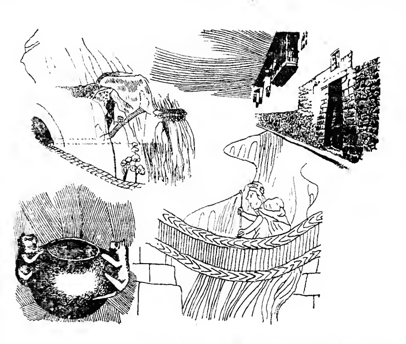
Что же касается запрета воинам показываться в поселениях, то допустимо, что такой закон распространялся на воинов-одиночек, а не на шагающие в колоннах вместе со своими камайоками боевые отряды сынов Солнца.

И последнее. Сыны Солнца вполне могли приказать построить «постоялый двор» на несколько сот тысяч человек. Но они не были бы сынами Солнца, если бы отдали такой приказ, лишенный самого элементарного смысла.

Но в Тауантинсуйю все же было одно бесспорное чудо, оставлявшее впечатление бессмысленной траты человеческого труда. Оно дошло в полной неприкосновенности и великолепной сохранности до наших дней. Это знаменитый двенадцатиугольный камень из кладки фундамента одного из дворцов Куско.

Когда впервые видишь этот камень, испытываешь невольное восхищение воистину чудесным образцом инкского строительного мастерства, великолепного искусства индейских каменотесов. Но через некоторое время возникает вполне разумная мысль о том, что, по-видимому, инки-строители мучились от безделья, коль скоро позволяли себе таким бессмысленным образом убивать рабочее время. Действительно, кому, а главное, зачем нужен в кладке стены-фундамента подобный многоугольник, вес которого измеряется тоннами?

Если же к этому добавить, что камни фундамента подогнаны и уложены с такой тщательностью, что между ними не просунешь и лезвие бритвы, то видимая и даже осязаемая на ощупь бессмысленность подобного



строительного изобретения, на реализацию которого было истрачено огромное количество человеческого труда, обретает характер чудовищной и ничем не оправданной расточительности. Она чем-то напоминает труд по заполнению бездонной бочки водой.

Но камень с двенадцатью углами — только самый многоугольный, но отнюдь не единственный в кладках большинства крупных сооружений кечуанских городов. Почти во всех кладках есть свои камни-многоугольники, а это уже явление, некая закономерность. Напрашивается законный вопрос: если мы имеем дело с определенным явлением, оно было чем-то вызвано и должно иметь свое объяснение, но какое?

Пониманию и объяснению проблемы многоугольных камней в кладках инкских фундаментов помог другой прием индейских строителей, первоначально также показавшийся примером отсталости технической мысли зодчих сынов Солнца: они не пользовались цементирующим составом. Между тем даже более ранние индейские цивилизации Нового Света, в том числе располагавшиеся на территории Тауантинсуйю, использовали свой цемент.

Чем же объяснить тогда эти странности? Самым убедительным доказательством того, что инки-строители ведали, что творили, стали... землетрясения, которые в районе Куско не заставляют томиться в долгом ожидании.

Нужно сказать, что для перуано-боливийского высокогорья землетрясения — вещь обыденная, повторяющаяся настолько часто, что люди порой не замечают их, особенно слабые толчки. Но наступает момент, когда земля начинает ходить под ногами. Вот тут-то и выясняется, что многоугольный камень без цементирующего раствора обладает удивительной сейсмоустойчивостью. Храмы, дворцы и дома сынов Солнца спокойно покачивались даже при относительно сильных толчках, от которых испанские сооружения, построенные на европейский лад из того же камня, выломанного из инкских зданий, разваливались прямо на глазах у пораженных этим чудом испанцев.

Правда, все зависит от силы подземных толчков. Мы помним, что уже в наше время, в 1970 году, на Перу обрушилось страшное землетрясение, перед силой которого не устояли никакие сооружения, созданные человеком.

Многоугольный камень, хитроумно расположившийся в кладке фундамента, надежно скреплял своими четко вырубленными выемками и выступами-углами уложенные рядом другие каменные громады. Точно подогнанные друг к другу, они были прочно скреплены собственной тяжестью. Не бессмыслица, а выдающаяся инженерная мысль была заложена в знаменитом двенадцатиугольном камне, по сей день украшающем бывшую столицу инков.

На севере от Куско расположилось еще одно чудо. Это главная крепость сынов Солнца Саксайуаман. Она стоит там и сегодня на скалистом холме. Крепость была соединена с городом туннелями, один из которых, как утверждают хронисты, выходил прямо на территорию храма Кориканча, другой кончался где-то в горах. Собственно крепостью были три башни с подземельями, расположенные на ровной, возможно, специально выровненной вершине холма. Они были окружены стенами.

Между прочим, главной причиной разрушения башен и подземелий Саксайуамана стали не военные действия, а слишком настойчивые, долгие, но безуспешные пои-

ки испанских завоевателей, которые рассчитывали именно в крепости обнаружить бесследно исчезнувшее золото Инки.

(Правда, официально крепость Саксайуаман разрушалась колониальными властями по соображениям военного характера, ее камни использовались для возведения домов и церквей: не пропадать же зря такому великолепному строительному материалу.)

Почти все хронисты единодушны в том, что крепость Саксайуаман сооружалась в течение 77 лет с несколькими перерывами. Ее строили сотни тысяч индейцев. Только сооружение одной из трех сторожевых башен потребовало 30 тысяч рабочих рук. Строительство закончил Уайна Капак, а начал строить Саксайуаман еще Инка Пачакутек. Большая же часть крепости была возведена Инкой Тупаком Юпанки, фактическим создателем крепости.

Но самым невероятным и в этом смысле чудесным сооружением крепости Саксайуаман были и остаются по сей день ее стены. Многие испанцы искренне считали, что не люди, а сам сатана возвел их в долине Куско. Сегодня, когда про сатану стало не совсем удобно говорить, есть немало людей, со всей серьезностью утверждающих, что стены крепости могли построить только... инопланетяне. И главным аргументом в пользу подобного утверждения являются каменные монолиты, из которых они сложены. Судите сами: некоторые из монолитов весят сотни тонн!

Действительно, как, каким образом укладывались в крепостные стены подобные «кирпичи»? Как доставлялись к месту строительства эти каменные глыбы, «целые скалы», как их называют хронисты, если индейцы кечуа не знали колеса, а каменоломни находились не в одном десятке километров от города Куско?

Ведь индейцы не знали железа и стали, не имели быков для доставки камней, да и нет таких быков, которые смогли бы перевозить подобные громады. Их тащили люди с помощью канатов по неровным дорогам, тащили десятки километров. Одну такую скалу индейцы назвали усталой, ибо она так и не добралась до своего места. И еще: трудно даже представить, как строители подгоняли друг к другу столь огромные камни, ибо их приходилось много раз примерять, а для этого столько же раз подымать и прикладывать один камень к другому...

Но есть еще один вопрос, на который ответить куда труднее: из чего исходил автор проекта крепости Саксайуаман, когда предложил свой вариант ее постройки, страдающий, мягко выражаясь, гигантоманией? Как инки, поражающие даже нас, жителей XX века, своим практицизмом, возведенным в степень закона их повседневной жизни, как инки согласились на такой проект и даже реализовали его на практике?

Конечно, в Тауантинсуйю у сынов Солнца хватало врагов. Были они и за пределами Четырех сторон света, особенно во времена Пачакутека и Тупака Инки Юпанки. Хватало и тех, кто искренне сомневался во всей этой истории с сынами Солнца, которую так настойчиво и убедительно (особенно если учесть, что одним из главных средств убеждения был многопудовый камень, который сбрасывали на сомневавшегося с высоты двух человеческих ростов) пропагандировали инки. Все это так, однако против какого оружия, против какого вооружения, против каких родов войск были построены гигантские стены крепости Саксайуаман? Даже если в данном случае мы имеем гипертрофированный пример воплощения в жизни народной поговорки, утверждающей, что «у страха глаза велики», размеры уложенных в стены Саксайуамана монолитов все равно требуют еще каких-то дополнительных объяснений.

Эти стены стоят и поныне. Их не могли разрушить испанцы. Их не свалили самые страшные землетрясения. Даже время оказалось бессильно перед ними. Может быть, именно в этом и скрывается ответ на все многочисленные вопросы, неизбежно возникающие при одном только виде крепости Саксайуаман?..

Но не будем спешить снимать шляпу перед удивительной прозорливостью тех, кто спланировал подобный памятник сынам Солнца. Ибо это памятник не инкам, а Человеку, памятник труду, способному преодолеть непреодолимое, памятник терпению, настойчивости, умению отдать все силы для решения любой, самой трудной задачи. Это памятник тысячам и тысячам рук, стертых в кровь канатами, изрезанных шипами скал и камней, раздавленных сорвавшимися глыбами-монолитами, памятник рукам простого пуреха, главного и единственного производителя всех работ в Тауантинсуйю.

И только им хвала и вечная слава!

Крепость стоит на высоком холме, на склонах которого начинаются строения самого Куско. С этой стороны

у крепости только одна стена, сложенная из хорошо обработанных камней одинакового размера. Отсюда было трудно ожидать нападения. По другую сторону холма, где лежит широкая равнина, возведены расположенные одна за другой три крепостных стены. Первая из них сложена из самых больших камней. Они-то и делают все сооружение невероятным, наводившим ужас на всякого, кто во времена инков имел возможность увидеть их.

В каждой стене имелся проход, который закрывал подъемный камень. Первая стена называлась Тиупунку — «песчаные ворота» (при ее строительстве использовали песчаник); вторая — Акавана Пуику по имени Акаваны, главного мастера, построившего ее; третья — Виракоча Пуику в честь Виракочи.

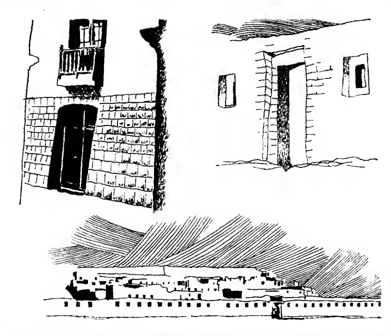
Теперь о башнях-крепостях. Главную называли Мойок Марка — «Круглая крепость». В ней находился источник питьевой воды. Инки хранили в тайне, как и откуда доставлялась туда по подземным трубам вода. То была крепость сапа инки. Инки утверждали, что все ее стены были отделаны золотом, как коврами.

Две другие башни были квадратными и предназначались для гарнизона крепости. Воинами в крепости могли быть только инки по привилегии, а все ее службы возглавляли сыны Солнца.

Под башнями были построены сооружения, как бы повторявшие те, что стояли на поверхности. Они соединялись великолепно построенными «улицами», которые образовывали настоящий лабиринт. Незнакомый с ним человек не мог выйти оттуда без проводника. Мальчиком Инка Гарсиласо вместе со своими однолетками часто играл на развалинах крепости. «Мы решались заходить лишь в те части сохранившегося подземелья, в которые проникал свет солнца, чтобы не заблудиться там», — пишет он.

В строительстве крепости отличились четыре главных мастера. Четвертого и последнего звали Калья Куичуй. Это при нем принесли «уставший камень». Индейцы рассказывали, что «по причине огромного труда, который был затрачен на его доставку, камень устал, и заплакал кровью, и не смог дойти до сооружения».

Но индейцы знали об этом камне другую правду: на одном из склонов камень вырвался из рук тех, кто удерживал его с помощью канатов, и покатился вниз прямо на тех, кто его тянул вперед. Камень убил три или



четыре тысячн идейцев, направлявшнх его движеиие.

Свндетельства хронистов о крепостн Саксайуаман и ее стронтельстве совпадают. Но иам показалось этого мало. Уж очень трудио воспрниимаются ее громады. Кроме того, отдаленность во времени всегда порождает элемент некоторого недоверня. (Как известио, в детстве все кажется такнм большим!) А тут не два и не три десятка лет, а четыре века — расстояиие слишком большое н потому еще менее надежное для восприятня. К тому же крепость вндели и о ней рассказали совсем непохожие иа нас люди...

Однако стены Саксайуамаиа — сегодияшняя реальность. Поэтому мы решилн прнвлечь в качестве свидетеля нашего современника, человека, который, нзучив историю н культуру кечуанского народа, освоив его язык, однажды сам пришел к этим стенам. Пусть он даст свои показания. Итак, слово предоставляется Юрню Александровичу Зубрнцкому, имя которого уже знакомо чнтателю. Ознакомнвшись с рукописью этой главы, Юрий Александровнч напнсал:

«Людям свойственно уднвляться тому, с чем они

сталкиваются впервые. В случае с Саксайуаманом и с самым знаменитым из его камней, уложенных в крепостную стену, все было совсем по-другому. Я не только видел этот гигантский камень (правда, на фотографиях), но и точно знал его размеры, вес, цвет и даже химический состав. Знал, как он был доставлен к Саксайуаману, сколько индейцев было занято на той работе.

И вот наступил момент нашей первой встречи. Это случилось в 1970 году. Вместе с перуанскими друзьями я приближался к крепостной стене, вглядываясь в ее причудливые очертания. Чем ближе становилась стена, тем меньше я верил своим глазам: прямо передо мной вырастал камень, глыба, скала, которую я так хорошо знал, но никак не мог узнать...

Увиденное настолько потрясло меня, что я пришел в себя, лишь когда друзья, явно обеспокоенные моим видом, стали настойчиво теребить рукав моего пиджака.

— Сердце? — с участием спрашивали они.

— Сердце! — подтвердил я. Только думали мы о разном: друзья боялись за мое здоровье, я же был поражен могуществом человека, гением народа кечуа, мастерством древних строителей, технические секреты которых все еще не до конца открыты и поняты нами, жителями XX века».

Таково суждение нашего современника.

Индейцы Тауантинсуйю не только строили, но и выращивали свои чудеса. Бесспорным чудом Нового Света, а ныне и всей нашей планеты являются две главные сельскохозяйственные культуры инков: кукуруза — «сара» на кечуа — и картофель — «папа». Инки не были их первооткрывателями, хотя, возможно, и внесли некоторое усовершенствование в их селекцию. Но они повсеместно распространили обе культуры, научились сами и обучили других индейцев методам их консервации и длительного хранения. Скорее всего и здесь не обошлось без насилия и жестокостей, однако конечный результат этого нововведения оказался необычайно эффективным и полезным. Именно он позволил сынам Солнца проявлять социальную предусмотрительность, о которой говорил Мариатеги.

Если для хранения кукурузы не требовалось какой-то особой выдумки, достаточно было построить сухие и прохладные помещения, чтобы обеспечить ее сохранность,

то для длительного, многолетнего хранения картофеля следовало изобрести специальный способ консервации, отличавшийся высокой надежностью и одновременно простотой. И действительно, такой способ был изобретен.

Вначале картофель клали на специальную солому — так он лежал много ночей на холоде (его выращивали в районах высокогорья). После того как он промерзал, клубни покрывали соломой и осторожно и мягко давили, чтобы отжать лишнюю жидкость. Затем сушили на солнце. Приготовленный таким образом картофель, индейцы называли его «чунью», сохранялся долгое время.

Известна еще одна важная деталь, характеризующая инков как рачительных хозяев: все запасы продовольствия хранились в пирвах — своеобразных «мешках», сделанных из глины и сухой соломы. Пирвы были разных размеров — «на тридцать, на пятьдесят и даже на сто и на двести фанег» (испанская фанега равнялась 55,5 литра сыпучих тел). В пирвах имелись окошечки на разной высоте, которые позволяли контролировать состояние и количество уложенных туда продуктов. Такой контроль был особенно необходим для самых крупных пирв, вмещавших примерно 11 тысяч литров.

То, что инки, а точнее, еще их предшественники сумели среди невероятного разнообразия растительного мира выделить кукурузу, перец и еще многие другие полезные для человека растения, не является чем-то необычным, ибо все человечество на одном из самых ранних этапов своего развития занималось собирательством дикорастущих плодов, от которых и произошли современные сельскохозяйственные культуры. Однако подавляющее большинство этих культур не прятало от людей свои съедобные плоды. Даже корнеплоды, скрывавшие свое главное богатство в земле, нет-нет да и выставляли его наружу, видимо не очень рассчитывая то ли на зоркость человеческого глаза, то ли на догадливость людей.

Но съедобные клубни картофеля, как известно, скрыты в земле. К тому же сам картофельный куст малоприметен, а растущие на нем плоды несъедобны. Как же тогда люди постигли тайну клубней картофеля, ныне входящего в рацион питания практически всего человечества?..

Рассказ шестой:
ЕГО СКРЫВАЛА ЗЕМЛЯ

Это случилось давно. Очень давно. Как давно, никто не знает. Не помнит. Никто. Тогда люди умирали, не дожив до лета. Не все, но многие. Умирали от голода. Больные, старики, дети. А почему?

Злые соседи. Они приходили на поля и забирали урожай. Весь. Не оставляли ничего. Ничего. То, что не могли унести, вытаптывали. Вытаптывали ногами, обутыми в грубые сандалии. А потом уходили. Уходили, чтобы вернуться на следующий год.

И люди умирали. Умирали от голода. Больные, старики, дети. Взрослые мужчины и женщины шли в леса. Они собирали сладкие корни, большие и маленькие плоды. Горькие, кислые, жесткие. Сдирали кору, если не находили ни корней, ни плодов. Усталые, измученные, возвращались к своим шалашам, но люди умирали с голода. Самые слабые вначале. Самые больные вначале. Самые маленькие тоже. Их матери теряли молоко, или оно становилось горьким, как зеленые плоды...

И тогда все шли к большому камню. Священному камню, из которого все они вышли. Давно. Очень давно. Шли и молили, чтобы праотец спас их от смерти. От злых соседей. Сжигали на священном огне тела ушедших из жизни. А ветер разносил пепел. Но люди умирали. Умирали и сильные. Их тоже сжигали на костре.

Только весной дожди возвращали всему прежний цвет. Весной появлялись сочные травы. Прилетали птицы. Приходили звери. И голод начинал отступать. И люди набирали силы. И приходили новые надежды...

Собранные в лесу семена дали хорошие всходы. Люди радовались сбывавшимся надеждам. Они радовались и поклонялись огромной дикой кошке, охранявшей их посевы от набегов проголодавшихся за зиму оленей. Настало время отгонять птиц, слетавшихся полакомиться на поля. Люди радовались. Люди трудились. Люди молились своему камню-уаке. Они радовались тишине. Радовались тому, что не находили на рыхлой земле отпечатки подошв грубых сандалий. Камень-праотец внял их мольбам. Он сумел отвадить злых соседей от полей. Голод не будет убивать слабых, больных, стариков и детей. Все будут сильными. Все будут жить.

А когда старики ушли на совет к священному камню, чтобы узнать день сбора урожая, по селению разнеслась страшная весть: там, где течет ручей, дети увидели страшный след ненавистных грубых сандалий. Не прошло и часа, как все селение собралось у священного камня. Трое храбрых юношей добровольно приняли смерть, чтобы камень-уака внял их мольбе и спас селение, весь

их народ от злых соседей. Плакали дети, женщины, старики. Все молили своего праотца принять храбрых юношей и выслушать жалобы их народа. Молили.

— У меня голод отнял трех сыновей, — сказал самый сильный человек их народа, — и я пойду защищать поле.

Все молчали. Люди не знали, как защищать свои поля. Они были мирными индейцами. Священный камень запрещал проливать кровь чужих людей. Он учил трудиться и уважать жизнь другого. Поэтому все молчали.

— Я пойду. Встаньте, люди, возьмите камни, палки. Вы разве не видите, что священный камень не может нас защитить?

Все молчали. Никто не поднялся. Никто не пошел собирать камни и палки: священный камень учил их быть мирными и добрыми людьми. Он учил трудиться, а не воевать. И самый сильный человек их народа тоже никуда не пошел. Все молчали. Все ждали. Священный камень тоже молчал.

Так прошла ночь. Храбрые юноши, ушедшие к камню-уаке, не вернулись. Ветер сдул их пепел. Все ждали. Но камень-уака продолжал молчать. Наверное, священный камень не принял их.

Люди ушли в лес, чтобы не слышать топота грубых сандалий. Чтобы не слышать радостного воя тех, кто пришел на их поля. Когда они вернулись в селение, мертвая тишина, одна только мертвая тишина ожидала их. Обгорелые останки хижин уже не дымились. Поля превратились в сплошное серо-желтое месиво. Подошвы грубых сандалий исполнили на них свою пляску смерти.

— Камень-уака! Где ты был? Почему не внял нашим мольбам?..

Они нашли тела тех, кто не смог или не захотел уйти в лес. Ни один не остался в живых. Люди перестали плакать. Люди стали роптать. Камень-уака, их священный камень-праотец, молча слушал жалобы и ропот своих сынов и дочерей.

Весной, когда все оставшиеся в живых после мучительно голодных страданий пришли к священному камню, заговорил самый сильный человек их народа:

— Пусть самые уважаемые люди в последний раз обратятся к нашему праотцу. В последний. Если он не поможет нам, я пойду убивать соседей, мирных и злых, сильных и слабых. Я заберу их плоды, их урожай. Я накормлю наш народ. Никто не должен умирать от голода. Я все сказал.

Он встал и ушел, провожаемый испуганными взглядами людей. Но когда все снова стали молить о помощи и защите, люди неожиданно увидели, что на том месте, где они клали подношения камню-уаке, лежали семена незнакомого им растения. И хотя рядом с камнем никого не было, семена появились в тот самый момент,

когда ушел гордый и сильный человек, поклявшийся спасти свой народ...

Поле покрылось дружными всходами, но они не радовали людей. Кустики были хилыми, а появившиеся на них плоды никак не хотели вырастать. Они были маленькими и зелеными. Таким плодам нельзя было радоваться, и люди не радовались. Но плодов становилось все больше и больше. Это хорошо. Много плодов, пусть даже не очень вкусных на вид, но много. Это хорошо. Они дадут возможность не умереть с голода. Это тоже хорошо. Лишь бы успеть их собрать.

Но люди не успели. Все повторилось снова. И опять пылали хижины селения. И опять с таким трудом возделанное поле превратилось в серо-желтое месиво, когда люди вернулись из леса, чтобы убрать урожай.

Терпению пришел конец. Кому нужен покровитель, неспособный защитить тех, кто ему верно служит, кто следует его божественным советам, расплачиваясь за них жизнью?..

Прямо на священном камне-праотце мужчины стали точить наконечники для пик и стрел, короткие каменные ножи. И сколько ни уговаривали старики и женщины, мужчины никого не слушали. Разгневанные на свою уаку, они готовились к бою. «После победы, — сказали они, — мы расколем камень на куски и сбросим с вершины холма, на котором он стоит».

Самый сильный человек послал во все четыре стороны света разведчиков, чтобы узнать, на кого напасть, у кого легче отнять урожай и другие богатства. И юноши-лазутчики ушли, а мужчины-воины готовили свое оружие. И никто уже не боялся проклинать камень-уаку. И все стали верить, что так и нужно было жить, обижая других, отнимая чужие богатства.

Только старый мудрец не хотел согласиться со всеми. Он ходил каждый день на вытоптанное сандалиями поле и с грустью смотрел на родную землю, ограбленную злыми соседями. Он не верил, что камень-уака предал своих детей, и все искал ответ на вопрос: зачем давать людям семена, если их должны были ограбить злые соседи? Зачем?..

Он шел по полю, волоча дряхлые ноги, когда неожиданно споткнулся и упал. Нога запуталась в стеблях растоптанного злыми соседями растения. Пытаясь высвободить ногу, он вдруг увидел, как вместе с измятыми стеблями, где совсем недавно было много пусть неказистых, но столь желанных плодов, из земли появились большие серо-коричневые клубни, которых он никогда и нигде не видел. Старик стал выдергивать другие стебли, и на каждом из них было по пять, по десять клубней, чем-то напоминавших комки запеченного и даже подгоревшего теста.

Мужчины-воины готовились к набегу. Встав в круг, они танце-

валн что-то воннственное, грозное. Крикамн н жестами подбадрнвая друг друга, онн нзвнвались в такт все ускорявшемуся ритму барабана. И вдруг в самый центр круга вышел седой старец. Не говоря нн слова, он высыпал прямо на землю крупные клубнн собранных на поле плодов.

— Бросьте оружне. Камень-уака не покннул нас. Это папа. В нем наша жнзнь. Бросьте оружне.

И люди бросnлн оружне. Священный камень-праотец не мог допустнть, чтобы поклонявшнеся ему мнрные индейцы стали грабнтелями. Он подарил нм папу в самый тяжелый момеит, когда уже казалось, что только смерть и кровь другнх сохранят нх собственные жнзнн.

Злые соседи уже больше никогда не появлялись здесь. Один говорилн, что онн отравились горькнмн семенамн папы. Другие — что онн ушлн в неведомые царства, опасаясь нового обмана и жестокого наказання, которому их подверг камень-уака мирных и трудолюбивых ннденцев.

(Здесь к нам пршшла чрезвычайно смелая гнпотеза: а вдруг злымн соседямн были нменно ннкн и именно так начался их легендарный нсход?)

* * *

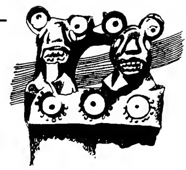
Заканчивая разговор о чудесах Тауаитиисуйю, мы хотим обратить виимаиие читателя на одну замечательиую особеииость: все оии были рождеиы непосредственным коитактом человека с природой, необходнмостью преодолевать реальные трудности, стоявшие на путн развития создаииого человеком общества. Их утилитарный характер диктовался закоиами общественного развития, помогая одиовремеиио выявлять эти законы и то локальиое своеобразие, без которого иет н ие может быть самобытиой культуры и высокой цивилнзацин.

Конечно, многое подсказывала сама прнрода, географические особенностн того райоиа, где жили и создавалн свое общество индейцы кечуа. В условиях западного побережья Южиой Америки, представлявшего собой сплошную цепь гигантских гор, без надежиых средств коммуиикаций — в даииом случае речь идет о дорогах — крупиое паикечуаиское государство не просуществовало бы сколько-иибудь длительиый срок. Но его создаиие ие было прихотью иииков из Куско, оио отвечало требоваииям социальио-экономического развитня региоиа.

Вот почему дороги инков были следствием, а не первопричиной возникновения царства сынов Солнца. Инки вышли за неприступные стены бастионов Куско не для того, чтобы строить дороги, сама история вытолкнула их на новую социально-экономическую арену, «доверив» сынам Солнца завершение сложного процесса формирования раннеклассового общества у индейцев кечуа. Чтобы решить эту нелегкую задачу, им пришлось создать свои собственные и по чистой случайности непронумерованные чудеса. Или они не знали, что чудеса следует нумеровать?..

Глава VII

СОЛНЦУ — СОЛНЦЕВО. ИНКЕ — ИНКОВО. ПУРЕХУ — ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ...



PRIMER CAPITVLO DELAS MOÇAS

ACLLA COIAS

ДОМ АКЛЬЕЙ

Солнце было верховным божеством. Инка — верховным правителем. Пурехом называли земледельца. За Солнцем стояли инки — преданные его делу сыны. За инками — миллионы пурехов, благодарные за то, что им подарили человеческий образ жизни. За пурехами никто не стоял, они сами подпирали все.

Испанцы были потрясены царившим в Тауантинсуйю образцовым порядком. Европа ничего подобного не только не знала, но и представить себе не могла. Педро де Сьеса де Леон написал об инках удивительные слова. Им трудно поверить, но еще труднее не поверить, ибо они принадлежат не просто хронисту, а испанскому конкистадору, сражавшемуся против индейцев.

«Одно из дел, — пишет он, — вызывавших наибольшую зависть к этим господам, было понимание того, каким великолепным являлось умение инков завоевывать столь огромные земли и приводить их благодаря своему благоразумию к тому разумному порядку, который испанцы обнаружили там... При их порядках люди жили, соблюдая этот их порядок, и их число множилось, а из бесплодных провинций они делали плодородные и изобильные».

Здесь не случайно приведено высказывание Сьесы де Леона — именно он поведал миру об инках и их государственном устройстве не только достаточно подробно, но и объективно. Но не только он один, а практически все хронисты пишут о так поразившей их «сытости» и «обутости» всего населения царства инков. О том же говорят подсчеты современных ученых, позволяющие утверждать, что при правлении инков население государства сынов Солнца было обеспечено всем необходимым. Основываясь на этих данных, Луис Э. Валькарсель пишет, что «...империя Куско гарантировала всем человеческим существам, находившимся под ее юрисдикцией, право на жизнь через полное удовлетворение физических нужд в питании, одежде, жилище, сохранении здоровья...».

Об этом же говорит и Мариатеги. Указывая на обилие запасов продовольствия в Тауантинсуйю, он пишет,

что «продукты земли нельзя накапливать, как сокровища. Поэтому маловероятно, что две трети их действительно потреблялись одним чиновничеством и духовенством империи. Гораздо более правдоподобно предположить, что продукты, которые, как утверждают, отдавались знати и инкам, составляли государственные запасы. И следовательно, сам этот факт является примером социальной предусмотрительности...»

У нас нет никаких оснований оспаривать мнение столь высоких авторитетов, но хотелось бы понять, как, каким путем пришли сыны Солнца к реализации в жизни своей «социальной предусмотрительности», и одновременно увидеть то реальное, что скрывалось за «сытостью» и «обутостью» простого народа Тауантинсуйю, какой ценой он расплачивался за них.

Созданное инками общество делилось на две принципиально отличные друг от друга категории населения: на тех, кто платил налоги, и тех, кто налоги не платил. Сразу же укажем, что слово «налог» не во всей своей полноте соответствует тому, что имело место в Тауантинсуйю. Еще меньше подходит глагол «платить», подразумевающий ныне денежные расчеты. Денег в Тауантинсуйю не было, что же касается налога, то он взимался почти исключительно в виде человеческого труда. Пурехи вне зависимости от выполнявшейся ими работы отдавали властям свой труд, свое рабочее время, а не результаты своего труда. Они, эти результаты, им не принадлежали даже чисто теоретически. Но в Тауантинсуйю, естественно, не было наемной рабочей силы. Дело обстояло совсем иначе: пурехи обязаны были трудиться на указанных властями участках работы. Их не нанимали, а принуждали.

Конечно, в жизни все выглядело гораздо проще.

В основе всей экономической и социальной деятельности в Тауантинсуйю лежала община — айлью. Она была главной, базовой единицей государственного устройства инков. По сути дела, даже сам клан правителей был своеобразной общиной, что нашло свое отражение, в частности, в названии родовых колен — айлью.

На общины и селения (последние, видимо, состояли из одной или нескольких общин) делились все царства и провинции Тауантинсуйю. Общины выполняли все без исключения работы. Они осуществлялись либо самой общиной, либо община выделяла для этого людей. Со-

держание последних (питание, одежда и т. п.), равно как и обеспечение всем необходимым членов семей ушедших на работы общинников, также оставалось за общиной. Исключение составляла лишь служба в армии. В этом случае государство брало общинника-воина на полное довольствие, но его семья оставалась на обеспечении общины. И сколько бы ни длились работы, на которые ушел пурех, сколько бы ни тянулась военная кампания, ради которой он был призван, община отвечала за его семью. Более того, если общинник погибал, община продолжала заботиться о его семье, словно он лишь временно отсутствует.

В основе самой общины лежала моногамная семья, в которой господствовало «отцовское право». Главой семьи был земледелец-пурех. Это ему и его детям, а не жене выделялись земельные наделы — топу.

Пурех был главным богатством сынов Солнца, и они это понимали, проявляя исключительную щедрость и одновременно неумолимую жестокость в своей политике поощрения деторождения. Напомним, что при рождении каждого ребенка семье дополнительно выделялся земельный надел. Правда, когда сын достигал совершеннолетия — в Тауантинсуйю оно наступало в возрасте 25 лет, — он уходил из семьи вместе со своим топу. При замужестве дочери ее половина топу не отчуждалась.

Такова была щедрость сынов Солнца, о реальном источнике которой мы скажем ниже. Что же касается жестокости в вопросе деторождения, то она была обращена главным образом против женщин: если женщина делала аборт и оказывалось, что плод был мужского пола, ее убивали; умерщвление во чреве девочки каралось менее жестоко.

Каковы же были размеры топу, выделявшиеся пурехам? На этот вопрос нет точного ответа. Видимо, надел был неодинаковым для разных сельскохозяйственных культур и разных районов страны. Но в любом случае — и это подтверждают хронисты — надела вполне хватало для пропитания семьи пуреха.

Откуда же инки брали землю, чтобы столь щедро наделять ею своих подданных? Они добывали ее... у этих же подданных. А происходило это так: после захвата и присоединения к Тауантинсуйю чужих царств и провинций сыны Солнца как бы заново утверждали или выда-

вали местным общинам земли, закрепляя их от имени правителя и Бога-Солнца за бывшими владельцами.

Казалось бы, все выглядит элементарно просто. Однако это не совсем так. В войсках инков шли специальные подразделения, в задачи которых входило освоение и улучшение вновь захваченных земель. Специальные капитаны переносили на карты-макеты захваченную местность, а кипукамайоки фиксировали буквально все, вплоть до последнего плодоносящего дерева, не говоря уже о других, куда более важных вещах. Решение по переустройству района выносилось быстро и сразу же реализовывалось в жизнь, естественно, силами местного населения, хотя и под руководством опытных начальников из Куско.

В чем же конкретно выражались эти мероприятия сынов Солнца? Возводились насыпные террасы под посевы, сооружались мосты, прокладывались дороги, создавалась широкая ирригационная сеть. Конечно, только там, где в этом испытывалась нужда. Одновременно строился храм Солнца и дворцы для инки и «невест Солнца». Лишь эти последние и были тем инородным телом, которое не просто напоминало местным жителям о случившемся, но и требовало особых услуг и внимания. Инки строили также крепости для своих гарнизонов.

Только после завершения всех этих работ происходило окончательное распределение пахотных участков земель. Наступал самый важный момент, объясняющий весь смысл забот и немалых усилий, вложенных сынами Солнца в улучшение и освоение вновь приобретенных земель. Вся пригодная для возделывания земля делилась на три участка. Один закреплялся за общиной, второй отдавали Солнцу, третий — Инке. Однако все три участка — и это главное — обрабатывала местная община. Это и была основная, хотя далеко не единственная подать общины и самих пурехов.

Хронист Инка Гарсиласо утверждает, что все три надела были одинаковыми по размерам, а иногда надел общины оказывался даже больше надела Солнца или Инки. В это можно поверить, поскольку в любом случае «государственно-культовый сектор» все же оказывался больше, нежели владения айлью. К тому же, как уточняет Сьеса де Леон, лучшие земли доставались именно Инке и Солнцу.

Таким образом, на первый взгляд заботливо-покро-

вительствеииая политика сыиов Солица оборачивалась для поддаииых Тауаитиисуйю изъятием двух третей произведеииого продукта. Это и была чистая «прибыль» предприимчивых иикав из Куско, тот «прибавочный продукт», благодаря которому оии могли проявлять свою социальиую предусмотрительиость. А поскольку продукты сельского хозяйства иельзя вечио иакапливать, а в условиях Тауаитиисуйю их ие с кем было и обмеиивать (и иа что обмеиивать?), оии использовались ие только иа содержаиие храмов и иных святилищ, а также клаиа правителей, ио и в качестве резервиого фоида государства иа случай иеурожая или ииых природиых катастроф.

Запасы обслуживали и миоготысячиую армию (правда, в этом вопросе ие все ясио, ио какая-то часть общииного продукта в любом случае уходила иа обеспечеиие провиаитом тамбо, стоявших иа королевских дорогах), служили семеииым фоидом для виовь присоедииеииых земель, использовались для других общегосударствеииых целей, которые зараиее иельзя было предусмотреть. По разиым оцеикам испаицев, оказавшихся в Тауаитиисуйю в тот период, когда европейские завоеватели еще ие успели иасадить свою высокую цивилизацию среди «варваров» и «дикарей» Нового Света, имевшиеся в храиилищах запасы продовольствия могли кормить иаселеиие Тауаитиисуйю от двух до пяти лет.

Допустим, что здесь есть преувеличение, ио даже если бы этих запасов хватило только иа несколько месяцев, то и в этом случае можио лишь удивляться предусмотрительности иикав, ибо речь идет о государстве, иаселеиие которого исчислялось миллиоиами жителей. Удивляться, ио ие восхищаться. Ибо запасы эти были всего лишь «пряииком» сыиов Солица. Но оии располагали и «киутом», которым действовали с должиой сиоровкой, а иногда и иеобуздаииой жестокостью. И главиым объектом этой формы виутреиией политики сыиов Солица была все та же общииа.

Если виимательио присмотреться к положеиию общииы в Тауаитиисуйю, то поражает ее полиое бесправие. Точиее, одио право за ией все же призиавалось — право ие дать умереть от голода члеиам общииы. Более того, если в каком-то райоие царства возиикал голод и от иего погибали или могли погибиуть люди, сыиы Солица жестоко иаказывали иерадивых иачальииков. С подобиыми явлеииями иики вели безжалостиую борь-

бу. Позже, уже во времена испанской колонии, именно этот обычай, равно как и «сытость» и «обутость» подданных Тауантинсуйю, выросли в «золотую легенду» об утраченном прошлом.

Чрезвычайно важно то, что виновником приключившихся бед в Тауантинсуйю могли признать кого угодно, даже самого знатного кураку, но никогда ни один из инков не был в числе виновных. Такого не могло случиться в царстве сынов Солнца.

Однако вернемся к общине. Встает очень важный вопрос: обладала ли община правом на землю? Ответ на него следует разбить на две части: нет, права на *владение* землей община не имела; правом на *пользование* землей — да, владела.

Община не была владельцем, то есть собственником выделенной ей земли. Но без земли нет и не может быть общины в условиях государства, занимающегося исключительно сельским хозяйством и состоящего сплошь из одних общин. Инки решили эту проблему на свой манер: не признавая за общиной право собственности на землю, они признали за ней право использовать для своих нужд ту землю, которая предоставлялась общине только и исключительно для этой цели. Об этом свидетельствует институт митмака — насильственное переселение не только отдельных общин, но и целых народов как для освоения новых земель, так и в целях государственной безопасности. Даже самая лояльная и этнически близкая к инкам община, например община индейцев кечуа, не была гарантирована от насильственного переселения.

О какой собственности на землю может идти речь, если в любой момент община по приказу Куско снимается со «своей» земли и уходит за сотни и тысячи километров от «своих владений» не на временное, а на постоянное жительство? Но постоянное опять-таки до тех пор, пока у власти не возникнет необходимости нового переселения этой же общины.

Не будучи владельцем, община между тем была обязана не просто возделывать землю, но и охранять ее как от внешних посягательств, включая запрет появления там чужого общинника, так и внутренних: произвольного перераспределения владений Инки, Солнца и общины, пересмотра размеров топу и их количества по пурехским дворам, самовольного использования целинных земель в пределах общинного надела — марки; был

также запрещен выход члеиов общины за граиицы маркн без разрешения властей н т. п.

Ииымн словамн, властн ставнли общину в положеиие полиой изоляции, нарушенне которой жестоко каралось. Все внешние контакты общнны осуществлялись только по указанню властей нлн самимн властямн. Что же касается внутриобщиииых отношеинй, то онн строились не по зараиее утвержденной моделн, а осиовываясь на традициях н обычаях, нсторнчески сложнвшихся еще до прихода ников, еслн, коиечно, этн траднции и обычаи ие вступалн в противоречие с закоиами н обычаями сынов Солнца. Напомннм, что в Тауаитинсуйю, иапример, все жители различались по одежде, которая точио указывала, к какому народу и даже к какой общиие прннадлежит ее владелец. В такнх условиях выявлеине чужака ие представляло ннкакой трудиостн. Но одниаковая одежда, бесспорио, была также важным психологическим фактором, объедннявшнм людей. Люди в форме, то есть в одинаковой одежде, н сегодия ощущают подобное ее воздействие.

Таковы некоторые из «прав» общиины. Что же ка-

сается ее обязанностей, то их невозможно даже перечислить. Ибо все, что создавалось в Тауантинсуйю, было в той или иной форме связано с деятельностью общины. Более того, в Тауантинсуйю все осуществлялось силами общины и за счет общины. Община кормила, одевала, обувала и вооружала. Она воевала, строила, разрушала. Не было такой сферы материальной деятельности в царстве сынов Солнца, которая обходилась бы без участия общины. Не было такого материального производства, в котором в качестве производительной силы не выступала бы община.

Главной обязанностью общины было земледелие. Община поставляла также воинов. Она сама занималась общественными работами местного значения и направляла людей для работ общегосударственного масштаба (строительство и ремонт насыпных террас под посевы, оросительных каналов, хранилищ провианта, храмов, дворцов, крепостей, мостов, дорог и т. п.). Община обеспечивала людьми все государственные службы как индивидуального характера (например, часки), так и коллективные — целые селения, то есть те же общины, несли службу «коллективных» дровосеков, водоносов, поваров, переносчиков царских носилок, дворцовых привратников, домашних слуг, гончаров, сапожников, ткачей, золотых дел мастеров и других специалистов по самым разнообразным ремеслам, включая изготовление оружия.

Специализация общин была построена с учетом местных традиций, что обеспечивало высочайшее качество всех «специализированных общинных служб» (вспомним пример с изготовлением оружия). Однако любой особо талантливый человек немедленно изымался из общины и направлялся для дальнейшей работы в Куско. Это относилось в первую очередь к художественно одаренным людям, ювелирам, резчикам по камню и т. п. Большинство из них как бы продолжало оставаться такими же, как и все остальные общинники, только с новым местом проживания. Правда, можно допустить, что какая-то их часть благодаря своему таланту со временем меняла свой «общественный статут». Таким образом, именно общинники были вместе со своими орудиями труда, которые они сами же изготовляли, и землей основной производительной силой и средствами производства инкского общества.

Но если мы можем говорить о полном бесправии об-

щины в условиях Тауаитннсуйю, этого иикак иельзя сказать о положеиии общиииика виутрн самой общины. В ией все еще жили важные элементы общиниой демократин. Так, иапример, община была обязаиа выделять семье пуреха полагавшееся ей колнчество топу, и в этом смысле ои имел иа иих право; оиа обеспечивала семью всем иеобходимым во время отсутствия общииника; старики н больиые содержались за счет общины; при возникновении иовой семьн жилье для нее строилось «всем миром» и т. п.

Этот перечеиь прав общнника может быть продолжеи, одиако существовало еще одно право, которое, даже по сегодняшиим представлениям, следует отиести к поиятию «демократия». Речь идет о праве пуреха избирать своего иачальиика — камайока и, следовательио, самому быть избраииым таким камайоком. Напоминм, что избирались лишь камайоки пяти, десяти н пятндесяти пурехских дворов; иад ста н более дворамн стояли природиые господа, или кураки.

Здесь мы виовь коснулись чрезвычайио нитересной особениости адмииистративного делеиия империи ннков, сосуществовавшего с базовой еднннцей Тауантиисуйю, то есть с общиий. Искусствеииый характер этого делеиия ие вызывает сомнеиий, но иесомнеиио также н то, что деление населения иа математическн точиые единицы означало первый, правда, пока еще малоощутимый шаг по пути ликвидации общииы.

Можио гадать, осознавали лн ннки последствия такого нововведеиия, призваиного в коиечном итоге замеиить существующее старое. С другой стороиы, инки сами создавали иовые общнны, например, в тех случаях, когда иа завоеваииых землях старые общины частичио или полностью разрушались нли местиое население в силу каких-то причии вообще ие знало общинного нистиута. Сам факт создаиия новых общни, а также политика иа укреплеиие в целом общииного иисититута вроде бы решительио опровергают желанне инков подменить айлью новой системой адмииистративиого делеиия страиы.

То, что иики всеми доступиыми нм средствамн укрепляли общииу, ие вызывает иикаких сомиеинй. Но ие за счет ее дальиейшего развнтия, которое иеизбежно прнвело бы к разложеиию айлью, а через закреплеиие, в том числе и насильствеииым путем, общиниых порядков, какими бы архаичиыми они нн представлялнсь. По-

ясним свою мысль: инки стремились обеспечить целостность общины как базовой единицы общества; гарантом такой целостности (за пределами самой общины) стало абсолютное ее бесправие по отношению к верховной власти; личная ответственность каждого члена общины за всю общину и всей общины за каждого общинника гарантировала эту же целостность изнутри.

Новое деление общинников, скопированное с «армейских порядков» инков, в тот исторический момент, бесспорно, помогало общинной политике сынов Солнца, поскольку усиливало контроль над членами айлью. Но это было временное явление — таково наше глубокое убеждение. Уже начавшийся процесс распада общины, активизации которого способствовал митмак, в дальнейшем должен был привести к полной замене старого деления царства на новое, более полно отвечавшее социально-экономическим процессам, уже развивавшимся в Тауантинсуйю.

Однако не только институт митмака разрушал извне индейскую общину. Этому способствовала в определенной степени и мита — обязательная работа на общегосударственных «предприятиях», проводившаяся, как правило, вне пределов общинных земель. Она длилась сравнительно короткий срок — пурех уходил на миту один раз и не более чем на два месяца в течение одного года, — но сами работы могли вестись достаточно далеко от общины. Находившиеся часто за сотни километров от своей общины, окруженные точно такими же по положению, но совсем иными по этнокультурным и многим другим характеристикам общинниками, участники миты не могли не испытывать взаимного влияния, которое, в свою очередь, должно было воздействовать на их «общинное мышление». Это воздействие в любом случае было разрушительным хотя бы потому, что нарушало традиционные связи и ломало привычные представления об окружающем мире. Скорее всего оно закрепляло идею всемогущества сынов Солнца, но одновременно выявляло, сколь ничтожно малым был общинный мир самого пуреха.

Даже многолетняя служба воина-пуреха не должна была оказывать столь разрушительное воздействие на общинный образ мышления, ибо подразделения армий инков строились по территориально-общинному принципу, и все годы, проведенные бывшим пурехом, ныне воином на военной службе, проходили в постоянном

общении с членами если не своей, то обязательно родственной пуреху общины.

Но инки, столь решительно боровшиеся за целостность общины, изобрели еще один и произвели на свет (в буквальном смысле слова) другой — общественные институты, которые с не меньшей последовательностью и решительным упорством, а главное, совершенно сознательно разрушали общину. Мы имеем в виду институт аклей — «избранных девственниц» или «невест Солнца» и их потомство — инков-бастардов, численность которых к моменту появления испанцев исчислялась многими десятками, если не сотнями тысяч человек.

Очень трудно определить социальный статут этих двух слоев населения Тауантинсуйю. Акльи жили в домах, а точнее, во дворцах, построенных специально для них. Их строили не только в столицах царств и провинций, но также и в рядовых, хотя все же чем-то отмеченных селениях, например знаменитым идолом или источником термальных вод и т. п.

В домах аклей содержались самые красивые девушки. То были дочери не только пурехов, но и курак. Они становились наложницами сапа инки, его ближайших родичей; правитель мог одаривать ими и наиболее отличившихся вассалов. Однако многие акльи так и не вступали в брачные отношения, оставаясь до конца своих дней «невестами». За ними ухаживали специально отобранные служанки. Их охраняли от любых контактов с внешним миром. За сожительство с аклей прелюбодея не просто убивали, а уничтожали весь его род, сжигали селение общины, к которой он принадлежал. Сама аклья также умерщвлялась, даже если подверглась насилию.

В Куско также находился дом «невест Солнца», но там жили в основном дочери сапа инков и их ближайших родственников.

На первый взгляд, судя по весьма высокочтимому положению, которое занимали в инкском обществе акльи, а также то, что получение акльи в жены считалось высочайшей честью, «невест Солнца» следовало бы отнести вне зависимости от происхождения к представительницам высшего сословия или класса. Тем более что акльи, выходя замуж, становились женами самой высокой знати. Однажды вступив в связь с мужчиной, они немедленно изымались из своих домов и уже никогда

больше не возвращались туда. Если аклья дарила жизнь сыну или дочери сапа инки, то ее положение в местном обществе может быть сравнимо только с положением высшего представителя неинкской знати.

Наверное, именно так и следовало бы рассматривать аклей, если бы не одно обстоятельство. Дело в том, что акльи не бездельничали в своих дворцах. Целыми днями они трудились, производя огромное количество одежды, в которую одевалась практически вся знать. Даже акльи из дома девственниц в Куско не были освобождены от этой далеко не легкой работы: их одежда поступала в гардероб правителя и считалась священной; только в исключительных случаях сапа инка одаривал ею ближайших родичей и наиболее выдающихся людей, чаще всего удачливых полководцев.

Таким образом, дома аклей, по существу, были особого рода «мануфактурами», роль которых в экономической жизни страны нельзя недооценивать. Тогда кем были, к какому классу принадлежали эти тысячи и тысячи потенциальных невест?

Очевидно, что до вступления в брак все они зарабатывали хлеб насущный тяжелым трудом. Тогда это трудовая, эксплуатируемая часть населения. Но в таком случае к этой категории следует отнести и дочерей, племянниц, теток, сестер и других ближайших родственниц всемогущего правителя сынов Солнца?..

Более четко проглядывается общественное положение аклей, покидавших свои дома. Вне зависимости от своего происхождения они становились важной частью знати Тауантинсуйю. О степени их возможного влияния предельно ясно говорит случай с дочерью царя царства Кито, подарившей своему возлюбленному сына по имени Атауальпа. Известен также и такой случай: наложница другого правителя была настолько увлечена придворными интригами, что не побоялась отравить своего августейшего сожителя.

Однако это крайности. Большинство же аклей либо оставалось в своих мануфактурах, либо пополняло женскую половину господствующего класса Тауантинсуйю.

Не менее сложно обстоит дело с бастардами, правда, только с мужской половиной потомства аклей, ибо женская половина становилась всего лишь достаточно завидной «партией» для знатных господ.

Бастарды-мужчины не обладали столь ясными перспективами на будущее. Многое зависело от них самих,

от их способностей, успехов в ратном или мирном труде. Правда, сын-бастард умершего сапа инки был по отцу братом правителя царства. Таких братьев у него иногда бывало больше сотни; положение любого из них не могло идти в сравнение с положением рядовых бастардов.

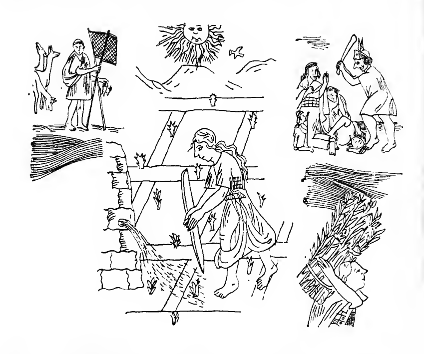
Но в жилах всех бастардов текла священная кровь «самого Солнца». Инки были обязаны не только беречь ее, но и по возможности шире «раздаривать» простым смертным — таков был один из главных догматов религии сынов Солнца. Все инки, как и подобает верным сынам Солнца, весьма успешно выполняли и этот завет своего божественного прародителя. И число бастардов нарастало, словно горная лавина. Трудно понять, как необычайно предусмотрительные инки не заметили приближающуюся опасность. Ведь в Тауантинсуйю действовали тысячи потенциальных атауальп. Почти все они шли служить в армию, ибо военная карьера обещала незаконнорожденным сынам Солнца наиболее реальные и привлекательные перспективы.

Но нас интересует другое: выделились ли бастарды и их потомство в некое особое сословие и если да, то к какому социальному классу принадлежали они?

Нам представляется, что такого выделения не произошло, ибо чистокровные инки не признавали бастардов за своих. Как пишет Сьеса де Леон, родной брат-бастард сапа инки не имел права даже заговорить с августейшей особой.

Приближение Атауальпы к Инке Уайна Капаку члены клана инков воспринимали как каприз правителя. Но за капризом Уайна Капака скорее всего стояли вполне реальные заботы и сомнения сапа инки, отличавшегося, как пишут все хронисты, выдающимся государственным умом. Неспокойное положение в присоединенных к Тауантинсуйю крупных царствах, расположенных на окраинах империи, а также опасения за судьбу своего любимца, объединившись вместе, могли натолкнуть Уайна Капака на мысль о необходимости изменения структуры царства сынов Солнца.

Конечно, участившиеся восстания свидетельствовали об обострении «национального вопроса» в пределах Тауантинсуйю. Бесспорно и то, что обиженные неравноправием, бастарды вынашивали какие-то личные планы радикального изменения своего положения в обществе. Однако бастарды были настолько далеки от идеи ка-



кого-либо объедииеиия, что ожидать их совместиого выступлення против ннков было бы фаитазией. Не будем забывать, что по лнннн своих матерей оии прннадлежали к разным, часто враждовавшим между собой народам. Ииогда это были отголоски доникского прошлого, нногда результат соперничества в услуженнн сынам Солнца (такое также случалось). И если инстнтут бастардов мог стать «гориой лавниой», то в тот нсторнческнй момеит ои был похож лишь иа начало камнепада, когда срываются отдельные камин, ио еще не образовался сметающнй все на своем пути поток.

Таким образом, можно сказать, что в своей основиой массе бастарды примыкали к господствовавшему классу иикского общества. Они были чем-то вроде «служнлого люда», однако положенне каждого нз иих определялось личными связями и лнчными усилнями, а не прннадлежностью к «бастардскому сословию».

Теперь речь пойдет о служителях культа. Эту проблему можно сформулировать так: образовывалн лн жрецы особую социальиую группу, или оии ие выделнлнсь в нее?

Тысячи храмов, святилищ и официально признанных уак действовали на территории Тауантинсуйю. Естественно, что их обслуживали жрецы. Испанцы не могли не обратить внимания на служителей культа, ибо для них они были носителями и выразителями нечистой силы, от которой следовало спасать заблудших индейцев. Но из хроник нельзя понять, кто мог и кто становился жрецом в царстве сынов Солнца. Лишь в одном случае нет никаких сомнений: верховный жрец инков был освобожден от всех остальных занятий. А как быть с остальными жрецами, число которых должно было быть огромным?

Как часто бывает, именно случай наталкивает на интересную мысль, приводящую к важной находке. А произошло следующее. Автор настоящих строк обнаружил у одного перуанского историка данные о количестве жрецов, обслуживающих два разных храма. Сопоставление этих цифр вызвало сомнения в правдоподобности приведенных данных. Пришлось проверить источники, откуда были взяты цифры. Но цифры оказались правильными, а вот текст хроник был истолкован не совсем точно. Отсюда и получалось, что главный храм Куско Кориканча якобы обслуживало четыре тысячи жрецов, а храм в провинциальной Вильке — 40 тысяч.

Для Кориканчи четыре тысячи жрецов — явление абсолютно нормальное. Инки не были бы сынами Солнца, если бы их главный храм обслуживался на более низком уровне. Но храм в Вильке?.. Давайте вместе прочтем текст, на который ссылается перуанский исследователь. Вот что сказано в «Заново написанной хронике» Сьеса де Леона: «И утверждают... что обслуживали эти помещения (то есть сам храм. — *В. К.*) более сорока тысяч индейцев, которые выделялись для каждого времени, а всякий принципал знал, что приказывал делать губернатор, наделенный властью королем инкой, и только для охраны дверей храма имелось сорок привратников».

Нет, здесь что-то не так. Во-первых, жрецы не обслуживают «эти помещения», а занимаются совсем иной работой, которую прекрасно знают сами без подсказки губернатора-инки. Сорок жрецов-привратников, если они несут свою службу по очереди, партиями, цифра вроде бы вполне реальная, но куда девать остальных 39 960 человек? На какую работу пристраивать их?

Нет. На подобную расточительность инки не могли пойти. Они скорее закрыли бы под удобным предлогом храм в Вильке.

Отсюда ясно, что 40 тысяч человек в крайнем случае по очереди обслуживали нужды храма, а не отправляли ритуалы языческой веры. Они приходили туда как на миту, выполняя свою обязательную работу «общегосударственного масштаба», каковой, несомненно, являлось не только строительство, но и содержание в должном порядке культовых сооружений.

Правда, существовала и очередность в отправлении жрецами культовых ритуалов. Об этом прямо говорит Инка Гарсиласо: жрецы служили по очереди неделями, и только в этот период их содержание брал на себя храм. В остальное время они жили «за свой счет, ибо им так же выделяли земли под посевы, как и всем остальным простым людям...». В другом месте «Комментариев» говорится, что только в Корикანче (так можно понять) жрецы являлись чистокровными инками, а в провинциальных храмах жрецами были родственники местных курак; исключение составлял лишь главный жрец, бывший инкой.

Если сопоставить сказанное с положением дел в Вильке, то нелепость приведенного прочтения относительно 40 тысяч «жрецов» становится более чем очевидной: каким же должно быть население Вильки, если только у кураки было 40 тысяч родственников?

Разбирая все эти «за» и «против», мы по-новому взглянули на оброненную Инкой Гарсиласо и вроде бы мало что значащую фразу: «У жрецов была обычная, а не специальная одежда».

Что же открылось за этой фразой? Очень важные вещи. Во-первых, поскольку мы точно знаем, кто в Тауантинсуйю определял покрой одежды, только сами сыны Солнца могли позволить или приказать жрецам носить обычную одежду. Между тем общеизвестно, какое важное место занимало жречество в языческих государствах: достаточно вспомнить судьбу египетского фараона-реформатора Эхнатона (Аменхотепа IV). Известно и то, что именно одежда всегда и неопровержимо убедительно демонстрировала существование классового расслоения в любом антагонистическом обществе. Но в Тауантинсуйю жрецы «почему-то» предпочитали носить обычную одежду. Почему?

Ответ может быть только один: в Тауантинсуйю бы-

ло предпочтительнее показать себя инкой, сыном Солнца, нежели жрецом, служителем культа того же Солнца! А это, в свою очередь, означало, что, если в Тауантинсуйю и происходил процесс профессионализации жречества, он был еще весьма далек от своего завершения. В противном случае сами инки-жрецы постарались бы придумать для себя особое одеяние, которое показало бы их принадлежность и к клану сынов Солнца, и к служителям его религии. Но для инков положение жреца не казалось таким уж престижным, и они предпочитали оставаться «просто» сынами Солнца. И вместе с ними оставались самими собою, а не хранителями великих и недоступных для простого смертного таинств все остальные служители языческих верований царства инков.

Можно с уверенностью сказать, что такое положение дел продлилось бы не очень долго и об этом позаботились бы сами жрецы, непрерывно укреплявшие свою власть над людскими умами. Это было выгодно и клану правителей, но они пока еще не осознали всю полезность подобного мероприятия.

Господствующий класс Тауантинсуйю также не был однородным. О тех слоях инкского общества, которые в силу разных причин примыкали к нему, мы уже рассказали. Сам он состоял из двух далеко не одинаковых прослоек. Нижний слой был во много раз более многочисленным, нежели верхний. Его образовывала местная неинкская знать. Ее положение было в некотором роде двусмысленным: целиком и полностью подчиненная и зависящая от сынов Солнца, она должна была управлять вроде бы своими, но фактически уже инкскими землями и подданными. И управлять не по своему разумению или прихоти, а строго следуя законам и обычаям сынов Солнца. Это была знать «второй руки», управлявшая, но неправившая.

Естественно, что ее положение резко отличалось от положения трудящейся массы, но именно она, местная знать, больше всего теряла как в политическом, так и в экономическом отношении при включении в состав царства инков. Вот почему местная неинкская знать представляла для Куско наибольшую угрозу; она же являлась объектом последовательной и целенаправленной «идеологической обработки» со стороны инков.

Для этих целей в Тауантинсуйю существовала хорошо отработанная система «политического воспитания», но не самих курак, а их наследников. И если кураки

только посещали столичный город Куско — они бывали там для участия в праздниках и торжествах или приходили по делам своих царств, — наследники постоянно жили в столице, пока не наступал их черед занять престол.

Сыны Солнца, составлявшие верхний слой господствующего класса, были безраздельными хозяевами и подлинными правителями всех Четырех сторон света. Создание панкечуанского царства, а позднее и многонационального (разноплеменного — этот термин звучит плохо, но точнее отражает суть) государства было их прямой заслугой. Власть инков была ничем не ограничена. Фактически поощрялись любые поступки инков, лишь бы они не оскорбляли божественного прародителя и не нарушали установленные внутри клана порядки. Все остальное было дозволено сынам Солнца.

Выше мы писали, что инки никогда не совершали преступлений. Так утверждал хронист Инка Гарсиласо, ссылаясь на заявления индейцев Тауантинсуйю. Хронист объяснил, почему сыны Солнца никогда не оказывались в положении правонарушителей: у инков не было «причин, которые обычно являются основаниями для преступлений, как-то: страсть к женщинам, или алчность к богатствам, или желание мести, ибо, если они желали красивых женщин, им было дозволено иметь их столько, сколько они хотели... То же самое имело место с богатствами, ибо у инков никогда не было в них недостатка, чтобы брать чужие или позволить подкупить себя из-за необходимости».

Яснее не объяснишь!

Но хронист то ли умышленно, то ли по недосмотру упустил еще один возможный мотив для преступлений — борьбу за власть. Такая борьба шла, однако сыны Солнца умело скрывали ее.

Официально все сапа инки восходили на престол Тауантинсуйю только законным путем. Все они числились старшими сыновьями умершего правителя, даже если не были таковыми (например, Инка Уайна Капак). Если же инка-правитель оказывался недостойным своего звания, его имя просто исчезало из капаккуны (так случилось с Инкой Урко). Иными словами, сыны Солнца не могли совершать преступления или иное зло, поскольку они были... сынами Солнца. Убедительная «логика»!

Для подданных Тауантинсуйю существовали три за-

поведи, сформулированные как приказ: они составляли суть морального кодекса, возведенного в ранг закона: «не будь вором», «не будь лжецом», «не будь бездельником». Каждая из них сама по себе, да и вместе взятые не могут не вызывать одобрения, но заложенная в них императивность — «не будь» — сразу же придает им классовый характер, поскольку речь идет о запрете, диктуемом одним слоем общества другому.

Из трех запретов только один носил материально контролируемый характер. Именно он наиболее отчетливо показывает подлинную сущность морального кодекса, установленного сынами Солнца для своих подданных. Ибо призывы не лгать и не бездельничать могли быть в равной степени обращены к любой социальной группе страны. А вот требование не быть вором, как мы знаем, к клану правителей не имело никакого отношения.

Так оно и было на самом деле. Отбирать две трети урожая, пользоваться без всякой компенсации трудом пуреха на «общественных работах», забирать самых красивых девушек в дома наложниц не считалось ни воровством, ни злом. Зато за один початок кукурузы, унесенный пурехом с надела Солнца или Инки, за уход с территории марки в поисках лишней охапки хвороста, за тайное свидание с девушкой, которую юноша имел несчастье полюбить, а она удостоилась чести стать «невестой Солнца», похитителю, бродяге или прелюбодею приходилось расплачиваться жизнью.

Столь различный подход к одинаковым в своей сути поступкам нельзя квалифицировать иначе как классовый, если он носит официальный, утвержденный законом характер.

И только третья из заповедей, насколько можно судить по хроникам, носила как бы общеимперский характер. Инки не только не давали бездельничать другим, но и сами трудились в поте лица. С самого раннего детства они приучали к труду и возможным невзгодам своих будущих наследников. С принца — наследника престола спрашивали даже больше, чем с других молодых инков, например во время состязаний Вараку. И в это можно поверить, ибо в борьбе за престол не приходилось рассчитывать на одни только законы и обычаи, их следовало подкреплять твердостью характера и руки. Об этом говорил опыт Инки Пачакутека, сумевшего убедить весь клан в своем праве на престол, а

также Инки Уаскара, который не смог отстоять уже полученную корону царства. Укажем, что испанцев буквально поразила суровость, с которой воспитывались в Тауантинсуйю дети всех сословий.

Остается назвать еще две социальные «единицы» Тауантинсуйю, расположившиеся по своему общественному положению на диаметрально противоположных полюсах инкского общества. Одна из них в количественном выражении действительно была единицей, она так и именовалась — Единственный Инка. Другая исчислялась несколькими тысячами человек — для Тауантинсуйю крайне малочисленная группа населения. Это были янаконы, или, иначе говоря, рабы. Видимо, нет нужды говорить о всевластии сапа инки и абсолютном бесправии янакон.

А теперь попытаемся ответить на вопрос, который был заложен в названии главы: что же именно доставалось Солнцу как главному божеству инков, что получали инки взамен своей миссионерской деятельности на Земле и что оставалось пуреху, главному и единственному производителю всех богатств царства сынов Солнца?

То Тауантинсуйю, которое сегодня известно нам, было чем-то вроде гигантского и по многим аспектам единого натурального хозяйства, которым руководила деспотическая власть инков из Куско. Прекрасно налаженное сельское хозяйство, опиравшееся на тысячелетний опыт индейцев, было сферой производственной деятельности многомиллионных масс земледельцев-пурехов и членов их семей. Строительство насыпных террас и оросительных каналов, широкое применение удобрения — гуано, использование в бесплодных пустынях своеобразной «гидропоники» и другие научно-технические достижения индейцев, помноженные на их старательность и добросовестность, позволяли создать значительный избыточный продукт. Его накопление, как уже говорилось, не могло быть бесконечным. Вот почему он позволил содержать огромную армию «неналогоплательщиков», а реализация запасов сельскохозяйственных продуктов в виде помощи центральной власти стала одной из эффективных форм и орудий управления царством сынов Солнца.

Две трети всего сельскохозяйственного производства отчуждалось в пользу государства. Это и было то «солнцево» и «инково», что производил пурех. Пуреху же

действительно оставалось все остальное: треть им самим произведенного продукта.

Установленное сынами Солнца «равноправие» распространялось только на сельскохозяйственный продукт. Между тем в Тауантинсуйю добывалось огромное количество золота и серебра, производились миллионы метров тканей, несчетное число гончарных и иных изделий ремесленников, возводились гигантские культовые и гражданские сооружения, проводились «царские охоты», во время которых отлавливались десятки тысяч диких зверей. В Куско можно было заказать морскую рыбу, которую доставляли живой с Тихоокеанского побережья, по всей гигантской стране были разбросаны сотни домов с самыми красивыми девушками, с нетерпением ожидавшими появления «божественных» женихов. Вдоль великолепных дорог стояли не менее великолепные приюты, манившие отдохнуть усталого путника, и смотровые площадки, для строительства которых иногда приходилось срубать вершины гор.

Все это и еще многое другое стало возможно только благодаря трудовым усилиям простого пуреха. Его руками, его талантом и упорством создавались подлинные

чудеса, которыми человечество никогда не устает восхищаться... Но ничего из этих чудес не принадлежало пуреху. Инка и Солнце, построив свое царство, позабыли поделиться всеми этими богатствами с тем, кто их создавал.

Конечно, нельзя не восхищаться, что в Тауантинсуйю не было ни воровства, ни бродяжничества, ни лжи, но их не знали только простые люди. В обмен на свою честность и трудолюбие, на необходимость ежедневно отдавать свой труд и направлять на войну своих сыновей, а дочерей в дома наложниц знати пурех получал гарантированное самим Солнцем право не умереть от голода. Но он мог умирать на полях сражений, надрываться на стройке, перетаскивая многотонные каменные глыбы, срываться в пропасть, возводя мосты, погибать под обвалами в шахтах, падать в изнеможении от немыслимо быстрого бега, ускоренного наркотическим соком листьев коки.

Зачем? Чтобы еще могущественнее становилось царство сынов Солнца. Чтобы росло число их подданных. Чтобы умножались их богатства. Чтобы никто даже в мыслях не осмелился бы не подчиниться их повелению.

Вот почему доброта, справедливость, великодушие благородных сынов Солнца в реальной жизни оборачивались полным бесправием и жесточайшей эксплуатацией миллионов земледельцев — пурехов и их семей. Инки владели только одним искусством — искусством господствовать над остальными людьми своего царства, которое почитали всем миром, Четырьмя сторонами света. Они отняли у простого человека все, даже право любить...

Рассказ седьмой:

ИХ НЕ УЧИЛИ ПЛАКАТЬ

Они не плакали.

Обнаженные тела сплелись в каком-то неестественно торжественном и одновременно по-детски чистом объятии. Лиц не было видно, но юноша и девушка не плакали, и это знали все.

Было холодно. Утром в горной долине всегда бывает холодно. Но они ничего не чувствовали: ни утренней стужи, ни напряжения мышц, ожидающих удара. Первый удар всегда бывает самым

страшным. Особенно когда его ждешь, когда знаешь, что он неминуемо настигнет тебя. Невыносимо мучительно ожидание первого удара!..

Но они не плакали. Леденящие порывы ветра, срывавшиеся с белоснежных горных вершин, безжалостно хлестали обнаженные тела. Ветер сплел их длинные волосы простолюдинов в густую черную бахрому, скрывавшую лица. Сильное тело юноши закрывало девушку. Оно прятало ее, оберегало.

Ее тело было по-девичьи худым и беспомощным. Это видели все, когда, сорвав одежды, их вывели из селения и повели сюда, на Поле возмездия. Они шли, гонимые безмолвной толпой, пока не достигли границы марки, — Поле возмездия лежало на ничейной земле. Не останавливаясь, они перешагнули сложенную из ровных плит невысокую изгородь, чтобы больше не осквернять землю общины. И все поняли: двое перешагнули границу жизни...

Ничего не замечая, юноша и девушка продолжали двигаться по полю своей смерти. Но вдруг они застыли на месте — это у изгороди остановилась шедшая им вслед толпа. Ее невидимая сила вытолкнула их из селения, привела сюда, заставила перешагнуть изгородь, а теперь... остановила.

Поле было гладким, вытоптанным. Их разделяли только двадцать шагов. Страшных двадцать шагов. Но они не плакали, и это знали все.

Старший из сынов Солнца посмотрел на небо, укрытое покрывалом предрассветных сумерек. Немного подождав, он сделал едва приметный знак, и сразу же из-за его спины появился человек в зеленом плаще-накидке. Воин поднял один из камней, аккуратно сложенных горками у самой кромки Поля возмездия, деловито подбросил его на ладони, словно оценивая вес и совершенство формы, — такие камни вытачивает вода горных рек, — и почти без замаха метнул в обнаженное тело юноши. Тело вздрогнуло и как-то странно стало оседать на нелепо скривившуюся правую ногу. Другие руки попытались удержать его, но не смогли: теперь на поле были две живые мишени.

— Прелюбодейка! — взвизгнул младший из сынов Солнца, но тут же умолк под взглядом своего старшего брата.

Вторым камнем воин в зеленом плаще поразил левую ногу: неуклюже взмахнув руками, юноша опрокинулся навзничь. Не осознав случившееся и, видимо, еще не испытывая боли, он попытался встать, но не смог...

...Пурех был доволен — жена родила ему мальчика. Всегда хорошо, когда первым родится мальчик — община даст на него целый надел. Целый топу лучше, хотя его и отберут. Только отберут не скоро, когда сын уйдет из дома. Это хорошо. Тогда у пуреха будет много детей, и они с женой станут богатыми — у кого

много детей, у того много топу, много земли. Ребенок быстро рос, как-то незаметно пробегая по улицам жизни, раз и навсегда установленным сынами Солнца для простых людей земли. Первый по счету, хотя она значилась «десятой улицей», была Кирау пикак — возраст беспомощного накопления сил, возраст колыбели. После первой весны пришла вторая, а с нею и «девятая улица» — Льокак уамра — возраст ползущего на коленях. И он ползал на коленях в неглубокой ямке, которую вырыл отец... В четыре года случилось важное событие: ему впервые остригли волосы, и отец научил его прятать их вместе с ногтями: так у него появилась первая уака. Если уаку найдет злой волшебник, станет плохо. И мальчик прятал свою уаку от всех людей.

«Восьмая улица» хотя и называлась Пуклякок — «играющие дети», стала для него улицей первых трудовых навыков. Нет, он играл со сверстниками, но все чаще и чаще мальчику приходилось помогать по дому, особенно когда родилась первая, а через год и вторая сестренки. Община выделила для них по половине топу, отчего прибавилось домашних дел. Иногда его посылали и к соседям, где появлялся первенец, иногда он ходил в дома к детям-сиротам, отцы которых ушли на войну. Сиротам помогали все — и взрослые, и дети, и старики, и калеки.

Отец стал часто пороть его розгами: мужчина должен уметь с детства переносить страдания. Наказания были не столько жестокими, сколько громкими, чтобы все знали о них.

С каждым новым годом, с каждым новым месяцем расширялся круг его забот. Переступая порог «седьмой улицы», он даже не попытался вспомнить свою последнюю игру на улице «играющие дети». В десять лет он стал молодым охотником с силками — так называлась «седьмая улица» — Токльякок уамра. Продолжая помогать дома, он получал теперь и самостоятельные задания: охранял посевы от птиц, ловил силками этих крылатых обжор (чтобы пополнить домашний стол свежей дичью), осторожно ощипывал перья и сдавал их камайоку, потому что они шли на украшения господам и воинам. Он научился еще одному мужскому занятию: ткать одежду пуреха из пряжи, которую выделывали женщины. Он ходил также за хворостом и дровами, собирая их для дома и для кураки.

Как-то раз он увидел великое множество воинов, шагавших по дороге Инки. От перелеска, где проходила граница марки, было очень далеко до дороги, да и сама дорога открывалась лишь на крохотном участке между двумя горами. Разноцветная гусеница-многоножка, ощетинившаяся колючими пиками, все ползла и ползла по дороге, а он смотрел и смотрел, не в силах оторвать от нее свой взор. Только получив увесистый подзатыльник от хромого камайока, он бросился снова собирать хворост для кураки. Но с

того дня каждое утро он молил свою уаку сделать его воином, чтобы всю жизнь шагать в их рядах.

С этой мечтой он вступил на «шестую улицу», на улицу Макты — юношн. Он промчался по ней так быстро, что не заметил, как оказался на «пятой улице» — на Сайя пайяк, требовавшей от своих обитателей выполнения любых поручений камайоков-начальников. Теперь он делал все, что делали взрослые пурехи: был земледельцем, строителем, ткачом, ремесленником, переносчиком грузов, но главное: готовился стать воином. Он хотел достойно войти на «первую улицу», на улицу аукакамайока — воина Солнца, покорителя Четырех сторон света.

«Четвертая улица» — улица больных от рождения — ему не угрожала, а о «третьей улице» он не думал: на нее попадали неудачники с «первой улицы», которых искалечила война. Была еще и «вторая улица», но до нее нужно было дожить: по ней тащились дряхлые старики к неминуемому для всех концу.

«Пятой улице» отводилось только два года. Он едва поспевал выполнять многие и разные поручения. Камайоки особенно тщательно следили за качеством работы. Ему казалось, что даже лишняя песчинка на дне вырытого канала либо едва заметно вспучившаяся тростинка в плетеном настиле перекидного моста будут обязательно замечены камайоками. Нет, мальчик не боялся наказания. Он боялся всеобщего позора, который обрушивался на головы нерадивых. И он старался, очень старался. Видя это, камайок одобрительно отзывался о нем в присутствии самого кураки...

...Старший из сынов Солнца повернулся к гигантским горным вершинам — оттуда должно было появиться солнце. Серо-синяя глубина неба постепенно теплела. Белые от снега вершины могучих хребтов внезапно потемнели, стали совсем черными, чтобы мгновение спустя загореться с невидимой стороны ослепительным блеском солнечных лучей. И сразу стало светлеть, и к людям пришло тепло. Поднятыми к небу руками оба инки приветствовали своего священного родителя и господина.

Но священный лик Инти-Солнца не должен быть осквернен видом презренных существ, недостойных человеческого образа жизни. Преступившие божественный порядок не могли больше осквернять землю.

— Убейте их, убейте!

Это слышали все, хотя сыны Солнца молчали. Пораженные чудом, непонятным и необъяснимым, люди шагнули к аккуратно сложенным горками камням.

...В тот день было очень жарко. Он носил воду из речки, чтобы заполнить огромный, в полтора человеческих роста, кувшин в доме кураки. У большого камня, где люди приспособились брать

воду, он увидел ее. Увидел и полюбил. Никогда прежде его сердце не испытывало такого страстного желания вырваться наружу, чтобы пуститься в пляс вокруг этой девушки с удивительно ласковыми движениями. И зачем только он пошел именно сюда за водой? Как будто ее нельзя было набрать у моста, рядом с домом кураки. Конечно, он знал, что сюда приходят все девушки селения, но ведь не за этим же он пришел к большому камню?..

Она шла с черным кувшином. Его кувшин был намного больше, и он так же нес его на лямках на спине. Он сбегал по тропинке вниз. Она медленно подымалась в гору. Здесь они встретились. Нет, вначале встретились их взгляды, потом руки...

На следующий день все повторилось снова. И на следующий день. Но однажды он не пришел — его послали в соседнее селение. Он не знал, ждала ли она его. Она не знала, что случилось с ним. После этой разлуки они наконец заговорили. В ту же ночь они стали мужем и женой.

Приближалась пора выбора невест. Они открылись своим родителям: без их согласия и одобрения кураки свадьба не могла состояться. Именно родители просили кураку соединить вместе молодых людей — таков был закон и обычай. Правда, до праздника выбора невест в селение приходил Токрикок Мучок Инка, отбиравший девушек в «невесты Солнца» и Инки. То была великая честь для селения.

Он не поверил своим ушам, когда узнал, что камайок не разрешил ей выйти на смотрины невест — ей недоставало трех лун до вступления на «пятую улицу» девушек, готовых к замужеству. Значит, она не могла стать невестой!

Им ничего не оставалось, и они снова призналась родителям — на этот раз, что ждут ребенка. Непоправимость случившегося заставила родителей пойти к камайокам. Дальше все было похоже на страшный сон.

Ярость кураки не знала границ. Он давно приглядел себе эту девушку и решил припрятать ее от Токрикока — ей ведь не хватало нескольких лун до замужества. Месть была жестокой и коварной: курака сообщил сыну Солнца, что предназначенная в «невесты Солнца» девушка оказалась порочной...

Было странно видеть, как улетали в густую липкую тень от огромной горы гладкие камни, как они ударялись в два белых пятна на Поле возмездия. Тень постепенно уползала — Солнце должно было увидеть, как люди вершили правосудие. Но вместо солнца из-за горного хребта неожиданно выплыли черные тучи. И опять стало темно, а на землю упали тоненькие струйки — капельки дождя, так похожие на девичьи слезы.

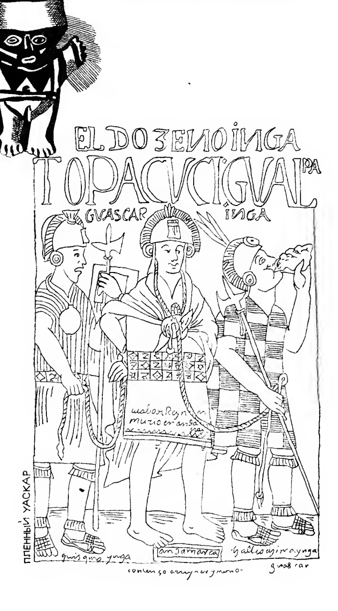
Небо плакало?. Солнце плакало?.. Как ответить иа этот вопрос?

А капельки-слезиики все падали и падали. Их видели все. Их ие видели только те двое, ие видели и ие укрывались от все безжалостиее хлеставшего с иеба потока воды, а может быть, и слез.

Но оии были вместе. И плакали не они. Это видели и зиали все...

Глава VIII

БУНТАРИ ИЛИ ПОВСТАНЦЫ?..



ПЛЕННЫЙ УАСКАР

Одно из самых интересных явлений Тауантинсуйю связано с тем, что сегодня именуют национальным вопросом. Конечно, не все индейские царства, вошедшие в Тауантинсуйю, могут быть названы государственными устройствами, но все они до захвата инками являлись самостоятельными объединениями индейцев, перешагнувшими рубеж первобытнообщинного строя: там, где инки встречали дикость и первобытное варварство, они отказывались от завоевания новых земель. Этот факт засвидетельствован хронистами. Об этом же говорят границы царства.

Далее. Когда инки боролись за право стать организатором панкечуанского государства, вокруг ареала расселения кечуа не было пустоты. Мы знаем, что на юге Куско находилось крупное государственное образование индейцев колья (аймара). На западе — царство Чиму, по уровню своего развития превосходившее инков. На севере инки столкнулись с целым рядом крупных государственных образований индейцев, мало в чем уступавших кечуа. Достаточно назвать царство Кито.

При этом мы не можем забыть, что в Тауантинсуйю проживало не менее 10 миллионов человек и, следовательно, некечуанское население империи исчислялось в миллионах. Удержать в подчинении столь пестрое в этническом отношении и многочисленное население было делом чрезвычайной сложности. И хотя мы знаем от хронистов, что инкам приходилось то тут, то там усмирять непокорных подданных, не менее очевидно и то, что царство сынов Солнца было единым государством.

Скажем сразу: сыны Солнца не внесли ничего принципиально нового в систему управления столь огромной страной. Они пользовались извечными орудиями управления антагонистического классового общества — кнутом и пряником. Однако в пределах этой «системы» инки нашли ту золотую пропорцию, которая многократно увеличила эффективность воздействия каждого из них. Инки сумели найти оптимальный вариант приспособления своих кнута и пряника к реальной действительности

общества и государства. Более того, они сами создали эти орудия эксплуатации и одновременно решения «национального вопроса», поскольку им не у кого было их заимствовать.

Нет необходимости говорить, насколько сложен этот вопрос. И все же мы попытаемся выделить и показать конкретные приемы и методы этнокультурной политики инков, которые, на наш взгляд, больше остального учитывали специфику ареала их действий и потому оказались наиболее эффективным средством.

Прежде всего для инков вообще не существовал национальный вопрос, и они отнюдь не стремились решать национальную проблему, как она представляется нам сегодня. Перед Куско стояла совсем другая задача: побольше захватить и удержать в пределах Тауантинсуйю «чужих» царств и народов.

Гуманные, миссионерские соображения инков не волновали. И если какой-то народ не покорялся им, создавая малоприятный прецедент, «миссионеры» из Куско вполне могли вырезать такого «неблагодарного» соседа. Подобные акции не представляются обязательными, но исключать их, особенно из раннего периода становления господства Куско, также нет никаких оснований.

Заслуга инков в другом: они сумели понять, что этнокультурные различия, кажущиеся одним из самых неодолимых препятствий, могли быть использованы для успешного решения задачи создания царства сынов Солнца. Однажды уяснив столь ценную для себя истину, правители Куско стали уделять этому вопросу самое серьезное внимание. Видимо, он стал важной, если не важнейшей, традицией их экспансионистской деятельности, чем-то вроде обязательного священного ритуала. В официальной религиозной доктрине инков эта традиция приняла вид миссионерства сынов Солнца.

Четко выделяются две главные тенденции, определявшие сущность политики Куско в отношении других племен и народов (мы просим извинения за то, что вынуждены пользоваться современными терминами). На первый взгляд они не просто противоречат, но даже исключают друг друга. Судите сами.

Инки прежде всего стремились к поголовной кечуанизации всего населения страны. Но одновременно они сознательно заставляли покоренные племена и народы сохранять свою этнокультурную самобытность или, точнее, ее наиболее очевидные формы проявления, включая

одежду, культуру и даже религию, а также — и это очень важно! — местные формы правления. Последнему придавалось особое значение.

Встретившись в реальной жизни Тауантинсуйю лицом к лицу с великим разнообразием племен и народов, испанцы даже не усомнились, что перед ними единое государство. Но они увидели и другое: даже если собрались вместе «сто тысяч человек», различить их «национальную принадлежность» не составляло никакого труда (Сьеса де Леон).

В основе всей деятельности сынов Солнца лежал абсолютно земной принцип, не составляющий никакой тайны: все, что способствует укреплению власти, должно быть не просто использовано, но и всячески развито, поддержано всеми имеющимися средствами. Эта истина знакома всем, однако далеко не все способны понять, что конкретно можно и должно включить в это самое «все». Именно здесь таится главная трудность. Но инки сумели обнаружить и активно использовать достаточно могучие, надежные и во многом единственно возможные рычаги управления своей страной.

Первым из этих рычагов стал достаточно рискованный эксперимент, проведенный сынами Солнца сразу же за победой над чанками: инки не просто сохранили жизнь вождям чанков, но и включили их боевые отряды в состав своих войск, ушедших на завоевание царства Колья. Чанки во главе с Анко-Валью помогли инкам победить Колья, однако после той победы по каким-то причинам сыны Солнца решили прервать свой эксперимент. Возможно, они посчитали его оконченным и не захотели больше рисковать — в подобной мысли их могла убедить сила чанков. Можно допустить, что инициаторами разрыва с Куско стали сами чанки. В этом случае стремление инков уничтожить своего союзника не кажется чем-то необычным.

В любом случае второй конфликт между инками и чанками хотя и закончился неудачей для сынов Солнца, он, однако, не опроверг целесообразность использования побежденных в интересах Куско. Но нас интересует в данном случае совсем другое: сам факт сохранения в официальной истории Тауантинсуйю рассказа о побеге чанков во главе с Анко-Валью. Действительно, почему инки сохранили память о своем поражении, ибо именно так расценивается побег чанков?

Нам представляется, что на фоне последующей не-

укоснительной практики включения царств других индейцев в состав Тауантинсуйю этот факт достаточно убедительно говорит: в уходе чанков в чем-то оказались виновны сами инки, и они поняли это. Они поняли и то, что случай с чанками должен послужить наглядным уроком для потомков. Ибо только так можно объяснить, почему в официальной истории инков, состоящей сплошь из побед и триумфов, нашлось место для рассказа о полном крахе миссионерства сынов Солнца.

Политика сохранения местной неинкской «администрации» в царствах, включенных в состав Тауантинсуйю, была реальным фактом. Она же стала одним из наиболее надежных инструментов укрепления власти инков. Более того, в условиях этнически пестрого населения страны это был, пожалуй, единственно пригодный путь решения этнокультурной проблемы, который одновременно выступал в роли гаранта власти самих сынов Солнца и даже усиливал ее. Вот почему, как бы ни сопротивлялся инкам курака, сыны Солнца предпочитали «простить» его, когда вопрос о включении в Тауантинсуйю царства кураки уже не вызывал сомнений. Но если курака не принимал прощения и его приходилось казнить, освободившийся трон инки предоставляли только тому из наследников, кто, по местным обычаям, имел на него право.

Скажем прямо, то был отнюдь не бескорыстный ход в сложной политической игре сынов Солнца. Вернемся к тому же случаю с чанками. Как могло случиться, что чанки, лишь недавно воевавшие насмерть с инками, вдруг оказались в рядах их армии, предпринявшей завоевание царства Колья? Почему чанки не повернули оружие в привычную сторону, то есть против Куско, а напали на тех, кто, став объектом агрессии инков, должен был казаться им естественным союзником, а не врагом?

Мы полагаем, что только в одном случае все эти вопросы могут получить достаточно убедительное объяснение: чанки пошли на войну против колья не за инками, а за своим природным господином, каковым для них являлся Анко-Валью. Иными словами, не инки, а сами чанки повели в бой своих воинов.

Но, сохраняя власть за природными господами, инки отнюдь не заботились о соблюдении или охране «наследственного права» покоренного царства. Их волновал куда более важный вопрос: защита и укрепление

универсальности принципа «божественного начала» власти над простыми людьми, власти «от бога» и потому незыблемой, извечной. В условиях той эпохи, того миропонимания трудно было найти более надежного гаранта, если он, естественно, имел возможность опираться на реальную силу. Инки обладали такой силой.

Можно даже допустить, что после установления господства Куско основная масса населения присоединенного царства какое-то время попросту не знала, не осознавала случившихся перемен. Ведь, в сущности, менялась только верховная власть, а не привычный, «от бога», порядок — служить своим господам и жрецам. Что же касается изменений «идеологического плана», то они могли коснуться основной массы населения далеко не сразу и не так остро, поскольку такими вопросами занималась почти исключительно правящая верхушка (знать, жречество), старательно оберегавшая эту сферу духовной деятельности от своих же подданных.

Предпринимая завоевание, сыны Солнца, как мы знаем, отнюдь не ограничивали себя только задачами чисто военного порядка. В их войсках, напомним, шли

особые подразделения, которые предназначались для мирного освоения завоеванных Куско земель. Сыны Солнца так прямо и формулировали свою главную цель, призывая воинов причинять как можно меньше ущерба сооружениям и запасам продовольствия противника, ибо, «говорил им Господин, скоро они будут нашими, как те, что уже ими стали».

Но инки не только сохраняли все полезное, вводя усовершенствованные методы земледелия и обучая им население присоединенных земель, но и снабжали на первых порах тем, чего недоставало. Таково свидетельство испанца Сьесы де Леона.

Таким образом, социальная структура завоеванного сынами Солнца чужого царства достаточно долгое время практически не изменялась, а «новый порядок» в относительно короткие сроки мог даже улучшить экономическое положение, особенно питание основной массы населения. Но «новый порядок» наносил жестокий удар по местной знати и жречеству. И хотя они оставались знатью и жречеством, с приходом инков эта категория населения оказывалась сама в услужении у Куско. Не каждый из них мог и хотел смириться с таким положением, однако они все же оставались представителями господствующего класса, и это устраивало большинство из них.

Инки не могли не понимать, какую опасность представляла именно эта часть населения. Пример Анко-Валью постоянно напоминал об этом. Конечно, сыны Солнца могли физически уничтожить этих потенциальных бунтовщиков, но тогда возникла бы другая и не менее сложная проблема: кем заменить столь важную для управления царством часть «государственного аппарата» Тауантинсуйю?

Уничтожение местной знати наверняка вызвало бы волнение среди подданных. Оно означало бы также нанесение смертельно опасного удара и по тщательно оберегавшемуся инками принципу божественного происхождения власти.

Иными словами, инки нуждались в подобной категории подданных, чтобы через них осуществлять свое господство. Усвоив эту истину, сыны Солнца не стали создавать «новую знать», а активно приступили к приручению уже имевшихся «кадров» местного руководства, сохранив за ним внешние атрибуты власти и положение господствующего класса. Правда, теперь местная знать

оказалась вынуждена не столько решать самостоятельно, сколько своими руками проводить в жизнь задачи, разрабатываемые «центром», то есть Куско.

Естественно, что среди методов приручения местных курак не последнее место занимал многопудовый камень, который сбрасывался на «непонятливых» в воспитательных целях. Для особо важных и потому наиболее опасных бунтовщиков из числа знати в Куско имелась специальная тюрьма Самка-уаси. В ней не столько отбывали наказание, сколько «выясняли» виновность предполагаемого преступника. Происходило это так: подозреваемого бросали в подземелье, заполненное всевозможными хищниками и ядовитыми тварями, неизвестно как уживавшимися друг с другом, когда они были свободны от процедуры «дознания истины». Если по прошествии определенного числа дней испытуемый не погибал, он считался невиновным. Во всех остальных случаях сомнения в его виновности ни у кого даже не возникали.

Однако если верить хронистам, такая воспитательная работа на практике осуществлялась крайне редко. Похоже, сыны Солнца действительно были умелыми правителями, отличавшимися глубиной понимания психологии человека, с которым имели дело.

Об уважении к местным обычаям и даже к местному язычеству мы уже говорили. Стоит добавить, что в исключительных случаях, желая поощрить жителей какого-то царства, сапа инки снисходили до того, что не гнушались надевать на свою священную особу одежду местного покроя.

Столица Тауантинсуйю фактически стала действующим храмом всех главных идолов-божеств, а также постоянной и живой «выставкой мод» царств, входивших в состав государства инков. Правда, закрепление за подданными определенной одежды, хотя и взятой из их же национального гардероба, носило оттенок театрализованного представления. Это было что-то вроде постоянного и потому обременительного торжественного парада и, как любое затянувшееся торжество, в конце концов неизбежно должно было переродиться в трагикомический фарс. Но на посетителей Куско этот спектакль производил неизгладимое впечатление.

Однако главным инструментом национальной политики сынов Солнца стали «инкские университеты» по формированию и воспитанию местных руководящих кад-

ров. Тех кадров, которым еще только предстояло возглавить царства и провинции страны. Речь идет о наследниках курак, наследниках по праву рождения и божественному предначертанию.

«Те короли, — рассказывает об этом Инка Гарсиласо, — приказывали также, чтобы наследники господ вассалов воспитывались бы при королевском дворе и жили бы при нем же, пока не унаследуют свои страны, чтобы их должным образом обучили бы и они приспособились бы к условиям и обычаям инков...»

Испанец Сьеса де Леон в своем «Господстве инков» также написал об обучении наследников курак в инкской столице, и написал об этом почти в тех же выражениях.

Будущие кураки постигали в Куско премудрости законов, наук, обычаев и религии сынов Солнца. Здесь, среди индейцев кечуа, они могли в совершенстве овладеть «руна сими» — «языком человека», ставшим эффективным инструментом общения разноязыкого конгломерата народов Тауантинсуйю.

Обучение будущих курак отнюдь не носило формальный характер. Инки в равной мере умели быть жестокими тиранами и милосердными господами. Ученики должны были не только увидеть, но и испытать на себе это их умение. Начнем с того, что пребывание в Куско наследников курак было обязательным, а не добровольным. Многие годы находясь при дворе правителя, они не просто видели многочисленные триумфы по случаю побед сынов Солнца, но и сами являлись обязательными участниками этих торжеств. Более того, после каждого «парада победителей» в ряды «студентов» вливались те из его участников, которые приходили в Куско со связанными за спиной руками, напоминая наследникам курак, что и их отцы, деды или прадеды точно так же впервые вступили в священную столицу сынов Солнца.

Поскольку наследники курак являлись атрибутом царского двора, они сопровождали сапа инку во время поездок по стране, длившихся иногда по нескольку лет кряду. Допустимо (хотя здесь нет полной ясности), что они принимали участие в военных кампаниях в свите царствующей особы. Столь «наглядные уроки», закрепляя теоретические знания будущих курак, должны были внушить идеи всемогущества сынов Солнца, невозможность сбросить гнет их господства. Этот моральный, но

вполне реальный «кнут», однажды занеся над их знатными головами, всю жизнь настойчиво взывал к благоразумию.

С не меньшим постоянством наследников одаривали и «пряником», щедро осыпая подарками. Обласканные и одновременно запуганные всемогуществом и сказочными богатствами сынов Солнца, они возвращались в «свои» царства если не преданными сторонниками, то верными и послушными проводниками великого дела Отца-Солнца.

Конечно, они боялись инков, но не могли не признавать государственную мудрость правителей из Куско, ибо те умели быть справедливыми, когда дело не касалось их собственных интересов. Однако любили ли они сынов Солнца, как утверждает хронист Инка Гарсиласо, или ненавидели лютой ненавистью, как настаивает испанец Сармьенто, мы не беремся ответить. Скорее всего и то и другое сосуществовало рядом, и если первые поколения подданных, при жизни которых произошла утрата независимости их царств, могли «любить» своих новых господ разве что за факт сохранения им жизни, то их потомки, утратившие остроту восприятия этих потерь, должны были испытывать иную гамму чувств, на которую не могло не оказывать воздействие их придворное воспитание.

Но и они в тайниках своей души тосковали по потерянной свободе. Убедительное свидетельство тому — «Новая хроника и доброе правление» Гуамана Помы, постоянно с горечью вспоминающего на ее страницах о том, что его предки когда-то сами правили обширными землями людей чинча.

Однако лишь немногие из подданных решались на открытую борьбу с господством инков. Для этого мало было затаенной тоски и даже храбрости, пусть отчаянной, — кстати, ее множество раз проявляли подданные инков, сражаясь за священное дело сынов Солнца. Для этого требовались иные человеческие качества, но вот какие?..

Вряд ли сегодня можно найти точный и ясный ответ на этот вопрос. Мы слишком далеки от той эпохи. Современному человеку трудно, а порой и невозможно не то чтобы понять, а хотя бы достаточно четко определить мотивировку тех или иных поступков человека из Тауантинсуйю. Но в отличие от нас инки знали и понимали этого человека, его мировосприятие и устремления, забо-

ты и чаяния, знали, чем было для него царство сынов Солнца...

Не боясь впасть в ошибку, можно с уверенностью сказать, что инки со всей решительностью подавляли любую крамолу, любые попытки подданных вырваться из цепких объятий сынов Солнца. Сомневаться приходится в другом: как, какие конкретные помыслы и представления двигали потенциальными «бунтовщиками», какие цели и задачи ставили они в своей борьбе?..

Для нас эти вопросы носят не только познавательный характер — нам предстоит столкнуться с ними в истории Тауантинсуйю.

И обучение-приручение в Куско будущих курак, и украшение двора сапа инки великим разнообразием «национальных» одеяний подданных, и наличие в столице царства живых «доказательств» необоримой силы воинов сынов Солнца, устрашавших чужеземного посетителя числом покоренных инками народов, — все это, бесспорно, играло чрезвычайно важную роль в политической жизни и в политике правителей Тауантинсуйю. Но существовала еще одна не менее важная причина, побудившая инков создать свои «университеты» для наследников главных курак: все они были заложниками, сдерживавшими освободительные порывы своих отцов.

Так усваивалась «истина», ставшая постепенно непреложной: сопротивление инкам бессмысленно, только в активном услужении, в беспрекословном подчинении Куско для курак и их будущих наследников лежал путь к безбедной жизни, полной услад и радостей, правда... утвержденных и согласованных с сынами Солнца. Но эта жизнь не обещала быть праздной.

Кстати, о праздности. Мы уже много раз писали, что инки не терпели праздности и лени. Похоже, они просто испытывали к ним ненависть. Об этом говорит, в частности, изобретенный сынами Солнца «налог», в смысл которого автор настоящей книги никак не хотел поверить. Пришлось несколько раз перепроверить текст по разным изданиям «Комментариев», чтобы сомнения рассеялись. Лишь обнаружив подтверждение у Сьесы де Леона, я поверил, что правильно истолковал эту «подать»: сыны Солнца взимали подать вшами! Живыми вшами!

Налог «вшами» выплачивали немощные старики, больные и калеки, трудовая деятельность которых к это-

му и сводилась. Этим путем инки боролись не только с бездельем, но и антисанитарным состоянием своих подданных. Сьеса де Леон расширяет круг облагавшихся податью вшами: «...когда местные жители говорили, что им нечем платить подать, короли приказывали, чтобы каждый человек всей этой провинции был обязан каждые четыре месяца сдавать довольно большую камышинку, заполненную живыми вшами, что было ловкой выдумкой Инки, принуждавшей и приучавшей их к практике выплаты податей...» Эта подать отменялась только после того, как население налаживало должным образом свое производство.

Ничего не скажешь! Изобретательность сынов Солнца соответствовала их лютой ненависти к безделью своих подданных!

Но у сынов Солнца были и другие, еще более ловкие и даже замечательные по своим результатам «выдумки». Так, правители Тауантинсуйю один раз в году назначали день, в который каждому из народов разрешалось говорить в присутствии сапа инки о состоянии дел в провинции, об имевшихся там нуждах, а также была ли подать велика или нет, и были ли местные люди в состоянии выплачивать ее. «А излагали они это по своей воле, но в присутствии некоторых господ инков, которые никогда не лгали, и они говорили им правду, ибо если был обман, их жестоко наказывали и увеличивали подать».

День для «доклада» выделялся каждому народу отдельно. В провинцию заранее направлялись инки-инспектора, собиравшие информацию о положении тамошних дел, жалобы от обиженных властями. Возвратившись в Куско, инспектор докладывал о результатах своего визита. Если жалобы находили обоснованными, из Куско отправлялся другой инка, обладавший правом «наказывать тех, кто был виновен».

Для испанца, сталкивавшегося в повседневной жизни у себя на родине с разве что неузаконенными казнокрадством, взяточничеством, лихоимством и мародерством, подобные порядки могли показаться если не бредом сумасшедшего, то величайшей наивностью, недоступной пониманию рядового кастильца. Вот почему — здесь мы высказываем свое собственное мнение — испанцы не всегда видели или, лучше сказать, ощущали суровую и даже жестокую во многих своих аспектах действительность, которая не таясь, открыто подпирала

«великолепные порядки» и «идеальное» государственное устройство инков.

Нет, такие испанские хронисты, как Сьеса де Леон, не приукрасили историю Тауантинсуйю и жизнь, которую они застали и увидели там. Просто не менее реальная действительность их собственной родины и царившие там «порядки», а также ужасы и невероятные жестокости конкисты, участниками которой они были, не могли не повлиять на их восприятие неведомого, во многом непонятного, чужого, даже жутковатого, но и прекрасного мира. Вот почему именно таким и предстает со страниц их сочинений царство инков Тауантинсуйю.

Если опираться на хроники, подобные сочинениям Инки Гарсиласо и Сьесы де Леона, создается достаточно убедительная картина патерналистского характера обращения инков со своими подданными. Их воздействие в этом плане еще больше усиливается на фоне имевших место в самой Испании дискуссий, участники которых решали вопрос, являются ли обитатели Нового Света людьми, разумными существами, или их следует причислить к животному миру.

Конечно, можно оспаривать конкретное содержание того или иного обычая либо закона, которые хронисты приводят в доказательство забот сынов Солнца об основной массе населения страны.

Можно сомневаться даже в самых достоверных, правда с точки зрения хронистов, фактах патерналистской политики инков, но нельзя ставить под сомнение то, что Мариатеги назвал «социальной предусмотрительностью» инков. Очень важно, что речь идет не о каких-то разовых мероприятиях, а о принципе, одном из принципов, лежащих в основе их правления.

Не менее важно и то, что такой подход инков к решению своих внутренних проблем позволяет взглянуть с позиций «социальной предусмотрительности» и на другие явления в жизни Тауантинсуйю, также засвидетельствованные хронистами.

Вот почему нам не кажутся такими уж нереальными рассказы хронистов, что местные кураки расплачивались головой не только за преступления против верховной власти, но и за недосмотры, преднамеренные или непреднамеренные, причинявшие ущерб — зло! — подданным сынов Солнца. Ведь, помимо самой земли, мы не можем забывать об этом, главным богатством, которым реально владели сыны Солнца, были миллионы пурехов со

своими семьями. Наивно думать, что инки не понимали этого. Не зря же по их приказу все население Тауантинсуйю было поголовно занесено в узелки на кипу, не зря трудилась армия кипукамайоков, чтобы никто не ускользнул из-под всеохватывающего контроля Куско.

Совсем иным, как уже говорилось, было положение самих сынов Солнца. Трудно сказать, подвергся ли наказанию тот инка, под руководством которого «усталый камень» раздавил несколько тысяч пурехов. Но курака, например, допустивший мор в своем царстве, в глазах инков был преступником и потому подлежал самому суровому наказанию.

Быть справедливым не составляет какого-либо труда, коль скоро ты сам просто не можешь совершить преступления. И инки искали, находили и карали тех, кто совершал зло, ибо в царстве сынов Солнца не было места для зла: здесь царствовали добро и справедливость. Иными словами, слава радетелей и защитников бедных и слабых являлась частью «социальной предусмотрительности» сынов Солнца.

Все это производило огромное впечатление на подданных сынов Солнца; пурехи вполне могли видеть в инках своих покровителей и защитников. Когда же индейцы столкнулись с несправедливостью и ничем не оправданной жестокостью новых господ — испанцев, ощущение полнейшей беззащитности, помноженное на царившее в стране беззаконие, должно было до крайности обострить чувство тоски по прошлому, в котором доброе и хорошее — такова особенность человеческой натуры — вытеснило все остальное. Вот почему необходима поправка и на это важное обстоятельство, сыгравшее не последнюю роль в появлении легенды о «золотом веке» Тауантинсуйю.

В Тауантинсуйю инки действительно были повсюду, рядом с каждым пурехом. Они внушали страх и надежду. Однако сыны Солнца одновременно были так невероятно далеко от простых смертных, что «увидеть» их добрыми и благородными господами и даже земными божествами не составляло большого труда, особенно для тех, кто в реальной жизни так никогда не встретил ни одного живого сына Солнца.

Хронисты, говоря об отношении простых индейцев к своим правителям-инкам, по-разному пишут об этом вопросе, как, впрочем, и о других. Инка Гарсиласо, например, вообще склонен не замечать насилие и жесто-

кость в жизни Тауантинсуйю, но оба эти извечных спутника войны вопреки желанию автора все же находят место на страницах его сочинения. Хронист Сьеса де Леон, также утверждающий, что инки всегда стремились к мирному присоединению чужих земель к своему царству, счел нужным добавить: «Позже инки учинили жестокую расправу во многих местах...» Во многих местах, а не повсеместно и, следовательно, не всегда. Это, как нам кажется, очень важное уточнение. Ибо есть авторы хроник, в которых вся история инков из Куско представлена как непрекращающееся насилие. Среди этих сочинений находится уже известная нам «Индийская история» Педро Сармьенто де Гамбоа, не без успеха претендующая на первое место в данном вопросе. Но даже Сармьенто, полностью отрицающий мирные устремления инков, вынужден признать, что, по утверждению некоторых индейцев, их земли были включены в Тауантинсуйю с их собственного согласия. Отсюда ясно, что мирный способ присоединения к владениям инков чужих царств и земель также имел место, но то был только один из вариантов распространения господства Куско над индейскими народами.

Теперь нам предстоит коснуться вопроса, который уже давно должен был возникнуть у читателя: на каком языке общались между собой подданные Тауантинсуйю и на каком языке разговаривали с ними сыны Солнца?

Царство сынов Солнца не просуществовало бы и дня без единого для всей империи языка. Этим языком стал язык кечуа — руна сими, или «язык человека». Его роль трудно переоценить в этнически пестром государстве с многомиллионным населением. Повсеместное введение единого языка было невероятно сложным мероприятием, особенно в условиях Тауантинсуйю, если учесть его размеры, многочисленность населения и отсутствие письма. Правда, сыны Солнца имели активных помощников в лице тех подданных, которые стремились сделать карьеру, поскольку знание языка кечуа являлось для этого непременным условием. Но и сами инки не бездельничали: язык кечуа учили и преподавали не только в Куско. Этим важнейшим делом занимались митимаи из кечуа (помните наш рассказ о гибели Писака?), которых власти расселяли буквально по всей территории страны.

Эффективность этой работы оказалась необычайно высока. Луис Э. Валькарсель на основании своих поле-

вых исследований утверждает, что сегодня «помимо кечуа, языка инки, в живых остался только язык аймара». Напомним еще раз: обучение языку кечуа велось только устно.

Инка Гарсиласо написал также об «особом языке» самих сынов Солнца. Хронист говорит, что сам он не владел этим приватным языком инков, хотя некоторые слова и их значение знал. В частности, название инкской столицы как раз и было таким словом. Но других свидетельств существования особого языка инков нет. Нет и серьезных оснований ставить под сомнение утверждение Инки Гарсиласо. Оно нуждается лишь в уточнении — скорее всего это был не самостоятельный язык, а один из диалектов кечуа либо особый жаргон, специально придуманный для приватных бесед сынов Солнца, поскольку инкам было что скрывать от своих подданных.

И действительно, не все было так гладко в отношениях инков со своими подданными, как того хотели и добивались сыны Солнца. При всей своей изощренной ловкости, последовательном рационализме и социальной предусмотрительности правители Тауантинсуйю так и не сумели подобрать или изобрести универсальный ключ для решения сложной суммы вопросов, связанных с этнокультурным многообразием своего государства.

Создавался порочный круг: чем больше разрасталось государство, чем могущественнее оно становилось для внешнего врага, тем острее и настойчивее вставала на повестку дня проблема удержания в его рамках не только новых, но и старых подданных. Разорвать этот круг без ощутимых потерь инки не могли. Но они не могли и согласиться не только с любыми потерями, но и с фактами нахождения в пределах досягаемости других независимых государств индейцев. Ибо потеря подданных, равно как и неспособность подчинить себе соседа, означала отказ от главной идеологической концепции, «оправдывавшей» сам факт существования Тауантинсуйю.

Пока экспансия Куско стремительно развивалась, держа в постоянном напряжении царство, для инков как для сынов Солнца все складывалось как нельзя более удачно: их слово, опиравшееся на священные заветы Отца-Солнца, в главном не расходилось с земными делами.

Громкие победы воинов Солнца, следовавшие одна

за другой, шумные празднества-триумфы, участниками которых становились десятки, если не сотни тысяч людей, строительство общественно полезных сооружений и другие преобразования, рожденные непосредственно в процессе победоносной экспансии сынов Солнца, позволяли, а иногда и требовали решать с ходу достаточно сложные проблемы, не оставляя времени на размышление не только побежденным, но и победителям. Как мы знаем на примере чанков, они, даже не разобравшись в случившемся, уже шагали в рядах армий сынов Солнца на завоевание других народов во славу Единственного инки и его Отца-Солнца.

Но вот наступил момент, когда в обозримом с границ царства пространстве сынам Солнца уже некого было завоевывать. Казалось бы, должна была еще больше укрепиться власть Куско над вошедшими в состав Тауантинсуйю царствами и народами, однако этого как раз и не произошло.

Вождя чанков Анко-Валью трудно зачислить в разряд повстанцев доколумбовой Америки, хотя именно он первым выступил против господства инков не извне, а

в пределах границ Тауантинсуйю. Вряд ли следует рассматривать Анко-Валью даже как борца за свободу, поскольку он сам до восстания и побега пытался поработить индейцев кечуа. Кроме того, десять лет он мирно уживался со своими поработителями и только после конфликта во время войны с царством Колья Анко-Валью «восстал» и ушел за пределы царства сынов Солнца.

Возможно, инки действительно решили убрать своего слишком отважного подданного, но и в этом случае последующие действия вождя чанков не носили национально-освободительного характера. Более того, далеко не все чанки ушли с Анко-Валью, ибо боевые отряды этого народа фигурируют и в более поздних завоевательных походах сынов Солнца.

Вот почему, если исключить историю с попыткой инков уничтожить своих вассалов чанков как возможную фальсификацию, с позиций сынов Солнца побег Анко-Валью был проявлением очевидной неблагодарности этого конкретно взятого человека, которому не только сохранили жизнь, вылечили от ран, оставили на прежнем «руководящем посту», но даже доверили реализацию в жизнь священных указаний прародителя всех сынов Солнца. Такого подданного иначе как недобросовестным, коварным и неблагодарным не назовешь.

После побега Анко-Валью проходит почти целых сто лет в истории царства инков, но мы не встречаем в эти годы сколько-нибудь выдающегося или официально зафиксированного события, которое можно было бы классифицировать как «бунт» или «восстание» подданных Тауантинсуйю. Все эти годы шли завоевательные войны. Конечно, в реальной жизни царства имели место не одни только победы, однако созданное инками государство вплоть до смерти Инки Уайна Капака было не просто жизнеспособным, но и процветало.

Но то был апогей правления сынов Солнца. Именно правления, а не самого царства, созданного инками из Куско. Здесь нет игры слов: Тауантинсуйю как государственное устройство просуществовало вплоть до прихода испанцев, и только они его разрушили. Но основы Тауантинсуйю уже были потрясены событиями, связанными с именем Атауальпы. Эти события нельзя исключить ни из жизни царства сынов Солнца, ни из нашего рассказа. Более того, без них нельзя правильно понять ни само царство, ни главные тенденции развития одного из ин-

тереснейших и во многом необычных государств Америки.

Мы уже знаем, что Атауальпа был незаконнорожденным сыном Инки Уайна Капака, причисленного еще при жизни к пантеону богов. Если верить хронистам, Уайна Капак позволял себе даже еретические вольности, о которых ни один из его предшественников и думать не смел. Он, например, любил в открытую понаблюдать за Солнцем, что среди инков считалось великим грехом. Когда же верховный жрец однажды рискнул напомнить ему об этом, правитель не стал оправдываться, а заявил, что коль скоро Солнце с неумолимой точностью и не зная отдыха трудится на небе, то оно скорее всего выполняет чье-то задание, а не действует по своему личному разумению. Он даже сравнил действия Солнца с поведением своих подданных, когда они выполняют его, сапа инки, поручения и приказы. Жрец не решился возразить правителю, видимо опасаясь, что тот в доказательство правоты своих слов проведет какой-либо рискованный эксперимент над ним самим.

Нарушением традиций клана инков являлось и чрезмерное приближение бастарда Атауальпы к Уайна Капаку: когда Атауальпа подрос, именно он, а не законные наследники сапа инки, стал сопровождать своего августейшего отца в военных походах и официальных визитах в провинции царства.

Уайна Капак сделал своей фактической резиденцией город Кито, который завоевал еще в годы царствования своего отца. Правда, подобное нарушение одной из главных и самых священных традиций сынов Солнца имело формальное оправдание: город Кито лежал прямо на экваторе и потому был ближе к Солнцу, нежели Куско. Но среди инков ходило куда более земное объяснение этого поступка Уайна Капака: дочь царя Кито была матерью Атауальпы; именно она и ее сын служили теми магнитами, которые удерживали в Кито Уайна Капака.

Правда, всесильный правитель мог без всяких хлопот перевести их обоих в Куско, где проживали официальные жены Уайна Капака и не менее официально признанные наложницы, о числе которых мы можем догадываться лишь по количеству его детей — более двухсот сыновей и дочерей. Но Уайна Капак не сделал этого и сам предпочел остаться в Кито. Не исключено, что в нем заговорили чисто человеческие чувства, которые не смогло вытравить ни божественное происхождение,

ни суровое воспитание, ни ничем не ограниченная власть.

Теперь, когда мы располагаем некоторыми сведениями об Атауальпе, можно попытаться ответить на вопрос, был ли он, как и Анко-Валью, неблагодарным вассалом, или в его лице история заполучила первого либо самого выдающегося повстанца доколумбовой Южной Америки, поднявшего на освободительную борьбу неинкские царства и народы Тауантинсуйю?

Нам представляется, что в отличие от Анко-Валью бастард Атауальпа действительно был если не первым, то самым значительным борцом против тирании Куско, первым повстанцем в Тауантинсуйю. Более того, его «идеологическая платформа» содержала элементы протеста не только против социального, но и национального (этнокультурного) гнета сынов Солнца.

Но подобное утверждение требует такого множества оговорок, уточнений и разъяснений, что нам придется подробно остановиться на этом вопросе. И прежде всего мы не должны ни на минуту забывать, что в ту отдаленную эпоху (отдаленную не по формальному количеству прошедших лет, а по стадиальному различию исторического и социально-экономического развития) даже внешне схожие события, происходившие в Новом и Старом Свете, резко отличались своим реальным содержанием. Во времена господства инков любая «освободительная борьба» не могла привести к подлинному освобождению племен и народов, входивших в состав Тауантинсуйю, а такие понятия, как «социальное» и «национальное» освобождение, неприменимы к той эпохе. Читатель не должен забывать об этом.

С учетом этих замечаний мы переходим к рассказу о войне, которую бастард Атауальпа из Кито начал против чистокровных сынов Солнца из Куско.

Мы знаем, что Атауальпа еще совсем молодым юношей сопровождал отца в военных походах. Это видели и знали лучшие полководцы царства. Многие из них искали дружбу явного фаворита сапа инки. В отличие от законного наследника само положение бастарда Атауальпы было не таким изолированным. Он не просто казался, а действительно был более доступен. Бастардам, а также индейцам неинкам он представлялся своим человеком, которому, как и всем им, просто не повезло с рождением. В какой-то момент и сам Атауальпа должен был понять двусмысленность своего положения, по-

нять то, что было скрыто от него благодаря любви всемогущего отца.

Мы можем лишь догадываться, какое впечатление произвело на Атауальпу это открытие. Только теперь он стал замечать, каким было к нему истинное отношение сынов Солнца. Он понял и то, что ожидает его после смерти Уайна Капака: если не гибель, то низведение до уровня обычного бастарда.

В Кито Атауальпу окружали родичи по материнской линии. Царство Кито было присоединено к Тауантинсуйю относительно недавно, и дочь бывшего правителя, а заодно и ее сына окружали представители знати того поколения, которое не просто помнило свободные от инков времена, но и остро переживало утрату власти. Именно эти люди больше всего пострадали от прихода сынов Солнца, и они же были главными носителями и хранителями «национальных» (этнокультурных) традиций индейцев Кито. Царство Кито было их царством, и они не могли не переживать утрату свободы и фактической, а не показной власти.

Близость Атауальпы к Уайна Капаку могла препятствовать их открытому сближению с бастардом, но лидеры «внутренней оппозиции» должны были искать и, несомненно, находили способы внушения Атауальпе «национальных интересов» царства Кито. Последующие события подтвердили это: междоусобная война между двумя сыновьями Инки Уайна Капака носила не только характер дворцового переворота.

С большой долей уверенности можно утверждать, что Атауальпа еще при жизни отца действительно размышлял над своим будущим. Он не мог не понимать, что в лице царства Кито располагал надежным союзником, готовым поддержать его в трудную минуту. Эта уверенность зиждилась на кровном родстве (помимо чисто политических факторов) и потому, говоря современным языком, имела национальную основу. Таким образом, при благоприятном стечении обстоятельств борьба Атауальпы за свое будущее вполне могла принять черты освободительного движения царства Кито.

Именно такому стечению обстоятельств помог не кто иной, как сам Инка Уайна Капак.

Однако здесь нужно предупредить читателя, что дальнейший ход событий, очевидцами финала которых стали испанцы — очевидцами и участниками, описан хронистами далеко не одинаково. Мы будем придерживаться наи-

более распространенной версии, отдавая некоторое предпочтение Инке Гарсиласо. Но поскольку он слышал эту историю от своих родичей-инков, это будет в значительной мере инкский вариант событий, потрясших до основания царство сынов Солнца.

Итак, чем именно Инка Уайна Капак способствовал стечению тех самых обстоятельств, которые придали предпринятой Атауальпой борьбе освободительный характер?

Перед смертью Инка Уайна Капак оставил завещание, по которому он отдавал во владение своему сыну-бастарду царство Кито. И хотя трудно понять, чем было и что конкретно означало это «завещание» и существовало ли таковое (письменного документа сапа инка не мог оставить из-за отсутствия у инков письма), ясно одно: если завещание действительно имело место — последняя воля на смертном одре — это означало очевидное и вопиющее нарушение законов и обычаев сынов Солнца.

В Куско и Кито по-разному восприняли и по-разному толковали завещание Уайна Капака. В имперской столице сделали вид, что ничего особенного не случилось, и Инка Уаскар, воцарившийся на престоле, вроде бы с пониманием отнесся к назначению своего брата-бастарда правителем Кито, по традиции поставив его «вторым человеком», естественно, после себя самого.

В Кито ждали официального признания суверенитета своего царства, но еще больше реакции, которая должна была последовать на столь необычное решение самого блистательного и самого могущественного (естественно, при жизни) из всех когда-либо правивших в Тауантинсуйю сапа инков. Ждали и... не теряли времени даром.

Следует заметить: нет никаких доказательств, что Атауальпа сразу же после кончины своего августейшего родителя решил завладеть престолом Тауантинсуйю. Инка-бастард скорее всего и не помышлял о подобной дерзости. Перед ним стояла куда более скромная цель: закрепить за собою Кито.

На стороне Инки Уаскара были закон, обычаи, традиции и почти весь клан чистокровных инков-правителей.

На стороне бастарда Атауальпы, кроме завещания, находилось нечто куда более реальное — в его лагере стояли отборные, лучшие во всем царстве войска во гла-

ве со всеми самыми знаменитыми военачальниками. Они пришли в Кито вместе с Уайна Капаком и после его смерти застряли именно там.

Возможно, Инка Уаскар не спешил отозвать эти войска, поскольку знал об их преданности Уайна Капаку и своим боевым командирам, среди которых далеко не последнее место занимал Атауальпа. Возможно, для решительного разговора со своим братом-бастардом по поводу завещания их умершего отца Инка Уаскар собирал гвардию сынов Солнца, полагая, что она может усилить его аргументы при личной встрече со своим подданным, каковым он считал Атауальпу.

Как пишет Инка Гарсиласо, Атауальпа официально признавал свою зависимость от Куско, хотя то была лишь хитрость со стороны бастарда. Он приказал людям своего царства готовиться к поминанию Уайна Капака и заодно совершить в Куско поклонение, которое следовало оказать Уаскару как новому сапа инке. «Для одного и для другого нужно было взять с собой все наряды, украшения и праздничные костюмы, которые они имели, потому что он желал, чтобы праздник был наиторжественнейшим. С другой стороны, — поясняет Инка Гарсиласо, — он тайно приказал своим капитанам, чтобы каждый из них в своей округе отобрал бы наиболее пригодных для войны людей и приказал бы им тайно взять с собой оружие, потому что они были нужны ему не для поминания, а для сражений».

Главными «церемониймейстерами» на торжественном поминании Атауальпа назначил самых знаменитых полководцев Тауантинсуйю: Чилькучима и Кис-Кис. По их именам трудно определить, принадлежали ли они к клану сынов Солнца, но они были родом из Куско. Известно, что оба прославились при Инке Уайна Капаке. Их любовь к Атауальпе могла быть вполне искренней. Столь же искренне инка-бастард закреплял их любовь к себе щедрыми дарами и другими свидетельствами своего расположения, чему научился у отца.

Можно не сомневаться, что и Инка Уаскар не менее решительно готовился не столько к торжественному поминанию отца, сколько к встрече с братом-бастардом. Он не был бы сыном Солнца, если бы не обезвредил брата, скорее всего отправив его к праотцам. Утверждения же хронистов Инки Гарсиласо, Хосефа де Акосты и других испанских историков, что Инка Уаскар полностью доверял своему родичу из Кито и с любовью и нетерпени-

ем ожидал с ним встречи, выглядят нанвными, если не больше.

В Куско просто не должны былн поверить в подлинность завещания Уайна Капака, если речь шла о разделе царства. Это очевидно даже нам, а хранителям обычаев и законов Тауантинсуйю любой намек на подобную рекомендацию со стороны усопшего правителя должен был показаться страшнейшим кощунством и чудовищным святотатством. Такого не мог совершить ни один сын Солнца, не говоря уже о Единственном. Ибо это означало отказ от святая святых, от главной и единственной цели, ради которой сыны Солнца спустились на Землю. Стоило ли Солнцу затевать всю эту нелегкую затею, если его божественные детки начнут раздавать по своей прихоти с таким трудом «цивилизованных» людей и приспособленные именно для этой цели земли?!

Повторяем: такая идея не могла прийти в голову ни одному сыну Солнца и тем более самому выдающемуся из них. Только так могли рассуждать и думать в Куско, получив сообщение о завещании Уайна Капака.

Ситуация с завещанием выглядит странной еще и потому, что после смерти Уайна Капака инкские специалисты по составлению и редактированию капаккуны должны были «прочесть» в присутствии официального преемника (а не сына бастарда) полный и нелицеприятный отчет о его, Уайна Капака, деяниях на посту сапа инки. Именно Уаскар должен был решать, что следует сохранить, а что предать забвению из длинного перечня мероприятий его отца и предшественника. Все это знал Уайна Капак.

Не мог он забыть и крайне неприятную возможность выпасть из главного документа Тауантинсуйю, что уже случалось ранее с нарушителями священных законов Солнца.

Вот почему, если бы Уайна Капак задумал нарушить даже самый пустячный закон сынов Солнца, он должен был сделать это еще при жизни, чтобы своей ничем не ограниченной властью и своим непререкаемым авторитетом (первое было надежнее) осуществить задуманное, естественно придав новому закону вид божественного откровения, то есть рекомендации сверху, прямо от Солнца. Только так Уайна Капак мог попытаться изменить положение своего любимого сына, но он не сделал этого. Почему?

Можно предположить, что просто не успел придумать

необходимый предлог для соответствующей реформы. Можно, но подобная медлительность и даже нерешительность не вяжется с образом этого всемогущего правителя. Гораздо реальнее кажется предположение, что он не счел возможным посягнуть на главную заповедь своего Отца-Солнца: на территориальную целостность царства. Будучи от природы мудрым человеком, повторяем, так утверждают все хронисты, Уайна Капак без труда мог представить, к каким последствиям для Тауантинсуйю приведет подобная акция с его стороны.

И все же нельзя исключить, что умирающий инка что-то сказал или даже приказал относительно Атауальпы. В этом случае, как нетрудно понять, все зависело не от дикции умирающего, а от того, кто его слушал и что услышал. В одном можно не сомневаться: Инка Уаскар получил самую достоверную информацию о последних словах своего отца.

Инка Уаскар и Атауальпа не просто выжидали, а активно готовились к предстоящей встрече, которая и должна была ответить на все вопросы, связанные со смертью Уайна Капака. Получив приглашение прибыть на поминки своего отца, Атауальпа понял, чем может закончиться его визит в Куско. Он принял приглашение (не принять его он просто не мог), но вместо поминальщиков направил в столицу Тауантинсуйю свои войска. Сам Атауальпа в Куско не пошел, он выжидал.

Возможно, что Инка Уаскар все еще не принял окончательного решения относительно Атауальпы, рассчитывая при личной встрече вынести свой высочайший приговор его дальнейшей судьбе. Ему нечего было опасаться за свою персону, ибо встреча состоится в Куско. Скорее всего он даже радовался, что сумел так ловко заманить в ловушку своего слишком знаменитого и потому опасного брата...

Мы попытались восстановить на основе известных фактов сложившуюся в Тауантинсуйю расстановку сил после смерти Инки Уайна Капака. Теперь попытаемся с позиций нашего дня оценить эту ситуацию. Инка Уайна Капак умер естественной смертью в достаточно пожилом возрасте. (Многие хронисты полагают, что он умер от оспы, которую европейцы завезли в Новый Свет.) Сразу же после его смерти на престол Тауантинсуйю был возведен законный наследник — старший сын от второй официальной жены Инка Уаскар (первая оказалась бесплодной, и Уайна Капаку пришлось на всякий

случай взять сразу еще двух жен). Тело покойного было доставлено в Куско и там набальзамировано. Инка Гарсиласо видел в Куско мумии нескольких сапа инков, в том числе и Уайна Капака. «Я вспоминаю, — рассказывает он, — что трогал палец на руке Уайна Капака; казалось, что это деревянная статуя, настолько он был твердым и крепким».

Настоящее свидетельство — очень важная деталь, говорящая о том, что сыны Солнца похоронили Уайна Капака именно как сапа инку. А это значит, что завещание, противоречившее главным законам царства, либо не было принято всерьез, либо действительно отсутствовало.

Таковы факты, как они нам представляются сегодня.

Но реальностью было и продвижение войск Атауальпы к столичному Куско. Особо остро его ощутили тогда, когда многотысячные боевые отряды «поминальщиков» под предводительством Чильку-чима и Кис-Кис подошли к последнему и самому надежному редуту, созданному самой природой для защиты земель индейцев кечуа, — многоводной бурной реке Апу-римак. Полководцы Атауальпы даже не поверили своим глазам: знаменитый висячий мост, одним своим видом внушавший почтение и страх, не был поврежден. Заподозрив ловушку, полководцы выслали разведку, но она подтвердила невероятное: путь на Куско был свободен.

Подобный просчет инков можно объяснить только абсолютной уверенностью Инки Уаскара в подавляющем превосходстве своих сил. Он подтверждает: Уаскар все еще не принял окончательного решения относительно своего брата-бастарда.

Атауальпы не было в рядах «поминальщиков». В этом также нетрудно усмотреть, что и он окончательно не утвердил свою программу действий. Неизвестно, кто принял решение перейти Апу-римак — этот перуанский рубикон, но войско из Кито, сбросив наряды поминальщиков, двинулось в глубь кечуанских земель.

Только теперь можно с уверенностью сказать, что главной целью Атауальпы стал захват трона Тауантинсуйю, а возглавленное им движение обрело новую окраску, приняв абсолютно нормальный и закономерный вид... для созданного сынами Солнца общества.

На чем основывается это утверждение? На том очевидном факте, что переход войск Атауальпы через реку Апу-римак означал очередную в истории Тауантинсуйю попытку завладеть царской «короной» — налобной по-

вязкой с перьямн священной птицы корнкэнкэ. Весь ход дальнейших событнй подтверждает сказанное.

И все же нельзя не отметить то необычное, что прнвнесло в историю царства сынов Солнца предпрннятое Атауальпой «движенне»: его начало, бесспорно, имело ярко выраженную национальную окраску. Вот почему к мосту через реку Апу-рнмак подошли войска первого в истории Тауантинсуйю повстанца Атауальпы. Но через мост уже перешли силы бунтовщика инкн-бастарда из Кито.

Глава IX

КОГДА УЖЕ НИКТО НЕ МОГ ПРОТИВОСТОЯТЬ

КОРОЛЕВСКИЙ СОВЕТ

Как мы уже говорили, к концу правления Уайна Капака инки имели все основания полагать, что в мире нет силы, способной оказать им сопротивление. Но именно в этот период их истории экспансия Куско практически остановилась, поскольку выяснилось, что сынам Солнца некого покорять.

На западе Тихий океан стал преградой на пути экспансии инков. Правда, еще при Топе Инке Юпанки была организована экспедиция в глубь Тихого океана, но ее результаты не прослеживаются в истории Куско. В самом деле, трудно назвать важной экспедицию, если 20 тысяч воинов привозят в качестве главного трофея конские челюсть и шкуру, а также кресло из латуни, которые, кстати, никто из испанцев так и не увидел.

На севере племена диких индейцев так и не поддались миссионерской деятельности сынов Солнца, их приручение оказалось не под силу инкам.

На востоке экспансию инков сдерживала сплошная и трудноодолимая стена гигантских Анд. К тому же на востоке не было цивилизаций, достойных стать подданными Тауантинсуйю. Правда, на северо-востоке Южной Америки к тому времени уже сложились крупные государственные образования индейцев чибча-муисков (территория современной Колумбии), но сыны Солнца, судя по всему, не располагали о них информацией.

На юге инков остановили арауканы. Своей всепобеждающей любовью к свободе этот народ вызывает чувство неподдельного восхищения. Не только инки, но и испанцы не смогли сломить его сопротивление.

Что же касается самого царства, то в нем царили тишина и порядок, так поразившие испанцев. «Империя инков, когда умер Гуайна Капак, — пишет Сьеса де Леон, — оказалась такой замиренной, что на столь огромной земле не нашлось бы человека, который отважился бы поднять голову, чтобы не подчиниться властям...»

Между прочим, тот же хронист дает весьма любопытное описание конкретного «метода» миссионерской политики инков: «И много раз говорил Гуайна Капак, что для того, чтобы крепко держать в покорности людей этих королевств, следовало, когда им нечего было делать и

нечему было их обучать, заставлять их перетаскивать гору с одного места на другое; и он даже приказал доставить из Куско камни и плиты для сооружений в Кито, которые и сегодня находятся там, куда их уложили».

Очевидно, что подобные «развлечения» возможны лишь при наличии достаточно крупного избыточного продукта сельскохозяйственного производства, то есть тех самых двух третей урожая, которые сыны Солнца — будем называть вещи своими именами — отбирали у многомиллионной армии простых пурехов.

До сих пор мы пытались увидеть действительность Тауантинсуйю если не глазами самих инков, то испанцев-хронистов. Теперь настало время взглянуть на созданное инками общество, вооружившись современными знаниями, с позиции общих для человечества законов, которые определяют ход развития мировой истории.

Начнем с главного вопроса, ответить на который столь же трудно, сколь необходимо: к какой социально-экономической формации принадлежало инкское общество или каков был уровень социально-экономического развития, достигнутый индейцами кечуа в период господства инков из Куско?

Сразу же укажем, что по данному вопросу нет единства мнений ни в мировой науке, ни среди советских ученых. Мы выскажем здесь лишь свою точку зрения и попытаемся ее обосновать, не претендуя, однако, на окончательное решение вопроса.

Созданное инками общество было классовым, и не просто классовым, а антагонистическим. Оно четко делилось на две социально и экономически изолированные группы населения, одна из которых, эксплуататорская, исходя из специфических условий Тауантинсуйю, определяется нами как «неналогоплательщики», а другая, эксплуатируемая, как «налогоплательщики». Вторая группа населения составляла подавляющую массу подданных инков-правителей.

Естественно, что в таком гигантском государстве, как Тауантинсуйю, разделение на классы не могло носить абсолютно изолированного характера. К тому же само инкское общество находилось в процессе формирования. Это делает картину социального расслоения страны не во всем ясной.

Мы знаем, что господствующий класс не был однородным. И хотя в нем четко обозначились две главные прослойки, его структура была сложной и неустойчивой,

особенно за счет акльей и бастардов, «прорывавшихся» в ряды знати.

В Тауантинсуйю была многочисленная группа населения, определявшаяся властями как «инки по привилегии». Однако нас не должно вводить в заблуждение ее название; принадлежность этой группы населения к основной массе эксплуатируемого народа не может вызывать сомнений. За свое «право» называться «инками» они расплачивались трудом: обеспечивали рабочей силой не только все службы инкского двора, но и активно участвовали в освоении новых земель в качестве митимаев, занимались приручением новых вассалов, заполняли вместе с уже «цивилизованными» индейцами районы страны, жители которых переселялись властями в безопасные провинции Тауантинсуйю, служили в армии на наиболее ответственных участках, требовавших постоянного присутствия воинов: в главных крепостях и в столичном гарнизоне, у наиболее важных храмов и так далее.

Значительное количество пурехов находилось на постоянной военной службе, большинство же призывалось на относительно короткие сроки, связанные с конкретными кампаниями сынов Солнца. Таким образом, только незначительная часть профессионального воинства, главным образом сами инки и их родичи-бастарды, может быть отнесена к категории «неналогоплательщиков» по своему общественному положению.

Здесь настало время вернуться к вопросу об общине в Тауантинсуйю. По существу, клан правителей из Куско также был общиной, только царствующей. Внутри его действовали свои особые порядки, но и в них нетрудно усмотреть характерные для общины принципы и правила, включая «общинную демократию». Если исключить сапа инку, положение всех остальных членов клана выглядит достаточно одинаковым и в этом смысле равноправным. Естественно, что наиболее ответственные посты сапа инка доверял самым близким родственникам, но это характерно не только для сынов Солнца. Однако внутри клана формальных ограничений не было, и каждый из сынов Солнца мог рассчитывать на любую должность в административно-бюрократическом аппарате царства, исключая «пост» сапа инки.

Но удивляет и другое: начиная со времени правления Пачакутека, первого исторического правителя Тауантинсуйю, до нас дошло немыслимо малое количе-

ство «скандальных историй», связанных с кланом инков, на которые так падки историки всех времен и народов. Их действительно так мало — только две! — что невольно возникает мысль о суровой и жесткой самодисциплине, привитой Пачакутеком своим родственникам по клану.

Все это, как и «общинная демократия» внутри клана инков, может быть если не объяснено, то хотя бы понятно на фоне неизжитых, пусть слабых, но реальных отголосков родо-племенных отношений, верным и стойким хранителем которых выступала община — айлью. В клане правителей империи с ними пока еще уживалась ничем не ограниченная деспотия Единственного и самого клана за пределами его границ, но новые социальные отношения, складывавшиеся в инкском обществе, успешно помогали сынам Солнца преодолевать эту свою отсталость. В последние годы правления Уайна Капака инки практически изжили ее.

Итак, можно утверждать, что в центре всей экономической, политической и культурной жизни инкского государства стояла индейская община. Можно спорить, была ли она территориальной или все еще оставалась под доминирующим влиянием родо-племенных отношений (мы придерживаемся второй точки зрения), но нельзя отрицать, что именно община была главным, базовым звеном созданного инками общества и одновременно — здесь мы высказываем свою точку зрения — главным и основным орудием эксплуатации трудящегося населения царства сынов Солнца.

Инки делали все, чтобы подчинить своей власти непосредственно общины, а не объединения, то есть индейские царства и провинции, включенные в Тауантинсуйю. Более того, последние систематически разрушались инками (например, с помощью того же митмака), в то время как община постоянно укреплялась, и укреплялась самой властью. Мы знаем, что инки даже сами создавали «местную» общину.

Инки стремились унифицировать всю систему управления государством, но для этого было необходимо прежде всего унифицировать базовую единицу царства. Введение арифметической системы деления населения страны было важным шагом на этом сложном, но, как казалось сынам Солнца, достаточно надежном пути становления их государства как конфедерации всех айлью, руководящихся непосредственно из центра, то есть кла-

ном инков. Такая система управления была невероятно сложной, однако действовала практически безотказно. За бесперебойность работы административно-бюрократического аппарата страны отвечал каждый его винтик, и отвечал своей головой.

Хронист Инка Гарсиласо рассказал, что однажды камайок селения распорядился обработать земли кураки, которому он доводился родичем, вне установленной законом очередности. Пурехи выполнили его приказ. Однако инки узнали об этом и учинили суд. Камайок был признан виновным и повешен на участке земли, принадлежавшей кураке, чтобы и тот почувствовал тяжесть совершенной несправедливости и свою причастность к ней.

Камайоки и кураки опутывали подданных сынов Солнца вполне зримой и реально ощутимой цепью, с помощью которой каждый житель Тауантинсуйю оказывался навечно прикован к точно отведенному ему месту в царстве. В условиях такого поголовного контроля и полной взаимной ответственности, когда начальник отвечал за подчиненного, а подчиненный, в свою очередь, был обязан следить и доносить на начальника, откуда было взяться бродяжничеству, воровству, нерадивому отношению к труду и другому злу?

Но сыны Солнца боролись со злом не только с помощью строжайшего контроля и еще более строгих наказаний. Власть регулировала обеспечение подданных всем жизненно необходимым в питании, одежде и жилье. Вот почему у пуреха не было сколько-нибудь уважительных поводов для прогулок вне своего постоянного места жительства.

Каждое селение имело помимо избранных и природных начальников нескольких кипукамайоков, которые вели скрупулезный обсчет буквально всего, что поддается цифровому контролю. Кроме них, постоянно действовала целая система инспекторов, без предупреждения появлявшихся в любой час и в любом месте. Трудно представить себе более очевидное доказательство бесправия подданных сынов Солнца.

Какие же выводы можно сделать из того, что мы знаем об общине-айлью и о царстве сынов Солнца?

Очень важные, если мы обратимся к выдающейся работе Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Оказывается, очень многие признаки-характеристики, называемые Энгельсом в качестве типичных черт раннеклассового антагонистиче-

ского общества, мы без труда находим в обществе, созданном инками из Куско. Так, наличие окончательной победы моногамной семьи — а именно такая семья образовывала двор пуреха — означает наступление эпохи цивилизации, которой соответствует моногамия. Однако это пока только признак появления классового рабовладельческого общества, а разрушают родовой строй два крупных разделения общественного труда: выделение пастушеских племен (эквивалентом этого явления в условиях Америки Энгельс называет орошение возделываемых земель и постройки из адобов) и отделение ремесла от земледелия.

Оба эти разрушителя родового строя в полную силу действовали и в Тауантинсуйю: и строительство оросительных систем (вспомним каналы длиной в десятки километров), и использование адобов — необожженного кирпича (особенно в районах Тихоокеанского побережья), и выделение целых селений — общин ремесленников — было реальностью царства сынов Солнца.

Энгельс пишет, что родовой строй «был взорван разделением труда и его последствием — расколом общества на классы. Он был заменен *государством*». Здесь же даны главные признаки-характеристики, которые отличают государство от родового строя: территориальное деление, наличие публичной власти, взимание налогов, которые «были совершенно не известны родовому обществу», и, наконец, появление органов, стоящих над обществом.

Следуя тому же порядку изложения, напомним, что царство инков было разделено на четыре территории — суйю, а также на более мелкие административные единицы. Публичную власть в Тауантинсуйю представляли не только инки, но и кураки и камайоки. Налогами или податью инки обложили все население страны. Не только сам клан правителей, но и целая система контролеров, судей и судебных исполнителей стояла над обществом в царстве сынов Солнца.

Родовые связи, указывает Энгельс, разрываются путем разделения членов общества на привилегированных и непривилегированных. В Тауантинсуйю это выразилось в выделении из общей массы подданных («налогоплательщиков») господствующего класса в виде «неналогоплательщиков».

Появление классов как результат раскола общества делает государство необходимостью. Инки решили эту

проблему еще до создания своего гигантского царства, а типичное для Тауантинсуйю господство над покоренными царствами и народами несовместимо с родовым строем. Таков неизбежный вывод, если следовать за одним из главных положений выдающегося труда Энгельса.

Казалось бы, всего этого достаточно, чтобы отнести созданное инками общественное устройство к раннеклассовому рабовладельческому обществу. Все было бы именно так, если бы не два обстоятельства, которые не укладываются в классическую схему рабовладельческой социально-экономической формации.

Во-первых, в Тауантинсуйю не было «товара товаров», то есть денег. И, во-вторых, там не было рабов, без существования которых вряд ли можно говорить о рабовладельческом характере этого общества.

Первое обстоятельство имеет вполне убедительное объяснение. Как известно, первым товаром и первыми деньгами практически повсеместно становится домашний скот, но во владениях сынов Солнца не оказалось таких животных, которые стали бы домашним скотом (видимо, на эту особенность обратил внимание Энгельс, предложив своеобразный эквивалент пастушеских племен, как об этом было сказано выше). Там не было ни лошадей, ни крупного, ни мелкого рогатого скота, ни свиней. Отсутствие домашнего скота затруднило или замедлило процесс первоначального накопления, а следовательно, и возникновение «естественной» частной собственности.

Правда, некоторые исследователи пытаются увидеть в листьях коки, в перце и иных наиболее высоко ценившихся в Тауантинсуйю сельскохозяйственных продуктах специфические для инков «деньги». Однако с такой постановкой вопроса трудно согласиться. Можно допустить, что дальнейшее развитие экономических и общественных отношений вынудило бы инков найти некий «товар товаров», но к моменту прихода испанцев этого не произошло.

Почти полное отсутствие интереса к драгоценным металлам основной массы населения, так поразившее испанцев, убедительно засвидетельствовало, что и золото и серебро также не стали всеобщим эквивалентом обмена в Тауантинсуйю.

Таким образом, можно утверждать, что объективные условия, в том числе природного характера (отсутствие

животных, которые могли бы стать домашним скотом), затормозили этот исторически неизбежный процесс.

Что же касается второго из указанных нами обстоятельств, то в Тауантинсуйю были рабы; их называли, как уже говорилось, янаконами. Но число янаконов было настолько мало, что нет никаких оснований говорить об их влиянии на характер производственных отношений в царстве сынов Солнца. Судите сами: что могут изменить три или пять тысяч янаконов в государстве с населением в несколько миллионов человек?

Вместе с тем именно наличие янаконов служит неопровержимым доказательством того, что институт рабства как таковой был известен инкам и, следовательно, само рабовладение не может быть исключено из общественных и экономических отношений инкского общества как некий чуждый ему по духу или природе элемент.

Но рабовладельческого общества без рабов не бывает — таков, казалось бы, логически безупречный вывод. Однако не будем спешить, ибо в случае с Тауантинсуйю этот бесспорный вывод оспаривает сама социально-экономическая действительность.

Да, в Тауантинсуйю не было рабства в классическом понимании этого общественного явления. Уточним, не было *индивидуального* рабства, которое лежало бы в основе производственных отношений Тауантинсуйю. Вместо него в роли *«коллективного раба»* оказалась община, та самая община, которая составляла основу всей экономической и политической жизни гигантского государства инков.

Как нам представляется, при инках община отнюдь не выступала «вместо» индивидуального раба. Скорее наоборот, в Тауантинсуйю можно было наблюдать процесс высвобождения пуреха-общинника из общины — «коллективного раба» и его превращение в раба индивидуального, классического, первыми «ласточками» этого и были янаконы.

Более того, если взять инкскую модель развития раннеклассового общества, то становится очевидным, что коллективное рабство общины не заменяло, а предшествовало индивидуальному рабству того же общинника. В самом деле, откуда, кроме как из общины, было появиться в раннеклассовом обществе рабу? Именно общинник, вырванный тем или иным образом из общины, становится рабом.

Однако этот исторически неизбежный процесс в усло-

виях Тауаитиисуйю все еще ие приият всеобъемлющего характера. В его развитие, иасколько мы можем судить, вмешался субъективиый фактор, а имеиио общииная политика клаиа правителей. Ведь иики, как правило, ие разрушали даже завоеваииую ими вражескую общиину, которая в ииых условиях стаиовится главиым поставщиком плеииков-рабов.

Как н чем это было вызваио, можио лншь догадываться (естествеиио, опираясь иа общие закоиы развития человеческого общества), ио сам факт сохраиения чужой общииы и в известиой степеии ее укрепления ие вызывает сомиеиий. Можно утверждать, что в дальиейшем такая общиииая политика потерпела бы крах, но в тот коикретиый период истории имеиио оиа составляла суть всей экономической и политической деятельиости ииков.

Вот почему общииа-айлью ие просто могла, ио и должиа была стать главиым орудием эксплуатации основных масс иаселеиия Тауаитиисуйю. Так оио и было. Поражает абсолютиое бесправие имеиио общииы, а не общинннка. Оио столь же велико, сколь иеограиичеииа была власть клаиа ииков из Куско.

Разрушеиие традициоиных связей айлью и ее прямое подчииеине клаиу правителей делало ее беспомощиой, беззащитиой перед верховиой властью. Одиим из иаиболее эффективных и могучих средств осуществлеиия такой политики стало иасильствеииое переселеиие отдельиых общии, а иногда и целых иародов.

Иики проводили активную общиииую политику. Их стремлеиие обособить, изолировать и подчииить иепосредствеиио себе каждое айлью вполие естествеиио ужнвалось с защитой общины от возможиого распада. Создается впечатлеиие, что сыиы Солица испытывали к общиие особое доверие. Оии сами отиосительио иедавио отошли от младеической поры своего общественного развития и только с приходом в долииу Куско получили возможиость приступить к создаиию раниеклассового общества.

Одиако их соседи, вскоре ставшие поддаииыми сыиов Солнца, иапример царство Чиму, уже давно прошлн этот этап и иакопили зиачительиый опыт классовых антагонистических отношений. Инки ие могли этого ие заметить и не заинтересоваться им. А мы зиаем, что сыиы Солица ие были разрушителями, оии скорее заимствовали все то, что могло укрепить их власть. Вот почему (пред-

упреждаем, что это всего лишь грубо начерченная схема, требующая множества уточнений и детальной разработки) в Тауантинсуйю как бы столкнулись, слились вместе старые общинные порядки, сохранившиеся от более раннего исторического периода, и новые (во всяком случае, для самих инков) раннеклассовые антагонистические отношения, проверенные и отработанные другими царствами этого региона.

Называть индейскую общину при инках коллективным рабом нам дает право ее полнейшее, абсолютное бесправие, не увидеть которое просто невозможно. Мы знаем также, как у инков решался вопрос владения пахотной землей, — сами сыны Солнца устанавливали и определяли наделы-марки, которыми «владела» община или селение. Границы между царствами и провинциями после их захвата инками также устанавливались правителями из Куско.

Тот факт, что нарушение установленных инками границ каралось самым суровым образом, вроде бы свидетельствует в пользу того, что земля, выделенная общине или царству, становилась их собственностью. Но мы уже говорили, что это было не так. Добавим, что институт митмака в еще большей степени, чем при азиатских формах собственности, укреплял за «объединяющим началом» (по Марксу) право собственности на землю. Более того, митмак фактически абсолютизировал это право Куско, в результате чего айлью было лишено возможности выступать даже в качестве «наследного владельца» земли, хотя «в условиях восточного деспотизма и кажущегося там юридического отсутствия собственности, — писал Карл Маркс, — фактически в качестве его основы существует эта племенная или общинная собственность...».

Вот почему в созданном инками обществе мы наблюдаем противоположное явление: клан инков как «объединяющее начало» Тауантинсуйю с помощью митмака лишал общину даже иллюзии собственности на землю, поскольку Куско в любой момент по своему усмотрению мог переселить айлью в угодный для инков район царства. Пользование общины выделенной ей землей имело еще одну особенность, на которую нельзя не обратить внимания. Мы имеем в виду ежегодный передел наделов общинников. Формально он был связан с необходимостью изменять размеры семейных топу, поскольку менялся численный состав пурехского двора. Однако нам

представляется, что передел топу имел и иное и не менее важное значение. Попытаемся объяснить его смысл.

Оседлость населения и земледелие — явления, взаимно обусловливающие друг друга. Возможность обрабатывать из поколения в поколение один и тот же участок пахотной земли неизбежно порождает ощущение права собственности на него. Ежегодное перераспределение топу как раз и было направлено против подобных «частнособственнических» настроений. Оно создавало у общинника ощущение своей полнейшей зависимости от общины и от верховной власти, которая и являлась настоящим владельцем единственного источника существования пуреха — земли. Таким образом, в условиях Тауантинсуйю не было даже той юридически не оформленной, хотя и традиционно сложившейся общинной собственности на землю, которая имелась, как указывает Карл Маркс, в условиях восточного деспотизма.

Лишив общину права собственности на землю, правители Тауантинсуйю предпринимали все, в том числе и самые дорогостоящие, меры, чтобы община располагала необходимым количеством земли, при-

годной для возделывания сельскохозяйственных культур. Напомним, что почти повсеместно в Тауантинсуйю строились насыпные террасы, проводились оросительные каналы, широко использовалось удобрение птичьим пометом, для чего была организована охрана знаменитых птичьих островов в Тихом океане, а само гуано распределялось под строжайшим контролем властей. Существовали специальные семенные фонды, и в случае неурожая или иных природных катастроф делалось все возможное, чтобы от голода не погиб ни один общинник-пурех и члены его семьи.

В царстве сынов Солнца никто не имел права умереть от голода. Но когда при захвате чужих царств и земель погибали тысячи бывших пурехов или когда «усталый» или «плачущий кровью камень» превращал в кровавое месиво тысячи пурехов, «персональная ответственность» за их гибель не возникала, ибо то были деяния во славу Бога-Солнца и его сынов — инков.

И гигантская трудовая и военная машина сынов Солнца ни на минуту не останавливалась, не задерживала своего движения вперед, чтобы мир и тишина царили над Тауантинсуйю, чтобы солнечная благодать приходила к простым людям земли.

Но чем было и что означало это «вперед», в направлении которого двигалось созданное инками общество?

Чтобы разобраться в этом вопросе, нам придется вернуться к рассказу о бастарде Атауальпе, который был прерван в тот момент, когда «помнильщики» из Кито двинулись по мосту через бурные воды реки Апу-римак.

Дальше события развивались примерно так.

Под штандартами Атауальпы шли на Куско не только выдающиеся полководцы Тауантинсуйю, но и закаленные в боях воины Уайна Капака. Сами инки, как мы уже говорили, были отменными воинами. Но основная масса индейцев кечуа, во всяком случае наиболее близкая к инкам в этническом отношении и потому особо обласканная и приближенная ко двору сапа инки, умела куда лучше владеть метелками, подносами и иными орудиями, без которых не обойтись при обслуживании царского двора, нежели пиками, дротиками, маканами и другим оружием. Они так гордились своею близостью к священной особе правителя, что все силы отдавали совершенствованию своего мастерства услужения сынам Солнца. К тому же из их рядов постоянно уходили в митимаи целые общины. Нетрудно предположить, что пе-

реселялись не лучшие метельщики или дровосеки, а совсем другие «специалисты», без которых двор инки мог обойтись вполне безболезненно. Но теперь именно им, метельщикам и дровосекам, предстояло взять в руки оружие.

Сказочная роскошь всегда порождает изнеженность духа и тела. Доступность всего земного не укрепляет духовные силы, а отсутствие морали, этой сдерживающей основы, способной внушать человеку принципы, стоящие выше эгоистических и сиюминутных интересов, нельзя компенсировать любой, самой изощренной натренированностью тела. Можно научиться не бояться свиста мелькающей перед лицом боевой маканы, но бой не праздник Вараку. Те, кто понимал и испытал на себе эту очевидную разницу, оказались не среди защитников Уаскара, а в рядах войск Атауальпы. Они-то и решили исход битвы в пользу инки-бастарда.

После разгрома своих войск Уаскар пытался спастись бегством, но он оказался плохим бегуном. «Он убегал почти с тысячей воинов, собравшихся вокруг него, и все они умерли у него на глазах—одних убили враги, другие убили сами себя, видя своего короля в плену», — трогательно описал Инка Гарсиласо сцену пленения Инки Уаскара воинами Атауальпы.

Так произошло великое святотатство, беспрецедентное в истории сынов Солнца кощунство.

После разгрома войск Куско и пленения Уаскара по приказу Атауальпы начинается повсеместное и поголовное уничтожение сынов и дочерей Солнца. Конечно, при желании подобные действия можно попытаться объяснить местью инкам — оккупантам и угнетателям, но хронисты, да и сами события дают иную оценку этому безумству жестокости и насилия.

Далее. Как можно понять из хроник, Атауальпа даже не пытался поднять на борьбу против инков другие царства и народы, как и Кито, насильственно включенные в Тауантинсуйю. Наоборот, он жестоко наказывал даже тех из них, кто пытался искать его расположения.

Его нежелание заполучить среди других народов союзников в борьбе против Куско красноречиво говорит в пользу того, что инка-бастард стремился сохранить целостность всего царства, которое теперь он сам представлял. Вот почему предпринятые им карательные экспедиции, причиной которых были какие-то старые обиды и счеты, не просто напоминают, а являются акциями

верховной власти по подавлеиию непокориых подданных. И это происходит в тот момент, когда был жнв еще законный правитель Тауаитинсуйю и, следовательно, никто не отменял зависимость подданных царства от Куско.

Нельзя ие учитывать и то, что нспанцы формально казнилн Атауальпу, как узурпатора власти, как лицо, незаконно захватившее престол царства и умертвившее правнтеля Тауантнисуйю Инку Уаскара. Во всяком случае, онн именно так «объяснялн» расправу над Атауальпой, и именно так оиа была воспринята инкамн и их сторонникамн (правда, только на первых порах).

Все так и было (только причина казнн Атауальпы была иной: инку-бастарда испанцы казнилн, чтобы обезглавить царство и прибрать к рукам главный рычаг управлення страной — трои правителя). Ибо еслн первоначально, как мы уже не раз говорили, Атауальпа хотел освободнть царство Кнто от господства инков, то после разгрома войск Уаскара его целью стал трон всего Тауантинсуйю, против распада которого он прннял самые энергичные и жестокне меры.

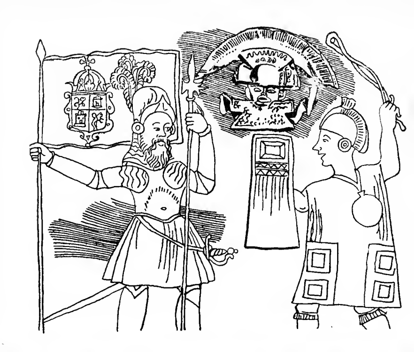
Только этим можно объяснить и систематическое нстребленне членов клана инков, и таких же, как Атауальпа, бастардов: лишь фнзнческое устраненне всех сынов Солнца открывало ему, бастарду, законный путь к трону Тауантннсуйю.

Прнступнв к выполненню этой задачи, Атауальпа сам недвусмысленно показал, что, во-первых, он ие ставит больше никакнх локальных задач, связанных с освобождением царства Кнто, и, во-вторых, не намерен менять порядки, устаиовлениые в Тауаитиисуйю сынами Солнца.

С педантнчной деловнтостью, восприиятой от ннков, которые приучали не только вассалов, ио и члеиов своего клана именно так выполиять порученную им работу, Атауальпа осуществлял плаи своего восхождеиня на престол.

Сколько инков и бастардов было уиичтожеио по его приказу, сейчас трудио подсчнтать. В любом случае речь ндет о десятках и даже сотнях тысяч человек, если считать не только воннов-мужчии, но и женщин, детей, стариков и даже младенцев во чреве матерей.

Атауальпа создал для своих родичей настоящне концентрацнонные лагеря. Вот как опнсывает один из таких лагерей Инка Гарсиласо, записавший этот рассказ со



слов очевидцев — своей матери-пальи и ее брата-инки: «Жен, сестер, теток, племяниц, двоюродных сестер и мачех Ата-вальпы вешали иа деревьях и на очень высоких виселицах, которые были сооружены там; одних подвешивали за волосы, других пропуская веревку под мышками, а других — отвратительными способами, которые мы умолчим ради приличия; им давали их детишек, которых они держали в руках; они держали их, пока могли, а когда они падали из их рук, их добивали дубинками; других подвешивали за одну руку, другнх — за обе руки, других — за пояс, чтобы пытка длилась бы долго и они как можно медленнее умнралн... Мальчиков и девочек они убивали постепеино — по стольку-то каждую четверть месяца, совершая над иими великие жестокости...»

Была перебита и зиачительиая часть ииков по привилегии, правда, как можио поиять у тех же хроиистов, уничтожались в осиовиом мужчины. Последнее обстоятельство имеет немаловажиое зиачеиие, ибо оио прямо указывает на то, что в случае с иками из клана правителей, когда убивали и мужчии и жеищин, действия Ата-

уальпы нельзя рассматривать только как личную месть.

Об этом же свидетельствует расправа Атауальпы над индейцами каньяри, которые были соседями царства Кито, и инка-бастард, видимо, имел с ними «личные счеты». Их послы встретили воинов Атауальпы своими традиционными «хлебом и солью» — зелеными ветвями и листьями пальм. В ответ на предложение мира Атауальпа приказал уничтожить всех мужчин каньяри, включая мальчиков и стариков. Их главное селение Тумибамба было полностью разрушено и сожжено. По сведениям королевского казначея Агустина де Сарате, было убито 60 тысяч каньяри, а хронист Сьеса де Леон, сочинения которого отличаются скрупулезной точностью и сегодня служат великолепными этнографическими источниками (просто учебниками по этнографии той поры), указал, что в провинции каньяри женское население превышало его мужскую часть в пятнадцать раз!

И здесь, как мы видим, уничтожались только мужчины, что также отличает эту расправу от политики полного искоренения всех сынов и дочерей Солнца.

Однако в примере с каньяри имеется еще одна очень важная деталь. Во время восстания индейцев, возглавленного Манко Инкой, индейцы каньяри оказались в числе наиболее преданных союзников испанцев. Читатель должен также помнить случай с вождем каньяри во время празднования в Куско «Святого таинства». Это дает основание утверждать, что каньяри не испытывали к инкам любви и могли стать союзником Атауальпы в его борьбе против тирании Куско. Они даже засвидетельствовали это подношением ветвей и листьев пальмы. Но Атауальпа не пожелал сделать каньяри своими союзниками.

Все это, повторяем, подтверждает мысль о том, что бастард из Кито принял решение занять престол Тауантинсуйю, физически устранив всех более законных, нежели он сам, наследников налобной повязки с перьями корикэнкэ.

Конечно же, факты жестокости Атауальпы ужасают современного читателя, но мы не можем не сказать именно здесь, что они кажутся каплей в море, если их сравнить с трагическими для аборигенов Америки результатами испанской конкисты Нового Света, когда погибли миллионы и миллионы индейцев.

Итак, чем было и куда шло созданное инками обще-

ство? К какой социально-экономической формации оно принадлежало и каковы были тенденции его дальнейшего развития?

На фоне известных нам главных и наиболее характерных черт экономического, политического и культурного развития царства сынов Солнца мятеж Атауальпы как типичное проявление борьбы за власть еще одно убедительное доказательство, что созданное инками из Куско общество следует отнести к классовым и антагонистическим. Даже если мы возьмем относительно короткий период реальной истории Тауантинсуйю (он начинается в 1438 году), борьба за власть, за престол сапа инки была обычным для него явлением. Уже приход к власти Инки Пачакутека-Виракочи, первого из исторических инков, связан с насильственным отстранением его предшественника. Более того, Пачакутек становится сапа инкой при жизни своего отца, и, следовательно, сам этот факт является вопиющим нарушением «нерушимых традиций» сынов Солнца.

Пачакутек провел многочисленные реформы и преобразования. Это естественно, ибо только при нем Куско перестает быть одним из городов-государств и становится столицей объединенного государства всех кечуа. Стремительный рост Тауантинсуйю, захват все новых и новых царств и народов, этнически уже не связанных родством с индейцами кечуа, требовали строжайшей дисциплины внутри клана правителей из Куско, фактически еще только зарождавшегося как особая элитарная (суперэлитарная) верхушка господствующего класса. Но одновременно и как прямое следствие этого нового положения инков растут всевластие и роскошь инкского двора, растет и число членов клана правителей. Все это начинает подтачивать суровые порядки, установленные для самих инков железной рукой Пачакутека. Отсутствие сдерживающих начал, ничем не ограниченная власть, сказочная роскошь, а также стремительно возраставшее число потенциальных претендентов на престол, в том числе благодаря институту «невест Солнца», приводят к естественному, нормальному обострению отношений внутри клана — плетутся заговоры, борьба за власть приобретает типично придворный характер.

В расцвете сил умирает сын Пачакутека, самый выдающийся полководец инков Топа Инка Юпанки — его отравила одна из многочисленных наложниц. Брат умершего, также знаменитый воин Уаман Ачачи, сажает

на престол не старшего, как того требовали «нерушимые традиции», а младшего из сыновей Топа Инки Юпанки. Инка Уальпайя (также дядя нового сапа инки Уайна Капака), будучи регентом при правителе, пытается умертвить своего августейшего племянника, дабы освободить трон для собственного сына.

Правление Инки Уайна Капака проходит относительно спокойно. Но вот умирает всемогущий Единственный инка, и уже не чистокровные сыны Солнца, а бастард из Кито Атауальпа становится хозяином трона Тауантинсуйю.

То, что в борьбу за престол включился бастард, явление закономерное, ибо институт незаконнорожденных сынов Солнца рос не только в количественном отношении, но и укреплял свои позиции в общей социальной структуре государства инков. Есть своя закономерность и в том, что бастард-мятежник оказался из Кито — то было одно из крупных и лишь недавно включенных в Тауантинсуйю царств. Субъективным и даже случайным в этой истории можно посчитать только то, что в роли бунтовщика оказался именно Атауальпа, поскольку у Уайна Капака было более двухсот сыновей и дочерей. Но именно Атауальпа, будучи порождением самых прекрасных земных чувств — любовью к женщине и к подаренному ею сыну, — помог соединить в одном конкретном лице требования того времени, отражавшие объективные процессы, стремительно развивавшиеся в царстве сынов Солнца.

Мы не знаем и не беремся сказать, удержал ли бы Атауальпа в своих руках трон Тауантинсуйю, но в любом случае — здесь мы высказываем свое убеждение — в тот исторический период не было реальных сил, которые могли разрушить целостность царства сынов Солнца. И если бы инки из Куско не нашли в себе силы, чтобы освободить трон от узурпатора, то не потребовалось бы долгого времени, чтобы выяснилось, что именно Атауальпа как раз и является самым чистокровным из всех чистокровных сынов Солнца.

Но мятеж Атауальпы из Кито, особенно в своей начальной стадии, не менее убедительно показал, что социально-экономические устои инкского общества уже подошли к той критической черте, за которой следует неизбежное начало конца.

Созданное инками из Куско общество было раннеклассовым, все еще окончательно не освободившимся

от элеменитов предшествующей формацни в виде родовой общины — айлью, процесс разрушения которой буквально происходил у них на глазах. Желание укрепить общину привело к тому, что айлью включилось в обслуживание новой зарождавшейся социально-экономической формации — рабовладельческого строя.

Это и была та специфическая особенность царства сынов Солнца, за которой не так-то просто разглядеть общие закономерности развития человеческого общества. К тому же классовое рабовладельческое общество уже было известно в пределах границ Тауантинсуйю, например, мочикская цивилизация. Это создавало условия для ускоренного становления нового общественного строя у инков благодаря возможности заимствовать чужой опыт. Так, например, именно у мочиков (через их наследников — царство Чиму) инки заимствовали административную систему, модель строительства городов, поделенных на строгие «кварталы», высочайшую технику земледелия. С другой стороны, очевидная «привязанность» кечуа к общине тормозила разрыв с прошлым в общественном и экономическом плане; она привела к тому, что айлью стало главным орудием эксплуатации основной массы населения Тауантинсуйю — коллективным рабом, в чем-то напоминающим институт илотин в древней Спарте.

Но параллельно шел процесс высвобождения общинника-пуреха или общинника-ремесленника из все еще могущественных цепей родового прошлого и его превращение в свободного от общины раба. Появление у неинкской знати собственности на землю в виде «премиальных» наделов активно способствовало этому процессу.

Таким образом, классовый характер инкского общества не вызывает сомнений. Не вызывает сомнений и то, что к моменту прихода европейцев на земли Тауантинсуйю там господствовал рабовладельческий строй, своеобразные черты которого не меняют его классовой антагонистической сущности. Из этого следует главный и самый важный вывод: при всем своеобразии и кажущейся необычности социально-экономическое развитие царства сынов Солнца было подчинено общим законам развития человеческого общества.

ЗОЛОТО НА ДРОВА

(Окончание)

...Он знал, и это было самым главным...

Кандиа подтолкнул своего пассажира. Неуклюже перевалившись через корабельный борт, маленький, еще совсем молодой индеец в накидке, одевавшейся прямо на голое тело, оказался на палубе прямо перед Писарро.

Пока предводитель рассматривал гостя, на корабль подняли большие тяжелые предметы, наспех завернутые в яркие узорчатые ткани.

— Он все вертелся около меня, — словно извиняясь, сказал Кандиа, кивнув головой в сторону индейца. — Ждал, пока я был у губернатора. Его хотели отогнать, но я не разрешил. Все улыбался, как сейчас. Просился на корабль.

И хотя болезненную гримасу на лице маленького индейца было трудно признать за улыбку, никто не усомнился в правдивости слов Педро де Кандиа.

— Кажется, они решили, что мы остались недовольны приемом Молины. Вот подарки. — Кандиа показал рукой на тюки. — Там золото и всякая мелочь. Они очень удивились, когда я приказал завернуть все это в их тряпки. Бормотали, бормотали, повторяя: «инка», «инка».

При слове «инка» индеец вздрогнул. Опустив к полу глаза,

он что-то залепетал на непонятном языке, с видимым почтением выговаривая слово «инка».

— Как тебя зовут? — спросил Писарро.

Индеец, уже давно сообразивший, кто здесь главный, с мольбой обратил свой взор к Кандиа, словно ища у него защиты.

— Как тебя зовут? — почему-то по-гречески рявкнул Кандиа. При этом он решительно ткнул пальцем в лоб индейца.

— Пилью, пилью, — с испугом стал повторять индеец, хлопая по длинным волосам ладошками обеих рук.

Испанцы радостно заулыбались. Им явно понравилось, как ловко сумел грек объяснить этому дикарю вопрос предводителя.

— Пилью, пилью, — повторил за индейцем Кандиа, явно гордясь своей ролью «переводчика». Понимая, что от него ждут объяснения, он неуверенно произнес: — Может, Филипильо? Он такой маленький, вот его и прозвали «Филиппок»?

И опять всем понравилось объяснение грека. Вместе со всеми улыбался и сам Филиппок, хотя никак не мог понять, почему к слову «пилью», означавшему «головной убор», эти бородатые гиганты прибавляли странный звук, которого не было в его родном языке.

Когда Кандиа ткнул пальцем в лоб Филипильо — отныне все станут называть его этим именем, — тот схватился за голову и обнаружил, что потерял свой обязательный головной убор, без которого ни один индеец не смел появляться на людях. Филипильо страшно испугался. Должно быть, головная повязка упала еще там, на берегу, когда бородатый втолкнул его на свой странный плот...

Но испанцы улыбались. Может быть, радовались тому, что он, маленький индеец, нарушил закон Единственного? Если так, то кем были эти богатыри? Разве они не Виракочи? Не братья сынов Солнца, спустившиеся с неба на своих крылатых дворцах?..

Рассказ Кандиа уже не выглядел таким фантастическим — на палубе лежало золото. И это была не добыча, а подарки. Их могли сделать только люди, обладавшие сказочными богатствами.

Хронист Инка Гарсиласо де ла Вега много лет спустя именно со слов Педро де Кандиа описал золотые сады Тауантинсуйю. Там находились отлитые в натуральную величину из золота и серебра копии всех животных и растений, с которыми имели дело в повседневной жизни индейцы. Видел Кандиа и сложенные перед дворцом золотые дрова, словно они предназначались для его очагов. То были великолепные произведения искусства.

Теперь, когда Писарро располагал доказательствами существования богатейшего индейского царства, нужно было как можно быстрее... возвращаться в Панаму. Он понимал это, но не менее отчетливо представлял, какую бурю протеста вызовет такое решение у соратников. На поддержку некоторых он мог рассчитывать,

однако... Кругом были только горящие алчностью глаза. Разные, но одинаково возбужденные видом блестевшего на палубе золота. Одни нетерпеливые. Другие злые. Они окружали его, приближались, требовали. Не понять этих людей было невозможно. Выполнить их желание значило погубить все достигнутое с таким трудом. Как заставить их вернуться в Панаму? Как удержать? Как объяснить, что это в их же интересах?..

— Совет! — Писарро показалось, что его не услышали, и повторил свое решение: — Совет!

Писарро попытался двинуться в сторону капитанской каюты, но люди не расступились перед ним.

— Круг, круг! — выдавила из себя толпа. — Круг, круг! — настаивала она все решительнее.

— Круг! — согласился предводитель.

Люди расступились, пропуская в середину образовавшегося на палубе живого круга капитанов, лейтенантов, королевского казначея, главного лоцмана и священника.

— Кто был на Гальо, тот знает, зачем я пришел сюда. — Гул одобрения прокатился по толпе. — Только господь бог и католические короли могут остановить меня. Вы видите, что бог с нами, — Писарро выразительно взглянул на лежавшее на палубе золото, — но что скажут католические короли?.. Без их высочайшего согласия и повеления кто позволит себе предпринять столь великое дело? Мы возвращаемся в Панаму, и я говорю: каждому, кто попытается покинуть борт корабля, я сам перережу глотку! Я все сказал!

В наступившей тишине было слышно, как на борт накатывались ленивые океанские волны. И снова зашумела толпа, но на этот раз каждый кричал что-то свое, отчего общий настрой не казался таким агрессивным.

Старый воин уловил отсутствие единства среди окружавших его людей. Он и сам опасался прихода сюда других конкистадоров, однако безрассудно начинать конкисту, не обеспечив тылы и не получив согласия короны. Другое дело поиски неведомых земель и царств, но теперь, когда все убедятся, что индейское царство найдено и оно богато золотом, было бы непростительной ошибкой начинать завоевание, не заручившись поддержкой Испании. Конечно, он мог отдать приказ разграбить Тумбес — собственно, этого и требовали крикуны, — однако им, испанцам, не следовало преждевременно раскрывать карты. Ибо кто знает, к чему могло привести такое нападение? Нужно уходить, чтобы вернуться сюда под знаменами короны.

Писарро двинулся прямо на рыжебородого, кричавшего громче других.

— Ты, ты можешь плыть туда, но я не дам тебе даже пусто-

го бочонка. Иди! Швырните за борт эту визгливую свинью, — в голосе предводителя звучала нескрываемая насмешка, — вдруг он действительно научился плавать?..

Дружный хохот убедил Писарро, что он попал в самую точку: конкистадоры вспомнили, как несколько дней назад рыжебородый тонул в речной протоке, где и воды-то было лишь по колено.

Под гогот и улюлюканье толпы отчаянно сопротивлявшегося рыжебородого подняли на руки и понесли к борту.

— Раз, два, три!.. — радостно кричала толпа. При слове «три» руки разжались, и тело звонко плюхнулось о воду. Взрыв хохота потряс корабль.

— Выловите его, — сказал Писарро, — и под арест! Пусть поразмышляет в одиночестве. А теперь Совет...

Возможно, так, а скорее всего как-то иначе, но Писарро удается убедить участников экспедиции не нападать на Тумбес. Они мирно покидают бухту Гуаякиль, спускаются дальше на юг вдоль побережья и примерно там, где расположен ныне город Трухильо, разворачивают корабли, чтобы вернуться в Панаму.

Испанцы привозят неопровержимые доказательства своего открытия: золото, серебро, утварь и одежду. Среди их трофеев индеец Филипильо (мы позволили себе пофантазировать, как могло состояться «крещение» этого исторически достоверного лица).

Однако в Панаме Писарро не задерживается. Он сразу же отправляется в Испанию, прихватив с собой экзотические подарки для королевского двора. Он спешит, ибо боится, что у него могут перехватить право на конкисту.

Судьба благоволит Писарро. Он получает королевские капитуляции (соглашения) — их подписывают в Толедо обе заинтересованные стороны 26 июля 1529 года, — вербует новых конкистадоров (будущих!), среди которых немало родственников, в том числе родные братья Писарро, и возвращается в Панаму пожизненным губернатором, капитан-генералом, главным альгвасилем не только не завоеванных, но даже толком не открытых испанцами земель.

Мы не знаем, о чем думал будущий покоритель царства Тауантинсуйю во время долгих плаваний через Атлантический океан, но мы знаем, чего Франсиско Писарро даже не мог себе представить, отправляясь из Панамы в очередной, на этот раз успешный завоевательный поход. А не знал он многое...

Он не знал, что идет завоевывать царство, население которого превышало 10 миллионов человек. Когда в Кахамарке, где будет пленен, а позднее и казнен Атауальпа, перебежчики сообщили, что вместе с инкой-бастардом находится 50 тысяч воинов, испанцы решили, что индейцы просто не умеют считать. Трудно сказать, что бы предприняли конкистадоры, знай они, что индейцы великолепно считали, что 50 тысяч воинов были не войском, а личной гвардией

правителя и что для настоящей войны инки собирали армии в несколько сот тысяч человек.

Но испанцы не знали этого, и незнание обернулось для них... счастливой удачей. Впрочем, правомерно ли называть удачей победу более высокой социально-экономической формации?..

Не знал Писарро, что сказочные богатства, которые он добудет, станут для него источником несчастий, причиной смерти. Что его родные братья казнят Диего де Альмагро — главного помощника, компаньона и побратима покорителя царства инков. Что сын Диего — Альмагро-младший убьет самого Писарро в собственном доме, в городе, который он основал и сделал столицей одной из богатейших колоний Испании. Не избежит плахи и Альмагро-младший — его казнят как бунтовщика сторонники Писарро. Погибнут от рук палачей, убийц или в сражениях братья Писарро, все его кумовья и товарищи по конкисте. Те же, кто выживет, умрут в страшной нищете, как и последний из братьев Писарро, который, проведя в испанской тюрьме 23 года, будет безуспешно судиться с королевской казной за право унаследовать хотя бы часть состояния своего старшего брата. Вместе с ним за наследство отца будет бороться и родная дочь Франсиско (к этому времени она станет женой своего дяди Фернандо). Канет в неизвестность и сын знаменитого конкистадора Франсиско Писарро-младший...

Золото Перу! С него начиналась легенда об инках. Слухи о золотом царстве привели испанцев в Перу. Легендой остается «золото инки» и сегодня. Оно не принесло ни богатства, ни счастья ни тем, кто шел к нему, устилая свой путь телами тысяч убитых индейцев, ни испанскому народу.

* * *

Обагренные кровью миллионов аборигенов Нового Света, благородные металлы если и оседали в самой Испании, то лишь в виде золотой мишуры, способствуя еще большему обнищанию трудового народа. Основной же их поток в Испании не задерживался — он устремлялся в другие страны Старого Света, решительно ускоряя процесс первоначального накопления капитала.

И в этом смысле золото Нового Света не пропало даром: награбленное в индейских храмах и дворцах, добытое с помощью рабского труда в условиях испанских колоний, оно пришло в Старый Свет, чтобы способствовать утверждению и победе более передовой общественно-экономической формации, победе капитализма. Разоряя кастильского пахаря и андалузского рыбака, ремесленника из Кордобы и виноградаря из

Малаги, индейское золото превращалось в руках английского буржуа или голландского купца в могучие рычаги нового вида эксплуатации человека человеком.

Открытие Америки, как указывал Фридрих Энгельс, было по своему характеру капиталистическим предприятием. Феодальная Испания исторически не была готова воспользоваться этим обстоятельством. Она не могла встать на новые, на капиталистические рельсы развития. Однако молодой, зарождавшийся в Европе капитализм не упустил возникшие новые возможности. Неразборчивый в средствах, он стремился любыми путями утвердить свое господство. Правда, капитализм не обладал еще силой, чтобы прибрать под свою «опеку» колониальные владения Испании, но он будет накапливать их целых три столетия, чтобы на рубеже XIX и XX веков начать борьбу за передел колоний. И именно испанские колонии станут первой жертвой этой новой, империалистической, борьбы за передел мира, за мировое господство империализма.

И снова, как четыре века назад, чужеземцы придут на земли теперь уже Латинской Америки, чтобы начать новую, современную, внешне вполне респектабельную конкисту, главным оружием которой станет капитал... В отличие от испанских конкистадоров, толком не ведавших, куда идут, «неоконкистадоры» будут предварительно с научной тщательностью изучать богатства латиноамериканских стран, в жестоких национально-освободительных войнах XIX века завоевавших свою политическую независимость.

И снова за пределы Латинской Америки потекут сокровища, отнятые у ее народов. Снова польется кровь борцов за свободу и справедливость. Только теперь с каждым годом, с каждым новым десятилетием будет крепнуть сопротивление, будут расти ряды борцов за подлинную независимость народов Латинской Америки — таков закон нашего времени, времени грандиозных общественных преобразований, начало которым положил Великий Октябрь 1917 года.

И новым огнем вспыхнут, казалось бы, забытые, стертые из людской памяти многовековым колониальным господством удивительные образы далекого прошлого, древних цивилизаций американских аборигенов. Нет, они не угасли и не умерли. Они остались жить в многообразии национальных культур стран «пылающего континента».

Да, он пылает, этот удивительный континент, удивительный своим прошлым и революционным настоящим.

Яркое своеобразие доколумбовой Америки неоднократно становилось предметом всевозможных спекуляций, политический характер которых более чем очевиден. Их изобретатели пытались доказать, что именно в своеобразии истории этих стран заложено необоримое препятствие для проникновения в современную Латинскую Америку «чуждых» ей идей марксизма-ленинизма и открытых им общих законов развития человечества. Отлучая Латинскую Америку от генерального пути развития человечества, активно пропагандируя «теории», подобные «инкскому коммунизму», буржуазные ученые искали и «находили» в том необычном и своеобразном мире, который так потряс Европу периода Великих географических открытий, целую систему «доказательств» своих «научных» построений.

Но все необычное и своеобразное в истории доколумбовой Америки не только не опровергает, а, наоборот, прямо подтверждает, что в главном, определяющем индейские цивилизации Нового Света строго следовали генеральному курсу развития человечества. Не верховное божество, не Отец-Солнце и не божественное откровение, а общие законы развития человеческого общества определяли суть и характер поведения и поступков инков из Куско.

Несостоятельность подобного «отлучения» сегодня подтверждает и сама жизнь, реальная практика революционной борьбы латиноамериканских народов, получившая наиболее убедительное воплощение в строительстве социализма на Кубе, в победе революционного никарагуанского народа, в вооруженной борьбе патриотов Сальвадора и других стран региона.

И еще. Истории свойственны парадоксы. Научный коммунизм, перед которым испытывают страх не только буржуазные теоретики и не только в Латинской Америке, в какой-то своей части обязан своим рождением в том числе и «инкскому опыту». Вспомним, что именно Великие географические открытия, в которых Новый Свет занял одно из ведущих мест, способствовали зарождению в Европе идей утопического коммунизма. Правда, Томас Мор был казнен еще до открытия европейцами царства инков, однако Томмазо Кампанелла опубликовал свой «Город Солнца» почти столетие спустя после разгрома Тауантинсуйю. Его солярии — жите-

ли Города Солнца — не просто напоминают, но во многом похожи на сынов Солнца, только не из реальной жизни, а из сочинения хрониста Инки Гарсиласо де ла Вега, также автора своеобразной, во многом стихийной и примитивной, но все же социальной утопии с чертами социалистического характера.

Вот почему, чтобы с уверенностью смотреть в будущее, нужно знать не только настоящее, но и прошлое, каким бы далеким и таинственным оно нам ни казалось!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Кузьмищев В. А.

К89 Царство сынов Солнца. — 2-е изд. — М.: Мол. гвардия, 1985. — 255 с., ил. — (Эврика).

В пер. 65 к. 100 000 экз.

О происхождении государства инков, об исторни, органнзации и культуре царства сынов Солнца и его гибели под пятой испаиских конкистадоров рассказывается в этой книге.

К $\frac{0506000000-088}{078(02)-85}$ Без объявл.

ББК 63.3(0)4
9(М)1

ИБ № 4623

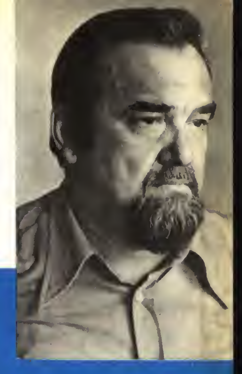
Владимир Александрович Кузьмищев
ЦАРСТВО СЫНОВ СОЛНЦА

Редактор **Л. Антонюк**
Художник **Б. Жутовский**
Художествеиный редактор **В. Неволин**
Технический редактор **Н. Носова**
Корректоры **Г. Трибунская, Г. Василёва**

Подписаио в печать с матриц 25.02.85. А00673. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарннтура «Лнтературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 13,44. Условн. кр.-отт. 13,86. Учетно-изд. л. 14,5. Тнраж 100 000 экз. Цена 65 коп. Заказ 387.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

65 коп.



МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Эврика

МОСКВА, 1985

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ КУЗЬМИЩЕВ

Читателю «Эврики» знакомо имя Владимира Александровича Кузьмищева по книге «Тайна жрецов майя». Уже более трех десятилетий занимается он изучением стран Латинской Америки, регулярно пишет о них, выступает в качестве переводчика латиноамериканской литературы. Его перевод «История государства инков» выдающегося писателя и мыслителя XVI—XVII веков Инки Гарсиласо де ла Вега получил в 1975 году на ВДНХ диплом Почета.

Много лет Владимир Александрович проработал в Союзе советских обществ дружбы, а с 1966 года возглавляет сектор культуры Института Латинской Америки Академии наук СССР.

Книга «Царство сынов Солнца» — результат многолетних исследований цивилизации инков. Автор сумел по-новому увидеть и понять многое в истории их гигантского государства. Книга дает ответ на ряд принципиально важных вопросов, порожденных необычностью созданного инками общества, уничтоженного в пору расцвета европейскими завоевателями.